

ISSN 2304– 960X

**Инновационный Центр прикладных научных исследований
«РИМ Университет»**

**№ 3 (52)
ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ
2025**

Современный Юрист

Международный научно–практический журнал

Издается с октября 2012 года

Журнал включен в систему РИНЦ

Москва

ISSN 2304– 960X

**Innovation Center for applied scientific research
«RIM University»**

**№ 3 (52)
JULY-SEPTEMBER
2025**

The Modern Lawyer

**International scientific– practical journal
SOVREMENNYJ ÛRIST
Published since October 2012**

Moscow

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

Председатель совета:

Альбов А.П., д.ю.н., проф.

Зам. председателя:

Куприянова Л.М., к.э.н., доцент

Амосова О.С., к.ю.н.

Ананьева А.А., к.ю.н., доц.

Беликова К.М., д.ю.н., проф.

Ванин В.В., д.ю.н., доц.

Гирько С.И., д.ю.н., проф.

Головинская И.В., д.ю.н., доц.

Гришина Я.С., д.ю.н., доц.

Иванова С.А., д.ю.н., проф.

Капустин А.Я., д.ю.н., проф.

Кирпичев А.Е., д.ю.н., доц.

Кулаков В.В., д.ю.н., проф.

Курбатов А.Я., д.ю.н., проф.

Курчина А.С., к.ю.н.

Левушкин А.Н., д.ю.н., проф.

Назаренко Г.В., д.ю.н., проф.

Никифоров В.А., д.ю.н., проф.

Омелин В.Н., д.ю.н., проф.

Оспенников Ю.В., д.ю.н., доц.

Павликов С.Г., д.ю.н., проф.

Петюкова О.Н., д.ю.н., проф.

Попова Н.Ф., д.ю.н., проф.

Рожнов А.А., д.ю.н., доц.

Рубаник В.Е., д.ю.н., доц.

Ручкина Г.Ф., д.ю.н., проф.

Степаненко Ю.В., д.ю.н., проф.

Суслова С.И., д.ю.н., доц.

Ульянова М.В., к.ю.н.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СОВЕТ**

Лоренцо Меццасома —

Председатель — доктор, проф.,

Университет Перуджа, Италия

Федерика Маццасетта —

Зам. председателя — доктор, проф.,

Университет Перуджа, Италия

Джакомо Понгелли — Научный

редактор — доктор, проф.,

Университет Перуджа, Италия

Джанмарко Чифальди, проф.,

Университет им. Д'Аннунцио, город

Пескара, Италия

Франческо Риццо, доцент кафедры

гражданского права, Университет

Камерино, Италия

Джованни Берти де Маринис,

адвокат, Италия

Агустин Луна Серрано, проф.

кафедры гражданского права,

Университет Барселоны, Испания

Евгению Лямас Помпо, доктор

права, профессор, Университет

Саламанки, Испания

Перес–Серрабона Гонсалес,

доктор права, Университет Гранады,

Испания

Чирич Александр, доктор

юридических наук, проф.,

Факультет права, Университет Ниш,

Сербия

Деян Вучетич, доктор юридических

наук, доцент, Факультет права,

Университет Ниш, Сербия

Петер Поташ, доктор права,

Панъевропейская высшая школа,

Братислава, Словакия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Степаненко Ю.В., д.ю.н., проф.

Зам. главного редактора:

Куприянова Л.М., к.э.н., доцент,
директор Центра научно–
прикладных исследований «РИМ
Университет»

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
30 ноября 2011 г.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФСС77– 47531

**Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(НЭБ РИНЦ)**

Приобретение старых выпусков:
Старые, ранее опубликованные
выпуски доступны по запросу:
rimuniver@gmail.com

Ответственность за содержание
публикаций несут авторы.

Мнение редакции может
не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов,
опубликованных в журнале,
допускается только с письменного
разрешения редакции.

Рукописи
авторам не возвращаются.

При перепечатке материалов
ссылка на журнал
Современный Юрист
обязательна.

Внимание авторов!

Свои материалы направляйте по
электронной почте:

E– mail: rimuniver@gmail.com

**Журнал выходит
4 раза в год**

По вопросам редакционной
подписки обращаться по
электронной почте

E– mail: rimuniver@gmail.com

**Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(НЭБ РИНЦ)**

Приобретение старых выпусков:
Старые, ранее опубликованные
выпуски доступны по запросу:
rimuniver@gmail.com

© Коллектив авторов, 2025

© «РИМ Университет», 2025

Показатель журнала в рейтинге SCIENCE INDEX за 2024 год – 2.82.

Процентиль в рейтинге SCIENCE INDEX за 2024 год – 72.

220 – е место по тематике «Государство и право. Юридические науки» в рейтинге SCIENCE INDEX за 2024 год. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ – 0,390. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ с учетом цитирования из всех источников – 0,746. Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,395. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Решение Президиума ВАК от 01.12.2015 № 13– 6518 <http://perechen.vak2.ed.gov.ru> (ред. 01.02.2022 года).

*«Если запастись терпением и проявить старание,
то посеянные семена знания непременно дадут добрые всходы»
Леонардо да Винчи*

Уважаемые читатели!

В настоящее время в нашей стране нет ни одной сферы, области или отрасли, которая пребывала бы в состоянии стагнации или тем более – регресса. Происходящие в России и за ее пределами политические, экономические, социально-культурные процессы свидетельствуют о поступательном развитии всех сегментов жизнедеятельности государства и общества. Даже специальная военная операция – это не агрессия против некогда братского народа, воссоединение с которым не за горами, не демонстрация силы, а понуждение к миру, стремление к многополярному мироустройству, в котором все его субъекты будут равноправны. К этой мысли меня подтолкнуло содержание настоящего номера нашего журнала, настолько оно разностороннее, позитивно направленное и исторически обоснованное, сочетающее в себе как традиционные общечеловеческие ценности и традиции, так и реалии сегодняшнего дня.

В частности, рубрика теории государства и права содержит в себе как научные представления о политико-правовом идеале в доиндустриальную эпоху нового времени (А.Ю. Лыков), так и современный теоретико-правовой взгляд на цифровизацию юридической практики как результат современной цифровой экономики (А.П. Альбов, А.В. Пицулин). Отраслевая траектория представлена научным исследованием Д.А. Корнеевой о правовых и теоретических аспектах систематизации законодательства в сфере здравоохранения.

Гражданско-правовое направление нашего журнала развивают научные работы Р.Р. Эмухвари об имущественном залоге в древнерусском и современном российском праве, а также Е.А. Золотовской, посвятившей свою статью публично-правовым задачам государственного образования и их реализации субъектом Российской Федерации в гражданских правоотношениях. Имеет междисциплинарный характер исследование М.В. Вронской и М.А. Шокалюк об ответственности врачей за совершение медицинской ошибки. В ней затрагиваются вопросы гражданско-правовой, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности.

В исследовании Е.Н. Бурнос основное внимание обращено на возможности применения института поворота исполнения судебных актов в гражданском процессе к мировым соглашениям.

Рубрика административного права представлена как теоретическими, так и прикладными исследованиями. Работа Ю.В. Степаненко и В.В. Журавлева выполнена на стыке теории государства и права, теории управления и административного права и посвящена сравнительному анализу категорий «правовая неопределенность» и «неопределенность права». Принцип саморегулирования как фактор сложившейся децентрализации в области физической культуры и спорта раскрывает в своей статье Ю.А. Эпов. Административно-деликтное направление содержания журнала наполнено исследованием К.А. Пирогова, связанным с характеристикой административных правонарушений в контрактной области.

Раздел семейного права традиционно обеспечивается научными трудами нашего постоянного автора – А.Р. Пурге, которая сегодня представляет вниманию читателей статью «Особенности бракоразводного процесса в России».

Завершается номер научной работой Е.Е. Есипова на актуальную и своевременную тему о цифровом пиратстве как преступлении против интеллектуальной собственности.

Уважаемые читатели, желаю приятно провести время с нашим журналом в руках!

С уважением и наилучшими пожеланиями,
главный редактор

Юрий Викторович Степаненко

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Альбов А.П.</i>	Цифровизация юридической практики как	
<i>Пищулин А.В.</i>	результат современной цифровой	
	экономики (теоретико-правовой аспект)	8
<i>Корнеева Д.А.</i>	Правовые и этические аспекты	
	систематизации законодательства в сфере	
	здравоохранения	18
<i>Лыков А.Ю.</i>	Представления о политико-правовом	
	идеале в доиндустриальную эпоху нового	
	времени	27

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

<i>Вронская М.В.</i>	Ответственность врачей за совершение	
<i>Шокалюк М.А.</i>	медицинской ошибки	42
<i>Золотовская Е. А.</i>	Публично-правовые задачи	
	государственного образования и их	
	реализация субъектом Российской	
	Федерации в гражданских	
	правоотношениях	52
<i>Эмухвари Р.Р.</i>	Имущественный залог в древнерусском и	
	современном российском праве	

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Бурнос Е.Н.</i>	Поворот исполнения утвержденного судом	
	мирового соглашения в гражданском	
	процессе: актуальные вопросы	
	правоприменения	71

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Степаненко Ю.В.</i>	Правовая неопределенность и	
<i>Журавлев В.В.</i>	неопределенность права: сравнительный	
	анализ	85
<i>Эпоев Ю.А.</i>	Принцип саморегулирования как фактор	
	сложившейся децентрализации в области	
	физической культуры и спорта	95
<i>Пирогов К.А.</i>	Характеристика административных	
	правонарушений в контрактной области	105

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

<i>Пурге А.Р.</i>	Особенности бракоразводного процесса в	
	России	113

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Есипов Н. Н.</i>	Цифровое пиратство как преступление	
	против интеллектуальной собственности	125

CONTENT

THEORY OF STATE AND LAW

<i>Aleksei P. Albov</i>	Digitalization of legal practice as a result of the modern digital economy (legal theory aspect)	9
<i>Aleksandr V. Pishchulin</i>		
<i>Daria A. Korneeva</i>	Legal and ethical aspects of systematization of legislation in the sphere of healthcare	19
<i>Andrey Yu. Lykov</i>	Concepts of the political and legal ideal in the pre-industrial era of the modern age	28

CIVIL LAW

<i>Maria V. Vronskaya</i>	The responsibility of doctors for making a medical error	43
<i>Michelle Anna Shokalyuk</i>		
<i>Elena A. Zolotovskaya</i>	Public law tasks of state entity and their implementation by a subject of the Russian Federation in civil legal relations	53
<i>Ruslan R. Emukhvari</i>	Property pledge in ancient and modern Russian law	61

CIVIL PROCEDURE LAW

<i>Ekaterina N. Burnos</i>	Reversal of the execution of a court-approved settlement agreement in a civil proceeding: current law enforcement issues	72
----------------------------	--	----

ADMINISTRATIVE LAW

<i>Yuri V. Stepanenko</i>	Legal uncertainty and uncertainty of law: comparative analysis	86
<i>Vladimir V. Zhuravlev</i>		
<i>Yuri A. Epoev</i>	The principle of self-regulation as a factor of the current decentralization in the field of physical culture and sports	96
<i>Kirill A. Pirogov</i>	Characteristics of administrative offenses in the contract field	103

FAMILY LAW

<i>Anna R. Purge</i>	Features of the divorce proceedings in Russia	114
----------------------	---	-----

CRIMINAL LAW

<i>Nikita N. Esipov</i>	Digital piracy as a crime against intellectual property	126
-------------------------	---	-----

Теория государства и права

УДК 342.31

JEL: K10

*АЛБОВ Алексей Павлович*¹

¹ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России). Азовская ул., д. 2, корп. 1, Москва, 117638, Россия.

¹ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия» (РТА), Комсомольский проспект, д. 4, Московская область, г. Люберцы, 140015, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

¹ Албов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории, истории государства и права, профессор РПА Минюста России, Москва, Россия. E-mail: aap62@yandex.ru

*ПИЩУЛИН Александр Владимирович*²

² ФГБОУ ВО «Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова», Юридический факультет Ленинские горы, д. 1, корп. 51, Москва, 119234, Россия

<https://orcid.org/0009-0000-0237-8558>

² Пищулин Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и политологии Юридический факультет Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: pishul@mail.ru

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (ТЕОРЕТИКО-
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Аннотация

Предмет/тема. Статья посвящена теоретико-правовому аспекту цифровизации в праве, которая закономерно развивается в эпоху цифровизации различных сфер общественных отношений.

Цели/задачи. Авторами констатируется, что цифровизацию юридической практики следует рассматривать как результат и следствие развития цифровой экономики. Доказывается, что цифровизация неизбежно все интенсивнее проникает в юридическую практику, что, однако, пока не позволяет сделать вывод о необходимости новой теоретико-правовой типизации в связи с этим.

Методология. При подготовке статьи авторами была использована совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Диалектический метод позволил исследовать предпосылки цифровизации в праве.

Результаты/выводы. Элементом научной новизны осуществленного исследования является анализ цифровизации в праве не просто как набор эмпирических данных, а выявление тенденций ее развития с точки зрения теории государства и права. Теоретики права достаточно редко в отличие от представителей отраслевых юридических наук исследуют данную тематику.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровое право, тип государства и права, искусственный интеллект, цифровизация правоприменения.*

Theory of State and law

¹**Aleksei P. Albov**

Doctor of Law, Professor of the Department of Theory, History of State and Law, Professor of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia

¹ Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice"

¹ Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy"

²**Aleksandr V. Pishchulin**

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

² Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Faculty of Law

DIGITALIZATION OF LEGAL PRACTICE AS A RESULT OF THE MODERN DIGITAL ECONOMY (LEGAL THEORY ASPECT)

Annotation

Subject/topic. The article is devoted to the theoretical and legal aspect of digitalization in law, which naturally develops in the era of digitalization of various spheres of public relations.

Goals/objectives. The authors state that the digitalization of legal practice should be considered as a result and consequence of the development of the digital economy. It is proved that digitalization inevitably penetrates legal practice more and more intensively, which, however, does not yet allow us to conclude that a new theoretical and legal typification is needed in this regard.

Methodology. In preparing the article, the authors used a combination of general scientific and specific scientific methods. The dialectical method allowed them to study the prerequisites for digitalization in law.

Results/Conclusions. An element of scientific novelty of the conducted research is the analysis of digitalization in law not just as a set of empirical data, but the identification of trends in its development from the point of view of the theory of state and law. Legal theorists, unlike representatives of other fields of legal sciences, rarely study this topic

Keywords: *digitalization, digital law, type of state and law, artificial intelligence, digitalization of law enforcement.*

Цифровая экономика как современный способ распределения и производства экономических благ сформировалась в середине 90-х годов XX века. О ней как об особом типе экономики стали говорить прежде всего потому, что информационно-коммуникационные технологии стали в значительной мере определять развитие экономики, а затем и других сфер общественной жизни [1, с.13].

Следуя диалектическому подходу к пониманию того, как цифровые процессы актуализируют современную экономику, следует отметить:

во-первых, цифровая экономика – это тип собственности, поскольку

цифровые сети все чаще становятся важной частью капитальных активов во всем мире (т. е. метаданные, собранные с помощью интернет-платформы; цифровые валюты, такие как биткоин и т.п.);

во-вторых, цифровая экономика предусматривает открытие и создание новых типов рынков, поскольку цифровые технологии стали инфраструктурой обращения для обмена товарами, услугами и деньгами (т. е. онлайн-платформ обмена, таких как Wildberries, Алиэкспресс, Amazon, Alibaba);

в-третьих, цифровая экономика влечет за собой новые возможности хранения и воспроизводства информации, поскольку цифровые технологии служат одновременно и инструментами труда, и инфраструктурой (т. е. умной работой; работой, ориентированной на информационные технологии; возможностью хранения записей и контроля производительности и эффективности труда в Интернете).

Цифровая экономика допускает иную организацию труда (например, посредством удаленного доступа), что позволяет создавать транснациональные производственные цепочки, также известные как постфордизм.¹ Возможно, наиболее значительным недавним событием в этом отношении, особенно в период, последовавший за финансовым кризисом 2008 года, является связь цифровой экономики с ростом так называемой «экономики концертов»². Взаимосвязь между цифровой экономикой и экономикой концертов заключается в том, что цифровые платформы часто играют центральную роль в том, чтобы люди могли организовываться в качестве независимых подрядчиков и работать в качестве фрилансеров или на временных работах и проектах, в то время как работодатели выбирают людей, которые наилучшим образом соответствуют их потребностям, из большого пула, чем тот, который доступен в данной области.

Сегодня начинают интенсивно применяться технологические достижения новейшей аналитики, роботизированный процесс автоматизации (РПА) и когнитивный интеллект (КИ), изменение бизнес-моделей, повышение производительности и предоставление инновации в том, как организации соединяют в своей деятельности продукты и услуги для современного рынка. Распространение этих достижений в настоящее время обычно называют «индустрией потребления» [2, с. 76-82] или

¹ Современный способ потребления и производства, термин отражает новый этап по отношению к фордизму (системе, сформулированной в массовом конвейерном производстве Генри Форда) и связан с процессами глобализации и становления постиндустриального общества.

² «Экономика концертов» основана на гибкой, временной или внештатной работе, часто связанной с подключением к клиентам или клиентам через онлайн-платформу. «Экономика концертов» может принести пользу работникам, предприятиям и потребителям, сделав работу более адаптируемой к потребностям текущего момента и спросу на гибкий образ жизни.

четвертой промышленной революцией. Цифровая экономика, таким образом, носит сетевой и дистанционный характер, что позволило ей стать трансграничной [3, с. 916].

Поскольку компании продолжают внедрять новейшие технологии, правовое обеспечение деятельности компаний должно быть проактивно и способно предоставить своевременно информацию о новых рисках, связанных с этими технологиями. Следовательно, происходящие изменения требуют и более сложной координации всех участников общественных отношений, на всех стадиях взаимодействия. Цифровые технологии основываются на фундаментальных аналитических решениях, расширяя их возможности, благодаря возможностям РПА и КИ они значительно повышают эффективность и результативность КИ.

Однако необходимо отметить, что цифровизация породила и новые проблемы: нехватка редкоземельных ресурсов для продолжения технологического прогресса и экологические проблемы развивающихся стран, куда отправляют вышедшие из строя гаджеты, которые образуют “цифровой мусор”¹.

Ведение бизнеса меняется достаточно интенсивно, что не может не оказать влияние на правовое обеспечение его деятельности: объем операций в цифровом пространстве увеличился, это приводит к росту рисков при использовании новых правовых моделей; происходит замена уже сложившихся процедур в правовой практике, новыми технологиями – цифровыми. Таким образом, цифровизация закономерно начинает охватывать и правовую сферу общественных отношений.

Безусловно, в этой ситуации цифровизация стала модным словом в юридическом мире, и тем самым вызвала интерес к будущему юридической профессии. Деятельность помощников юриста и младших юристов уже претерпела значительные изменения: теперь в поиске правовой информации активно используется искусственный интеллект, в конечном счете изменяя способ юридической практики в правовом поле².

Мы стали свидетелями значительной цифровизации в области заключения гражданско-правовых договоров, юридических исследований, технологий прогнозирования и автоматизации документооборота, в то время как такие инструменты, как клиентские порталы и платформы для совместной работы на основе Интернета с каждым днем становятся все более сложными. Многие компании внедрили одну или сразу все технологии для управления своими повседневными операциями:

¹ Отчет о цифровой экономике 2024 – Электронный ресурс: <https://unctad.org/publication/digital-economy-report-2024> (дата обращения: 28.03.2025).

² ИИ в юриспруденции: Трансформация юридической практики – Электронный ресурс: <https://www.ultralytics.com/ru/blog/how-ai-in-the-legal-industry-is-transforming-law-practices> (дата обращения: 06.06.2025)

интегрированные правовые данные для обеспечения согласованной информационной основы; программное обеспечение с использованием правовых моделей (например, моделирование рисков; системы, основанные на моделях, которые имитируют человеческое поведение; когнитивный интеллект, включающий в себя такие метаконпоненты мышления, как распознавание проблемы и придание ей юридической формулы; формулирование стратегии решения, представление юридически значимой информации; контроль за решением проблемы и оценка¹.

Эти разработки не остались незамеченными гигантами технологической индустрии, такими, как Интернет-ритейлер Amazon, который сделал первый шаг в индустрии также и юридических услуг, став посредником между клиентами и сетью юридических фирм по защите интеллектуальной собственности, которые предоставляют услуги по регистрации товарных знаков по заранее согласованным тарифам². Нет сомнений в том, что Google, Microsoft и подобные им платформы вскоре могут последовать этому примеру, тем самым способствуя уже продолжающейся пере-профессионализации юридической практики.

В свете вышесказанного в различных публикациях делается предположение, что вскоре классическое правовое поле может быть разрушено, юристы будут заменены цифровыми аналитическими платформами (роботами) и произойдет радикальная перестройка методов предоставления юридических услуг. Другие утверждают, что юристы должны изменить свой способ работы, получить бизнес-образование и действовать скорее, как инженеры по транзакциям, чем как классические адвокаты.

В ответ на цифровизацию правового поля, юридические фирмы по всему миру начали массово инвестировать в новые юридические технологии в попытке сохранить конкурентное преимущество. Некоторые фирмы даже разработали инкубаторы, направленные на создание и развитие цифровых технологий [4, с. 31-35]. Однако на данный момент эти первоначальные изменения не сопровождались существенными изменениями во внутренней организационной структуре юридических фирм. В результате такие фирмы не в полной мере используют потенциал, который новые технологии открывают для юридической практики, и, таким образом, они рискуют потерять доминирующее положение на рынке поставщиков юридических услуг [5, с. 62-69].

Сегодня юристы-практики должны уметь быстро и безошибочно анализировать большие мега-данные, чтобы добиться положительной

¹ Когнитивные модели интеллекта – Электронный ресурс: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/67764/1/notv_2010_1_057.pdf (дата обращения: 11.09.24.)

² Новые игроки: Amazon выходит на юррынок – новости Право.ру – Электронный ресурс: <https://300.pravo.ru/story/215178/> (дата обращения: 11.04.25)

динамики в развитии всех элементов целого непосредственно в реальном времени. Это требование предполагает формирование мощной цифровой среды в правоприменении для инновационного роста, одновременно с интеграцией множества данных. Компании, работающие в сфере юридических услуг, показывают значительный интерес к внедрению цифровизации, поскольку автоматизация может привести к повышению эффективности самой компании, что позволит персоналу сосредоточиться на более полезных и более ценных видах деятельности [6, с. 335-341].

Опираясь на большие обширные онлайн-базы данных, создаются специальные программы, которые помогают юристам выносить обоснованные суждения о рисках, затратах и стратегиях юридического разбирательства. Среди инструментов, которые потенциально могут выполнять задачи автономно есть IBM Watson - система, способная отвечать на различные юридические запросы, существует версия и на русском языке¹.

Аналогичная технология разработана базирующейся в Торонто компанией «Blue J Legal», стартапом, разрабатывающим механизм юридического прогнозирования на базе искусственного интеллекта с первоначальным акцентом на налоговое право², и которая способна быстро анализировать и формировать понимание документов, объединяя ряд дисциплин в области машинного обучения, обработки естественного языка и распознавания образов.

Таким образом, цифровизация правового поля ускоряет уже происходящие процессы изменений в отношении профессии юриста. Это включает в себя отмеченную выше экономизацию и коммерциализацию юридической практики.

Что касается юридических фирм, то их дебюрократизация является важнейшей задачей, которую ставит перед ними нынешняя цифровизация правового поля. Хотя юристы, как и само право, всегда были консервативны, считающейся устойчивой к изменениям, вместе с тем текущие события, связанные с цифровизацией правового поля, предоставляют уникальную возможность отказаться от своих жестких рамок, в которую их загнала предшествующая эпоха.

Цифровизация также стала неотъемлемой частью правоприменения. Начавшись с использования электронных баз данных в процессе подготовки судебных решений, цифровизация в настоящее время дошла до обсуждения внедрения защитников в процессе на основе искусственного интеллекта и даже судей роботов [7, с. 161-165]. Критики таких проектов подвергают сомнению процесс чрезмерной цифровизации рассмотрения

¹ IBM Watson – Электронный ресурс: <https://www.ibm.com> (дата обращения: 06.06.2025)

² Blue J Legal – Электронный ресурс: <https://www.bluej.com> (дата обращения: 06.06.2025)]

судебных дел, ставя резонные этические вопросы [8, с. 85]. Суд как воплощение воли народного суверенитета вряд ли можно полностью отдать на откуп механизированному цифровому процессу, так как в данном случае придется признать, что над волей народа и его представителями господствует машина. Суверенитет не был до сих пор делегирован никакими конституционными актами некой языковой автоматической модели. Тем не менее, в бесспорных ситуациях, где элемент судейского усмотрения исключен, уже используется искусственный интеллект¹. Но все же цифровизация должна носить лишь вспомогательный характер в правоприменении, не подменяя человека и его интеллектуальную деятельность по принятию правовых решений.

Цифровизация в праве привела к формированию новой отрасли права – информационное право. Эта отрасль права, начав свое формирование лишь с довольно узких информационных аспектов в праве, стала за несколько лет значительно объемнее по своему содержанию. Предметом ее изучения на данный момент стали субъекты цифрового права, передача информации, правовое регулирование документооборота, блокчейн-технологии, специфика регулирования информации в СМИ, информационная безопасность. Искусственный интеллект пока еще не стал в полной мере стандартной темой обсуждения в рамках цифрового права [10], хотя в части учебной литературы он уже начал анализироваться [11].

Но процесс цифровизации несет в себе и существенные риски и является как минимум амбивалентным. Юристы-практики могут оказаться в ситуации, когда их услуги перестанут считаться в полной мере продуктом специфических интеллектуальных навыков. Раз многое в юридической деятельности может сделать машина, то зачем собственно нужны юристы? Складывающаяся ситуация вынуждает некоторые юридические службы компаний и/или юридические фирмы создавать базы данных на основе цифровизации исключительно для внутреннего пользования, чтобы не давать возможности воспользоваться их наработками прямым конкурентам. Таким образом, цифровизацию юридической практики трудно назвать одновекторным процессом, дающим лишь положительные результаты.

Все вышесказанное имеет важные последствия для современной юридической практики. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.13 г. № 68/167 "Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век" особо подчеркивается, что интенсивность цифровизации во всех регионах позволяет людям пользоваться новыми коммуникационными технологиями и в то же время повышает способность компаний собирать и отслеживать персональные данные, а это будет способствовать нарушению

¹ Верховный Суд Российской Федерации – Электронный ресурс: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/34359/ (дата обращения: 02.06.25)

прав человека и гражданина, при этом особо отмечается необходимость обеспечения защиты конфиденциальной информации [11].

Еще одной немаловажной проблемой остается по-прежнему вопрос национальной принадлежности разработчика программ в области цифровизации юридической практики. Вряд ли государство и любое национально ориентированное сообщество юристов может позволить себе использовать иностранную технологию в сфере цифровизации права. Так или иначе разработчик программ ориентирован на определенные коды и метод компоновки информации, поэтому юридическое сообщество вряд ли может доверять зарубежным технологиям в процессе юридической деятельности в рамках своей национальной системы права. Таким образом, Россия должна ориентироваться в конечном итоге при разработке подобных программ на отечественного разработчика, тогда как иностранные технологии в этой сфере могут представить результат, не учитывающий специфику российской правовой системы.

При этом обсуждая цифровизацию права мы вынуждены констатировать, что формирование отрасли информационного права далеко еще не означает автоматически такого же места и значения цифровизации в рамках теории государства и права. Так, например, могло бы с первого неопытного взгляда показаться, что цифровое государство и право могут претендовать на статус типа современного государства и, соответственно, аналогичного типа права, особенно в связи с включением данной тематики в классификатор ВАК по соответствующей специальности. Такой вывод представляется по крайней мере преждевременным прежде всего потому, что тип предполагает некоторый набор уникальных характеристик, которые в корне меняют сущность явления.

Скорее всего, пока с точки зрения теории государства и права речь может идти об усовершенствовании методов права императивного и диспозитивного. Цифровизация является лишь новым способом решения классических правовых задач, которые стоят перед современным обществом, делая их решение более быстрым. Можно подумать и о том, что цифровизация является новой чертой, характеризующей современную государственно-правовую реальность. Но представляется скоропалительным вывод о том, что цифровизация значительно изменила сущность государства и права.

Список источников:

1. Юдина (2016) – Юдина Т.Н. Осмысление цифровой экономики // Журнал “Теоретическая экономика” - 2016. - № 3. - С. 13.
2. Петрук (2019) – Петрук Т.В. Индустрия 4.0 и ее роль в развитии промышленных технологий // Мода. Искусство и культура. - 2019. - №2 (34). - С. 76-82.
3. Городнова (2021) – Городнова Н.В. Развитие цифровой экономики: теория и практика // Вопросы инновационной экономики - 2021. – Том 11 - № 3. - С. 916.

4. Емалтынов (2021) – Емалтынов А.Р. Некоторые проблемы оценки электронных доказательств в системе электронного правосудия // Арбитражный гражданский процесс. - 2021. - № 5. - С. 31-35

5. Южаков, Ефремов (2017) – Южаков В.Н., Ефремов А.А. Направления совершенствования правового регулирования в сфере стимулирования развития информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. - 2017. - № 5. - С. 62-69.

6. Трибушный, Трибушная, Трибушная (2018) – Трибушный И.Ю., Трибушная М.И. Трибушная В.Х. Ключевые аспекты российской цифровой экономики и ее нормативного регулирования // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. - 2018. - № 8 (34). - С. 335-341.

7. Анисимова, Спиридонова (2021) - Анисимова А. С., Спиридонова М. П. К вопросу о возможностях использования технологий искусственного интеллекта в правосудии // Юридический вестник ДГУ. - 2021. - Т. 39 - № 3. - С. 161–165.

8. Чуканова, Бабченко (2024) – Чуканова Е.С., Бабченко А.И. Искусственный интеллект и правосудие: миф или реальность // Уголовная юстиция. - 2024. - № 23. - С. 85.

9. Рассолова (2020) – Рассолова И.М. Информационное право: курс лекций / под ред. И.М. Рассолова – М., МГПУ, 2020 - 352 с.

10. Вайпана (2024) – Вайпана В.А. Информационные технологии в юридической деятельности (правовая информатика в цифровую эпоху): учебное пособие / под ред. Вайпана. В.А., ч.1 – М., Юстицинформ, 2024. - 260с.

11. Чаннова (2024) – Чаннова С.Е. Информационное право: учебник пособие / под ред. С.Е. Чаннова – М., Норма: ИНФРА-М., 2024. - 448с.

12. Зорькин (2018) – Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета — Столичный выпуск. 30.05.2018. - № 7578 (115).

References:

Yudina (2016) - Yudina T.N. Understanding the digital economy [Osmyslenie tsifrovoi ekonomiki] // Journal “Theoretical Economics” [Jurnal “Teoreticheskaya ekonomika”] - 2016. - No. 3. - P. 13.

Petruk (2019) – Petruk T.V. Industry 4.0 and its role in the development of industrial technologies [Industria 4.0 i ee rol v razvittii promyshlennih tehnologii] // Fashion. Art and Culture. [Moda. Iskustvo i kultura] - 2019. - No. 2 (34). - P. 76-82.

Gorodnova (2021) - Gorodnova N.V. Development of the digital economy: theory and practice [Razvitie tsifrovoi ekonomiki: teoriya i praktika] // Issues of innovative economics [Voprosy innovatsionnoi ekonomiki] - 2021. – Volume 11 - No. 3. - P. 916.

Emaltynov (2021) - Emaltynov A.R. Some problems of assessing electronic evidence in the electronic justice system [Nekotorye problemy otsenki elektronnyh dokazatelstv v sisteme elektronnoho pravosudia] // Arbitration civil procedure [Arbitrazhnyi grazhdanskii process] - 2021. - No. 5. - P. 31-35

Yuzhakov, Efremov (2017) - Yuzhakov V.N., Efremov A.A. Directions for improving legal regulation in the field of stimulating the development of information technologies [Napravlenia sovershenstvoniya pravovogo regulirovaniya v razvitia informatsionnyh tehnologii] // Russian law:

education, practice, science [Rossisskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka] - 2017. - No. 5. - P. 62-69.

Tribushny, Tribushnaya, Tribushnaya (2018) - Tribushny I.Yu., Tribushnaya M.I. Tribushnaya V.Kh. Key aspects of the Russian digital economy and its regulatory framework [Kluchevye aspekty rossiskoi tsifrovoi ekonomiki i ee normativnogo regulirovaniya] // Innovative economy: prospects for development and improvement [Innovatsionaya ekonomika: perspektiva razvitiya i sovershentsvovaniya] - 2018. - No. 8 (34). - P. 335-341.

Anisimova, Spiridonova (2021) - Anisimova A. S., Spiridonova M. P. On the possibilities of using artificial intelligence technologies in justice [K voprosy o vozmozhnostyakh ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta v pravosudii] // Legal Bulletin of DSU. [Yuridicheskii vestnik DGU] - 2021. - Vol. 39 - No 3. - P. 161–165.

Chukanova, Babchenko (2024) - Chukanova E.S., Babchenko A.I. Artificial intelligence and justice: myth or reality [Iskusstvenii intellekt i pravosudie: mif ili realnost] // Criminal justice. [Ugolonaya ustitia] - 2024. - No. 23. - P. 85.

Information law: a course of lectures / edited by I.M. Rassolov [Informatsionnoe pravo: kurs lektsii / red. I.M. Rassolov] - M., Moscow State Pedagogical Univ., 2020 - 352 p.

Information technologies in legal activity (legal informatics in the digital age): a textbook / edited by V.A. Vaipana., part 1 [Informatsionnye tehnologii v uridicheskoi deyatel'nosti: uchebnik / red. V.A. Vaipan, chast 1] - M., Yustitsinform, 2024. - 260 p.

Information law: textbook manual / edited by S.E. Channov. [Informatsionnoe pravo: kurs lektsii / red. S.E. Channov] - M., Norma: INFRA-M., 2024. - 448 p.

Zorkin V.D. Law in the Digital World. Reflections on the Sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum [Pravo v tsifrovom mire. Razmyshleniya na polayh Peterburskogo Mezhdunarodnogo uridicheskogo foruma] // Rossiyskaya Gazeta - Stolichny Vypusk. 30.05.2018. - No. 7578 (115).

Теория государства и права

УДК 340.1

JEL K10

КОРНЕЕВА Дарья Александровна¹

¹ ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

<https://orcid.org/0009-0009-0455-2754>

¹ Корнеева Дарья Александровна

Аспирант кафедры теории, истории государства и права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». Москва, Россия. E-mail: asa7911@yandex.ru

¹ Старший инспектор юридического факультета ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». Москва, Россия.

Научный руководитель – Альбов Алексей Павлович, доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права ВГУЮ (РПА Минюста России). E-mail: aap62@yandex.ru

**ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Аннотация

Предмет/тема. В статье изучены правовые нормы и этические принципы, регулирующие процессы систематизации информации, данных, документов и нормативных правовых актов в сфере здравоохранения, а также их влияние на качество медицинского обслуживания, защиту прав граждан и развитие отрасли. Проанализировано действующее законодательство в области здравоохранения, исследованы ключевые этические принципы и их применение в контексте систематизации законодательства. Предметом исследования являются правовые и этические принципы и нормы, связанные с процессом систематизации нормативно-правовых актов. Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе систематизации законодательства в рамках функционирования системы здравоохранения, их структурирование и приведение в единую систему нормативно-правовых актов.

Цели/задачи. Цель исследования – комплексный анализ правовых и этических аспектов систематизации законодательства в сфере здравоохранения, выявление проблем, связанных с его фрагментарностью, противоречивостью и сложностью восприятия, а также разработка предложений по совершенствованию данных процессов и соответствия этическим принципам. Для достижения поставленных целей были поставлены следующие задачи – исследовать, насколько существующее законодательство соответствует этическим принципам справедливости, прозрачности и информированности граждан; сформулировать рекомендации по оптимизации процесса систематизации законодательства в сфере здравоохранения; изучить как недостаточная систематизация

влияет на правоприменительную практику, доступность правосудия и реализацию прав граждан.

Методология. Использовались такие общенаучные методы, как исторический, логический метод, метод обобщения, дедукция и индукция.

Вывод. В статье проведен анализ действующего законодательства в области здравоохранения, раскрыты правовые и этические аспекты систематизации, их взаимодействие друг с другом, выявлены риски, вызовы и этические дилеммы.

Ключевые слова: *Систематизация, здравоохранение, законодательство, право, законотворчество*

Theory of State and Law

¹ **Daria A. Korneeva**

Postgraduate student of the Department of Theory, History of State and Law RLA of the Ministry of Justice of Russia, Moscow, Russian Federation.

¹ Senior Inspector of the Faculty of Law of RLA of the Ministry of Justice of Russia, Moscow, Russian Federation.

Supervisor - Albov Aleksey Pavlovich, Doctor of Law, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Moscow, Russian Federation.

LEGAL AND ETHICAL ASPECTS OF SYSTEMATIZATION OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF HEALTHCARE

Abstract

Subject/topic The article examines the legal norms and ethical principles governing the processes of systematization of information, data, documents and regulatory legal acts in the field of healthcare, as well as their impact on the quality of medical care, protection of citizens' rights and development of the industry. The current legislation in the field of healthcare is analyzed, key ethical principles and their application in the context of systematization of legislation are studied. The subject of the study is the legal and ethical principles and norms associated with the process of systematization of regulatory legal acts. The object of the study is social relations arising in the process of systematization of legislation within the framework of the functioning of the healthcare system, their structuring and bringing into a single system of regulatory legal acts.

Goals/objectives The purpose of the study is a comprehensive analysis of the legal and ethical aspects of systematization of legislation in the field of healthcare, identification of problems associated with its fragmentation, inconsistency and complexity of perception, as well as the development of proposals for improving these processes and compliance with ethical principles. To achieve the stated goals, the following tasks were set: to examine the extent to which the existing legislation complies with the ethical principles of justice, transparency and awareness of citizens; to formulate recommendations for optimizing the process of systematization of legislation in the field of healthcare; to study how insufficient systematization affects law enforcement practice, accessibility of justice and the implementation of citizens' rights.

Methodology Such general scientific methods as the historical, logical method, the method of generalization, deduction and induction were used.

Conclusion The article analyzes the current legislation in the field of healthcare,

reveals the legal and ethical aspects of systematization, their interaction with each other, identifies risks, challenges and ethical dilemmas.

Keywords: *Systematization, healthcare, legislation, law, lawmaking.*

Этические аспекты систематизации законодательства не становились предметом научного исследования, вероятно, потому, что процесс систематизации традиционно принято рассматривать как чисто технический, а потому не требующий этических правил.

В то же время, находясь в поле правотворчества, систематизация не может не подчиняться его общим принципам, таким как приоритет прав и свобод человека и гражданина, справедливость, ориентация на поддержание традиционных ценностей; демократизм, обеспечивающий трансформацию воли народа (единственного источника власти) в законодательные предписания; разумное, паритетное и не дискриминирующее сочетание интересов социальных, этнических, конфессиональных, профессиональных групп. Принцип законности обеспечивает установленный порядок правотворчества, охраняя этот процесс от произвола, волонтаризма и чрезвычайщины. Базовым, хотя и наиболее дискуссионным принципом правотворчества, а в особенности – и систематизации законодательства, остается профессионализм, т.е. допуск к законотворчеству исключительно компетентных профессионалов.

При всей важности, значимости и в полной мере применимости перечисленных принципов, как к правотворчеству, так и систематизации законодательства, нельзя не отметить, что они не являются этическими.

В данном случае следует разрешить важный вопрос о том, вправе ли законодатель руководствоваться помимо воли избирателей и закона ещё и этическими нормами, которые, как известно, в основном не формализованы.

Роль нравственно-правовых ценностей в рассматриваемых нами процессах в основном признается в отечественной философской и правовой литературе [1, с. 624]. Большинство авторов склоняются к тому, что нравственно-правовые ценности влияют на законотворчество на разных этапах, а значит и на этапе систематизации.

В то же время нельзя согласиться с тем, что «законотворчество должно отражать национальное, религиозное, этническое *своеобразие*, воплощать преимущественно христианские традиции народов, населяющих Россию» (выделено нами) [2, с. 313]. Во-первых, не своеобразие, а многообразие, а во-вторых, законодательство не может «преимущественно» воплощать традиции одной конфессии.

Также критически мы подходим к выводу А.Ю. Кузубовой о том, что «правовые нормы должны представлять собой ни что иное, как преломление моральных и нравственных воззрений законодателей». Избиратели (народ как источник власти) не делегируют депутатам морально-нравственные качества.

В СССР нравственные нормы были закреплены в «Моральном кодексе строителя коммунизма», вошедшем в принятые на XXII съезде КПСС Программу и Устав КПСС, которые не были законами. Статус решений съезда в современной интерпретации определялся бы как документы стратегического планирования (пятилетние планы, программы внутренней и внешней политики и т.п.). Советский законодатель руководствовался ими в своей работе, а не личными моральными качествами [3, с. 7].

Аналогичная ситуация складывается сегодня, когда законодатель должен учитывать положения документов стратегического планирования. Так в Стратегии национальной безопасности РФ (2021) сформулировано указание на российские базовые, исторически формировавшиеся духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности как на основу российского общества.

В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» приведен перечень указанных ценностей.

Документ принят в развитие и конкретизирует отдельные положения Стратегии национальной безопасности РФ, Доктрины информационной безопасности РФ, Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года, Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, Основ государственной культурной политики, Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017 - 2030 годы, указов Президента РФ от 7 мая 2018 г. №204 "О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года" и от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития РФ на период до 2030 года».

В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которые определены как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». Обратим внимание на *отсутствие* указания на то, что традиционные ценности лежат в основе правотворчества, законодательства, правовой системы, единого правового пространства, как и указания на то, что нашли здесь свое проявление. Отсюда следует, что традиционные ценности никак не связаны с правовой системой, правотворчеством, а значит и систематизацией законодательства, что представляется неправильным и не соответствующим ни отечественной правовой традиции, ни общему

теоретическому концепту права как регулятора общественных отношений, ни конституционным положениям о социальном правовом государстве.

В п. 5 Основ к традиционным ценностям в том числе отнесены права и свободы человека, а также нравственные идеалы, что не вполне корректно, так как права и свободы в России были декларированы лишь в 1917 г., а в современном и международно-правовом понимании реализуются с 1993 г., поэтому никак не могут быть отнесены к *традиционным* ценностям. Что касается нравственных идеалов, то до марта 1917 г. права на их формулировку принадлежали Русской православной Церкви. Государство их оценивало лишь при выдаче так называемых свидетельств о благонадежности. В этом смысле вести речь о *традиции* также сомнительно.

Таким образом, формально систематизация законодательства не имеет закрепленных этических правил, а потому в общем подчиняется этическим правилам законотворчества.

В данном случае при систематизации нравственный фактор учитывается наряду с материальными, идеологическими и юридическими источниками права, а значит при систематизации содержание акта должно соответствовать существующим в обществе (не только традиционным) позитивным ценностям, чтобы обеспечить эффективные правореализационные механизмы. Это необходимо для того, чтобы нравственно-гуманистические начала присутствовали как в законотворчестве, так и в реализации законов. При этом личные «моральные качества законодателей», важны, но не являются определяющими.

В литературе неоднократно предлагались идеи и проекты нравственной экспертизы законопроектов [там же, с. 317] или «механизма государственной защиты нравственности» [4, с. 113], однако субъектов такой деятельности определить крайне сложно.

Что касается правовой регламентации систематизации законодательства, то она состоит в установлении (закреплении) компетенции субъектов на её проведение. При этом субъекты систематизации могут быть поделены на две группы. В первую входят частные лица (граждане), а также организации разных организационно-правовых форм, которые по своей инициативе и для своих нужд проводят правосистематизаторскую работу, формируя результаты в виде, например, издания сборников, хрестоматий или поддержки частных справочно-поисковых правовых систем. Такая систематизация является *неофициальной* [5, с. 29], специально не регламентируется. В то же время её правовая основа базируется на ст. 24 и ст. 29 Конституции России, а также положениях информационного законодательства, которые гарантируют свободу поиска и использования информации, оборот которой не ограничен федеральными законами.

Официальную систематизацию проводят уполномоченные на то органы, компетенция которых в данной сфере установлена правовым (нормативным или индивидуальным) актом. Официальная систематизация, проводимая уполномоченными на то государственными органами, это финальная стадия правотворчества, так как обеспечивает формирование системы, т.е. целостных и гармонично согласованных друг с другом правовых средств регулирования в форме инкорпорированных, консолидированных, кодифицированных нормативных правовых актов и сводов законов.

В условиях быстрого роста российского законодательного массива необходимо стройное нормативное регулирование системы нормативных правовых актов. Вопросы порядка их разработки и принятия в основном регламентированы, чего нельзя сказать о систематизации. Здесь уже более десяти лет обсуждается проект федерального закона «О нормативных правовых актах». Ранее в 1996-2004 годах в Государственной Думе обсуждался, но после 7 лет дискуссий и переписки был возвращён на доработку в комитет, а затем отклонён и снят с рассмотрения, другой законопроект № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации».

В Проекте 2013 г. отдельная глава 15 посвящена систематизации нормативных правовых актов. Здесь дано общее определение систематизации как «деятельности по учету, упорядочению нормативных правовых актов, приведению их в единую внутренне согласованную систему», перечислены формы систематизации нормативных правовых актов: учет, инкорпорация, консолидация и кодификация, даны их пояснения, определен необходимый для систематизации перечень «сведений о нормативных правовых актах». Каких-либо правовых инноваций, новых понятий, реализации новых концепций, проект не содержит.

В Проекте (ст. 102) предложено создать: Государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, а также Федеральный регистр нормативных правовых актов (ст. 103) и Регистр муниципальных нормативных правовых актов (ст. 104), а федеральные конституционные законы и федеральные законы включить (по образцу законодательства Российской империи) в Свод законов Российской Федерации в виде официального издания с неопределенным в Проекте статусом.

Документ не содержит принципиальных инноваций или реализации новых концепций в рассматриваемой сфере, будучи в определенной степени систематизацией путей решения обсуждаемых проблем российского законотворчества.

В настоящее время регулирование систематизации осуществляется постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 №1009 (ред. от

15.11.2024) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации».

Если считать планирование законодательной деятельности способом обеспечения системности законодательства, то правовое регулирование этой деятельности осуществляется в соответствии с планами законопроектных работ, формируемых Федеральным Собранием РФ, хотя, планирование правотворчества, как констатируют эксперты НИУ ВШЭ «до сих пор не стало существенным фактором обеспечения системности законодательства» [6, с.148].

Что касается правовых аспектов систематизации в сфере здравоохранения, то они подчиняются общим принципам правового регулирования рассматриваемых вопросов.

Систематизация законодательства в сфере здравоохранения требует учета как правовых, так и этических аспектов. В числе первых отметим, что такая систематизация должна учитывать взаимодействие с другими отраслями права: гражданским, уголовным, трудовым, информационным и др., что минимизирует правовые коллизии и пробелы. Систематизация позволяет упорядочить действующее законодательство, выявить пробелы и коллизии. В условиях цифровизации важно учитывать правовое регулирование отношений, связанных с виртуальным пространством, электронным оборотом информации, удаленными консультациями, электронными назначениями и рецептами [7, с. 955].

Как и всякая систематизация законодательства, она в соответствии со ст. 18 Конституции России, направлена на обеспечение соблюдения прав граждан в регулируемой сфере, в том числе на доступ к медицинской помощи, конфиденциальность медицинской информации, право на информированное согласие и др.

Принимая во внимание социальную значимость здравоохранения, для обеспечения стабильности не только отраслевого правового регулирования, но и социальной стабильности, российские авторы, учитывая российский «менталитет», а также «исторически сформированное отношение к медицине и здравоохранению» предлагают разработать и принять некий (условное наименование) Медицинский кодекс или Кодекс о здоровье народа и системе здравоохранения [8], где в том числе закрепить регламентацию систематизации соответствующего законодательства [9, с. 46].

Этические аспекты систематизации традиционно включают в себя, прежде всего, вопросы систематизации действующих этических кодексов и норм, однако, *в сфере здравоохранения* профессиональные медицинские организации разрабатывают этические кодексы и стандарты поведения для врачей и медицинских работников. Эти нормы могут включать в себя правила конфиденциальности, принципы информированного согласия и

другие этические аспекты медицинской практики, но вопросы систематизации отраслевого законодательства там обоснованно отсутствуют.

В то же время этические аспекты систематизации законодательства являются общими для всех отраслей и базируются как на законе, так и на принятых в обществе нравственных началах и требованиях к задачам, процессам и процедурам упорядочения правовых норм.

Этические требования к рассматриваемой систематизации должны соответствовать общечеловеческим и конституционным принципам и ценностям, которые уже заложены законодателем в основание содержания кодексов и иных кодифицированных актов.

К этическому аспекту относятся и историческая обусловленность систематизационной деятельности, поддержание преемственности и согласованности с предыдущим регулированием сферы медицины и здравоохранения.

Этические аспекты систематизации касаются деятельности юристов и технических работников, включая программистов, операторов, принимающих участие в систематизации законодательства. Они должны принимать решения, соответствующие как нормам права, так и нормам морали и профессиональной этики. Отступление от закона, его обход, искажённое, превратное толкование и применение безнравственны и противоречат не только правовым, но и этическим нормам [10, с. 229].

Таким образом, развитие современного и перспективного цифрового правопорядка обеспечивается совокупностью алгоритмов систематизации нормативных правовых актов. Это алгоритмы инкорпорации, поиска и фильтрации правовой информации, консолидации, кодификации и учёта.

Все они в совокупности, действуя в сформированной институциональной среде, в рамках нормативных предписаний, этических норм и, при необходимости, правовых обычаев, обеспечивают систематизацию нормативных правовых актов, укрепляя таким образом цифровой правопорядок, обеспечивая доступ, полноту и оперативность работы с правовой информацией. Перспективным, хотя пока и не вполне научно разработанным и урегулированным здесь является переход от «простой» цифровизации, т.е. к использованию цифровых технологий к цифровой трансформации, поддерживающей основные процессы, а от неё к повседневному применению аналитических инструментов, включая ИИ.

Список литературы:

1. Ильин (1994) – Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. Собр. соч.: в 10 т. - М.: Русская книга, 1994. - Т.4. 624 с.;
2. Кузубова (2021) – Кузубова А. Ю. Потенциал влияния нравственно-правовых ценностей на законотворческий процесс// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Вып. 7. №4. С. 313-317.
3. Дукуп (2012) – Дукуп Т.Ю., Шакирова А.А. Взаимодействие права и

морали в правотворческом процессе // Основные тенденции развития Российского законодательства. 2012. № 7. С. 6-7

4. Цыбулевская (2020) – Цыбулевская О. И. Вектор сближения права и морали в меняющемся мире: философский и правовой аспекты// Государственно-правовые исследования. 2020. №3. С. 113-118.

5. Рябцева (2018) – Рябцева Е.В. Организация и осуществление кодификации законодательства в суде. М.: РГУП, 2018. 64 с. С. 29

6. Орлова (2021) – Орлова Е. Е. Роль гармонизации правового регулирования в процессе глобальной и региональной интеграции// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Вып. 17. № 6. С. 147-157. С. 148.

7. Демакина (2016) – Демакина А.А., Богомолова И.Д. Сущность и структура системы здравоохранения в России// Экономика и социум. 2016. №12-1 (31). С. 955-961.

8. Ташбекова (2012) – Ташбекова И.Ю. Медицинский кодекс: миф или реальность? (историко-правовой анализ) // История государства и права, 2012. №3.

9. Епифанова (2019) – Епифанова Е. В., Чупрова А. А., Хиль И. М. К вопросу о систематизации медицинского законодательства (теоретико-правовой аспект) // Право и государство: теория и практика. 2019. №12 (180). С. 46-49.

10. Шидловская (2005) – Шидловская Т.Ю. Соотношение права и морали в правотворческом процессе (на примере Российской Федерации). М., 2005. 229 с.

Reference:

Ilyin (1994) – Ilyin I.A. General doctrine of law and state. Collected works: in 10 volumes. - M.: Russian book, [Obshchee uchenie o prave i gosudarstve. Sobr. soch: v 10 t. - M.: Russkaya kniga] 1994. - Vol. 4. p. 624.

Kuzubova (2021) – Kuzubova A. Yu. Potential for the influence of moral and legal values on the law-making process // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences [Potencial vliyaniya нравственно-правовых ценностей на законотворческий процесс// Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki] 2021. Issue 7. No. 4. P. 313-317.

Dukup (2012) – Dukup T.Yu., Shakirova A.A. Interaction of law and morality in the law-making process // Main trends in the development of Russian legislation. [Vzaimodejstvie prava i morali v pravotvorcheskom processe // Osnovny'e tendencii razvitiya Rossijskogo zakonodatel'stva.] 2012. No. 7. P. 6-7

Tsybulevskaya (2020) – Tsybulevskaya O. I. Vector of convergence of law and morality in a changing world: philosophical and legal aspects// State and legal studies. [Vektor sblizheniya prava i morali v menyayushhemsya mire: filosofskij i pravovoj aspekty// Gosudarstvenno-pravovy'e issledovaniya] 2020. No. 3. P. 113-118.

Ryabtseva (2018) – Ryabtseva E. V. Organization and implementation of codification of legislation in court. Moscow: Russian State University of Justice, [Organizaciya i osushchestvlenie kodifikacii zakonodatel'stva v sude] 2018. 64 p. P. 29

Orlova (2021) – Orlova E. E. The role of harmonization of legal regulation in the process of global and regional integration// Journal of Foreign Legislation

and Comparative Law. 2021. [Rol` garmonizacii pravovogo regulirovaniya v processe global`noj i regional`noj integracii// Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya] Issue 17. No. 6. P. 147-157. S. 148.

Demakina (2016) – Demakina A.A., Bogomolova I.D. The essence and structure of the healthcare system in Russia// Economy and society. [Sushhnost` i struktura sistemy` zdravooxraneniya v Rossii// E`konomika i socium] 2016. No. 12-1 (31). S. 955-961.

Tashbekova (2012) – Tashbekova I.Yu. Medical code: myth or reality? (historical and legal analysis) // History of the state and law, [Medicinskij kodeks: mif ili real'nost'? (istoriko-pravovoj analiz) // Istoriya gosudarstva i prava] 2012. No. 3.

Epifanova (2019) – Epifanova E.V., Chuprova A.A., Khil I.M. On the issue of systematization of medical legislation (theoretical and legal aspect)// Law and state: theory and practice. [K voprosu o sistemizacii medicinskogo zakonodatel'stva (teoretiko-pravovoj aspekt)// Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika.] 2019. No. 12 (180). S. 46-49.

Shidlovskaya (2005) – Shidlovskaya T.Yu. The relationship between law and morality in the law-making process (using the Russian Federation as an example). [Sootnoshenie prava i morali v pravotvorcheskom processe (na primere Rossijskoj Federacii)] Moscow, 2005. 229 p.

Теория государства и права

УДК 340

JEL: K10

ЛЫКОВ Андрей Юрьевич¹

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Азовская улица, д. 2, корп. 1, Москва, 117638, Россия
<https://orcid.org/0009-0003-3305-753X>

¹ Лыков Андрей Юрьевич, соискатель кафедры теории, истории государства и права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). E-mail: lykov.science@gmail.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ИДЕАЛЕ В ДОИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация

Тема: рассмотрены эволюция и многообразие представлений о политико-правовом идеале в политико-правовой мысли XV–XVIII вв., сформировавшихся под влиянием христианской традиции, предпосылок индустриализации и рационализма.

Цели/задачи: выявить ключевые политико-правовые идеалы рассматриваемой эпохи, провести их сравнительно-эволюционный анализ с раскрытием взглядов мыслителей на базовое противоречие между «персоноцентризмом» (приоритет прав и свобод индивида) и «системоцентризмом» (приоритет стабильности и потребностей государства), показать влияние разработанных концепций на становление современных политических и правовых институтов.

Методология: методологическую основу составили сравнительно-исторический и эволюционный подходы, анализ и синтез концепций, системно-структурный метод, позволившие сопоставить разнородные и часто противоположные модели мыслителей эпохи.

Результаты/выводы: Обосновано, что политико-правовая мысль доиндустриального периода Нового времени не была единой, демонстрируя спектр концепций от утопического коммунизма и просвещённого абсолютизма до либерального конституционализма. Ключевым водоразделом между доктринами стало отношение к праву частной собственности. Несмотря на христианские корни, происходила трансформация в сторону рационального обоснования власти и права (естественное право, человеческий разум), что привело к секуляризации политико-правовой мысли. В ответ на проблемы злоупотребления властью были разработаны фундаментальные институциональные механизмы её ограничения: теория разделения властей, идея народного суверенитета и принцип верховенства закона. Поиск идеалов привёл также к формированию основ современного международного права. Представления исследуемой эпохи сформировали основной корпус идей, определяющих многое в содержании политико-правовых идеалов современности.

Ключевые слова: *политико-правовой идеал, Новое время, естественное право, общественный договор, разделение властей, народный суверенитет, верховенство закона, частная собственность, персонифицизм, системность.*

Theory of State and Law

¹ **Andrey Yu. Lykov**

Postgraduate student of the Department of Theory of the History of State and Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

CONCEPTS OF THE POLITICAL AND LEGAL IDEAL IN THE PRE-INDUSTRIAL ERA OF THE MODERN AGE

Abstract

Subject/topic The evolution and diversity of concepts of the political and legal ideal in the political and legal thought of the 15th–18th centuries, formed under the influence of the Christian tradition, preconditions of industrialization, and rationalism, are considered.

Goals/objectives To identify the key political and legal ideals of the era under consideration, conduct their comparative evolutionary analysis by revealing the thinkers' views on the fundamental contradiction between "personocentrism" (priority of individual rights and freedoms) and "systemocentrism" (priority of stability and needs of the state), and to show the influence of the developed concepts on the formation of modern political and legal institutions.

Methodology The methodological basis consisted of comparative-historical and evolutionary approaches, analysis and synthesis of concepts, and the system-structural method, which allowed for the comparison of heterogeneous and often opposing models of thinkers of the era.

Results/conclusions It is substantiated that the political and legal thought of the pre-industrial period of the Modern Age was not unified, demonstrating a spectrum of concepts from utopian communism and enlightened absolutism to

liberal constitutionalism. The key dividing line between doctrines was the attitude towards the right of private property. Despite Christian roots, a transformation towards a rational justification of power and law (natural law, human reason) occurred, leading to the secularization of political and legal thought. In response to the problems of power abuse, fundamental institutional mechanisms for its limitation were developed: the theory of separation of powers, the idea of popular sovereignty, and the principle of the rule of law. The search for ideals also led to the formation of the foundations of modern international law. The concepts of the studied era formed the main body of ideas that largely determine the content of modern political and legal ideals.

Keywords: *political and legal ideal, Modern Age, natural law, social contract, separation of powers, popular sovereignty, rule of law, private property, personocentrism, systemocentrism.*

Постановка проблемы

Политико-правовая мысль доиндустриальной эпохи Нового времени (XV–XVIII вв.), сформировавшаяся в основном под влиянием христианской доктрины, но сталкивающаяся с предпосылками индустриализации, вынуждена была вести поиск соответствующих условиям времени ответов на фундаментальные вопросы о критериях наилучшего общественного устройства и принципах эффективного государственного управления. Размышления ведущих мыслителей привели к формированию множества часто противоположных представлений о политико-правовых идеалах как образцах политически организованного общества, которые обеспечивают его выживание, совершенствование и развитие с помощью правового регулирования.

Базовое противоречие в оценке перспектив моделирования политико-правовых идеалов в том или ином сочетании «персоноцентризма» и «системоцентризма», выступающих универсальными качествами, дающими определенную характеристику любой социальной системе» (Ал'бов, 2023: 8), выразилось в первую очередь в различных взглядах исследователей на ключевую проблему соотношения прав и свобод индивида (прежде всего права на собственность и свободу) с потребностями и стабильностью государства как системы.

Сравнительно-эволюционная характеристика таких разнородных, а зачастую и взаимоисключающих политико-правовых идеалов, позволяет выявить основные векторы развития политико-правовой мысли в рассматриваемую эпоху и установить их влияние на последующее формирование современных политических и правовых институтов.

Основная часть

Политико-правовая доктрина христианства к XV–XVI вв. в существенной степени повлияла на прогресс государств Западной Европы, что в свою очередь привело к появлению многих трудов о наилучшем общественном устройстве и эффективном управлении. Н. Макиавелли, предлагая модель лучшего правителя, допускал возможность появления

критики его действий. Мыслитель считал, что последние должны оправдываться «результатами» (Makiavelli, 1869: 148). Политико-правовой идеал исследователя включал и специфические подходы к решению государственных задач. Речь идёт о необходимости поддержания конкуренции среди различных групп, ведущих борьбу за политическую власть, а также использовании специальных методов для получения народной поддержки. Кроме того, согласно Н. Макиавелли в государстве требуется поддерживать стабильность юридических норм (Makiavelli, 1869: 170) и гарантировать право частной собственности. Как ёмко замечает Е.А. Фролова, указанный исследователь, «восхваляя политическое коварство правителей, тем не менее, считал основным благом человека свободу и собственность» (Frolova, 2020: 8).

Многие современники итальянского философа не разделяли последний из отмеченных тезисов. Согласно английскому юристу XV-XVI вв. Т. Морю при частной собственности невозможно «правильное и успешное» (Mor, 2024) функционирование государства. Поэтому он выступал за радикальное изменение сложившихся в его стране принципов политического управления (Kal'neу, 2020: 16), которые в том числе должны включать обязательный труд, ограничение роскоши, ликвидацию бедности и привлечение учёных к государственному управлению (Leyst, 1966: 56-57). Подобного политико-правового идеала придерживался и Т. Кампанелла (Kampanella, 2024), согласно которому требуется ликвидация частной собственности «на средства производства» (Volgin, 1947: 9), обязательность труда и государственное регулирование экономики (Volgin, 1947: 9).

Рассматриваемая концепция не была поддержана многими исследователями Нового времени. Например, политико-правовой идеал Б. Спинозы XVII в. включает право частной собственности в полном объёме и представляет собой демократическое государство (Melikovskiy, 2022: 292), которое отличается по своему содержанию от модели Т. Мора и Т. Кампанеллы. Цель государства по Б. Спинозе – «свобода» (Spinoza, 1957: 288-315), выступающая в качестве осознанной необходимости. Правовая защита частной собственности была также одним из положений политико-правового идеала основоположника международного права и сторонника естественно-правовой школы права в XVI-XVII вв. – Г. Гроция (Grotsiy, 1994: 17, 307). Исследователь обосновывал «право необходимости» и считал возможным нарушение права частной собственности только в крайних случаях (Grotsiy, 1994: 71, 206-207). Г. Гроций разделял естественное и позитивное право, где первое выше второго и представляет собой основанные на разуме и природе универсальные законы (Grotsiy, 1994: 47-48, 70-71), которые неизменны даже Всевышним (Grotsiy, 1994: 72). Ссылаясь на Аристотеля, он отмечает, «с одной стороны, есть право естественное, а с другой – право волеустановленное, которое он называет

законным правом, употребляя слово "закон" в более тесном смысле» (Grotsiy, 1994: 71). Голландский юрист отстаивал рациональный подход к праву, критиковал религиозно-догматический метод его понимания, констатируя, что право – это продукт разума, а не теологии (Grotsiy, 1994: 45-47). Формируя в своих работах принципы международных отношений, Г. Гроций изложил концепцию «справедливой войны», которая учёному видится допустимой в целях самозащиты и восстановления справедливости (Grotsiy, 1994: 86-87), в том числе посредством репараций и возврата имущества (Grotsiy, 1994: 397, 451, 690). Ряд идей английского философа Ф. Бэкона совпадали с позицией Г. Гроция. Как и голландец, он признавал существование естественных законов, которые по Ф. Бэкону требуют рациональной интерпретации (Bekon, 1971: 539). Хорошее законодательство то, которое доступно для всего населения (Bekon, 1971: 520), обеспечивает счастье граждан (Bekon, 1971: 377, 508) и общественное благо (Bekon, 1971: 47). Автор призывал к использованию эмпирических методов познания в праве и критиковал схоластику (Bekon, 1971: 113).

Необходимость частной собственности и её регулирования также следует из предложенной в XVII в. концепции общественного договора Т. Гоббса (Panyashin, 2023: 47-57). При этом независимо от формы правления (например, в монархии), подчинение государству со стороны его граждан способствует общественному благу. Напротив, Д. Локк считал, что в государстве всегда необходимо чтобы народ сохранял высшую власть, оберегающую его даже от недобросовестности законодателей (Lokk, 1988: 349-351). Для этого был сформулирован политико-правовой идеал, где требуется разделение властных полномочий между структурными подразделениями государственного аппарата и обеспечение контроля за реализацией властных полномочий последнего (Lokk, 1988: 349-351). Выступал против деспотического правления в XVIII в. и Ш.Л. Монтескье, так как оно неизбежно приводит к злоупотреблению властью (Adyayeva, 2021: 2-5). Для решения такой проблемы исследователь предложил обеспечить систему сдержек и противовесов посредством разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную (Montesk'ye, 1955: 291).

Его современник Ж-Ж. Руссо, развивая ряд из уже отмеченных идей, не отрицал правление аристократии, но при условии, что она преследует общую выгоду, а не свою собственную (Russo, 1998: 40, 39, 61). Причём граждане должны участвовать в управлении государством, в противном случае цель создания этого сообщества – общее благо сограждан – не может быть достигнута (Drobyshevskiy, 2011: 132). Политико-правовой идеал исследователя включал социальное равенство и «народный суверенитет как основу республиканского строя» (Mitrovich, 2023: 18). Автор Декларации независимости США в последней четверти XVIII в. – Т. Джефферсон (Dzhefferson, 1992), поддерживал такую республиканскую

форму правления, и, как и многие другие представители естественно-правовой доктрины, считал признание неотчуждаемых прав человека главным средством борьбы с злоупотреблением государственной властью (Dzhefferson, 1992: 19-20).

В эпоху Нового времени были и другие труды исследователей, которые близки уже обозначенным идеям представителей теории естественного права. Среди них в XVII- XVIII вв. можно выделить следующих авторов. С. Пуфендорф считал, что позитивное право должно соответствовать естественному, где последнее предписывает людям кооперацию и уважение к равенству, а государственные органы обеспечивают «незыблемость» естественных прав и свобод (Malysheva, 2006: 116-117), государство создаётся для защиты от насилия (Kuznetsov, 2000 : 72); критиковал Т. Гоббса и Г. Гроция посредством констатации естественного состояния людей пусть и уязвимого, но мирного, а не войны «всех против всех» (Pufendorf, 1749 : 62-76, 82-89, 673-674). В отличие от Д. Локка институт разделения властей и смешанная форма правления видятся автором факторами внутреннего расстройств государства (Frolova, 2021: 48). Х. Томазий разделял божественный, естественный и светский законы, где первый представляет постигнутое откровение, второй основан на разуме, а третий служит цели установления гражданского порядка (Thomasius, 2011: 12-13, 612-615). Смешение этих законов приводит к негативным последствиям в государстве (Thomasius, 2011: 7-9, 22, 109), в связи с чем исследователь выступал за терпимость и против религиозной ортодоксальности. Согласно Х. Томазию международные отношения должны основываться на принципах естественного права (Thomasius, 2011: 613, 618). В свою очередь Г.В. Лейбниц, предвосхитив идеи европейской интеграции, предлагал обеспечить межгосударственное сотрудничество посредством выдвинутых им принципов (Bezborodov, 2015: 9). Учёный отчасти критиковал концепцию «войны всех против всех» Т. Гоббса, считая, что общество возникает из естественного стремления людей к сотрудничеству (Leybnits, 1982: 107-114). По Г.В. Лейбницу государство выступает в качестве морального организма, назначение которого состоит в достижении общего блага посредством справедливых законов, образования и науки, где «справедливость зависит не от произвольных законов высшего лица, а от вечных правил мудрости и благодати» (Leybnits, 1989: 425).

И если Г.В. Лейбниц, по нашему мнению, в собственной интерпретации скорее был сторонником конституционной монархии (равно как позднее и Вольтер, который высоко оценивал британский парламентаризм (Vol'ter, 1988: 15)), то его последователь Х. Вольф считал наилучшей формой правления монархию на основе просвещённого абсолютизма (Frolova, 2021: 51). Содержание ряда идей последнего, то есть централизованного монархического, но рационального управления, составляло представления о наилучшем государстве мыслителей в рассматриваемый период и за

пределами Европы. Например, таких авторов как Ф. Прокопович (Solov'yev, 2024: 80), В. Татищев (Agleyeva, 2023: 95-96), М.В. Ломоносов (Kozikov, 2010: 269) – в Российской империи, Ш.В. Дехвали (Saifudheen Kunju, 2021: 94-95, 99-100) и Р.Р.М. Рой (Thangamuthu, 2016 : 2612) – в Империи Великих Моголов (Индии), О. Сорай (Tucker, 2006: 43; Marañjan, 1986: 134-135) и А. Хакусэки («желание Хакусэки исправить двусмысленность в определении власти сёгуна в значительной мере возникло из его убеждения, что она была социально и политически пагубной. Социальный и политический порядок, по его мнению, зависел от авторитета правителя как неоспоримого монарха. Это убеждение пересекалось с его решимостью, как члена круга сёгуна, увеличить авторитет сёгуна и уменьшить авторитет старой гвардии фудай») (Wildman Nakai, 1988: 129-130, 173-174) – в Японии, К. Челеби (Nasyrov, 2018: 103-104) – в Османской империи и др.

Представления о политико-правовом идеале содержатся и в многочисленных работах известного немецкого философа XVIII в. И. Канта. Его модель предполагает, что политическая власть должна принадлежать «не людям, а законам» (Kant, 1965: 283). Категорический императив И. Канта, именуемый также законом нравственной свободы, гласит «поступай так, чтобы максима (правило) твоего поведения могла стать всеобщим законом» и «никогда не относиться к другому человеку как к средству, но всегда как к цели» (Kant, 1965: 133; Kel'zen, 2015: 450; Polyarush, 2023: 154). В государственно-правовой сфере исследователями выделяется и третий элемент императива (Kant, 1965: 133; Kel'zen, 2015: 450; Polyarush, 2023: 154), который составляет единство легального и морального элемента, где присутствует «законопослушное поведение, исходящее из личных убеждений» (Kant, 1965: 133; Kel'zen, 2015: 450; Polyarush, 2023: 154). Модель политико-правового идеала изложена И. Кантом в работе «К вечному миру», где предлагается план достижения всеобщего мира посредством утверждения нерушимых мирных взаимоотношений между народами (Kant, 1994: 6). Конечной целью выступает всемирный союз, который будет обеспечивать вечный мир (Kant, 1994: 21). Стремление к нему обуславливается развитием торговли, которая со временем распространится повсеместно, а также тем фактом, что торговые отношения плохо совместимы с состоянием войны (Kant, 1994: 35). Позднее в XIX в. подобные идеи будут высказаны другим немецким философом – Ф.В.Й. Шеллингом. Как замечает А.П. Альбов, согласно философу «ни одно государство не может рассчитывать на безопасность, если не будет создана межгосударственная организация, "государство государств", своего рода федерация, члены которой взаимно гарантировали бы свою неприкосновенность» (Al'bov, 2013: 8-25).

Помимо прочих идей акцент на личности также присутствует в политико-правовом идеале И.Г. Фихте. В соответствии с исследователем

наилучший порядок в первую очередь гарантирует право на жизнь – в индивидуальном смысле, а также равное удовлетворение человеческих потребностей (Fikhte, 1993: 239). Последнее условие тем не менее не должно обеспечиваться, если причина невозможности его соблюдения «скрыта» (Fikhte, 1993: 239) непосредственно в самом человеке. И.Г. Фихте считает обоснованным координацию государством разделения и кооперации труда (Fikhte, 1993: 263), а также контроль за экономическими отношениями. «Никто не может особо обогатиться, но зато никто не может и обеднеть ... Каждому ... гарантировано сохранение его положения» (Fikhte, 1993: 258). В целом в рассматриваемый период происходит как сближение религиозных и теоретических подходов к моделированию моделей наилучшего государственного управления, так и выделение научных концепций. Результатом отмеченных процессов в том числе выступили соглашения Вестфальского мира середины XVII в., которые ограничили ведение войны на религиозных основаниях и закрепили концепцию государственного суверенитета в международных отношениях, сохранившую своё влияние и в первой четверти XXI в.

Заключение

Исследование рассмотренных выше представлений о политико-правовом идеале в эпоху Нового времени позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, политико-правовая мысль Нового времени о политико-правовых идеалах не была единой, будучи представленной спектром концепций – от утопического коммунизма (Т. Мора, Т. Кампанеллы) и просвещённого абсолютизма (Х. Вольфа) до либерального конституционализма (Д. Локка, Ш.Л. Монтескье) и республиканизма (Ж.-Ж. Руссо, Т. Джефферсона), ее развитие демонстрирует интенсивный поиск оптимальной модели государства, отвечающей вызовам эпохи. Ключевым водоразделом между различными доктринами стало отношение к праву частной собственности. Именно оно выступало главным критерием, отделявшим либеральные и консервативные теории (Д. Локка, Т. Гоббса, Б. Спинозы) от радикально-социалистических (Т. Мора, Т. Кампанеллы) и этатистских (И.Г. Фихте).

Во-вторых, несмотря на христианские корни, произошёл решительный сдвиг в сторону рационального обоснования власти и права. Мыслители (Г. Гроций, Б. Спиноза, Ф. Бэкон, И. Кант) стремились вывести политические и правовые нормы не из божественного откровения, а из человеческого разума, природы и идей естественного права, что привело к критике схоластики и религиозного догматизма, секуляризации и рационализации политики и права.

В-третьих, в ответ на имевшие место в конкретно исторических условиях многих государств проблемы злоупотребления властью (деспотизма, абсолютизма) были предложены институциональные

механизмы ограничения власти: теория разделения властей (Д. Локка, Ш.Л. Монтескье), идея народного суверенитета (Ж.-Ж. Руссо) и принцип верховенства закона («власть не людям, а законам» у И. Канта), которые и заложили теоретический фундамент для современных демократических режимов.

В-четвертых, поиск политико-правовых идеалов вышел за национальные рамки: размышления о «справедливой войне» (Г. Гроция), вечном мире (И. Канта) и межгосударственном сотрудничестве (Г.В. Лейбница) стали ответом на разрушительные религиозные и династические войны и привели к формированию основ современного международного права.

Представления о политико-правовом идеале в доиндустриальную эпоху Нового времени сформировали основной корпус идей, которые определили развитие западной цивилизации: верховенство права, права человека, разделение властей, суверенитет и рациональные основы международного диалога. Спор между приоритетом индивидуальной свободы и коллективного блага, происходивший в рассматриваемую эпоху, остаётся центральным для политико-правовой мысли и по настоящее время.

Список источников:

1. Альбов (2023) – Альбов А.П. Формирование правовой культуры современного общества на основе традиционных ценностей: персонцентризм и системоцентризм // Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8, № 3. – С. 8-20.
2. Макиавелли (1869) – Макиавелли, Н. Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия. – СПб: Издание Н.Л. Тиблена, 1869. – 498 с.
3. Фролова (2020) – Фролова, Е.А. Рациональные основания права: классика и современность: монография [Электронный ресурс]. – М.: Юстиция, 2020. – URL: <https://www.litres.ru/book/e-a-frolova-8455870/racionalnye-osnovaniya-prava-klassika-i-sovremennost-69850033> (дата обращения: 10.06.2025).
4. Мор (2024) – Мор, Т. Утопия [Электронный ресурс] // Электрон. библиотека М. Мошкова. – URL: <http://lib.ru/inloold/mor/utopia.txt> (дата обращения: 10.06.2025).
5. Кальней (2020) – Кальней М.С. Проблема научного обоснования социального идеала // Вестник РМАТ. – 2020. – № 2. – С. 14-19.
6. Лейст (1966) – Лейст О.Э. Вопросы государства и права в трудах социалистов-утопистов XVI-XVII веков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 192 с.
7. Кампанелла (2024) – Кампанелла Т. Город Солнца [Электронный ресурс] // Электрон. библиотека М. Мошкова. – URL: <http://lib.ru/inloold/kampanella/suntown.txt> (дата обращения: 10.06.2025).
8. Волгин (1947) – Волгин, В.П. Коммунистическая утопия Кампанеллы // Кампанелла Т. Город Солнца. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. – С. 5-40.
9. Меликовский (2022) – Меликовский А.А. Философия права Бенедикта Спинозы // Сборник материалов XXII Свято-Троицких

ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге: сборник докладов и сообщений, Санкт-Петербург, 25–28 мая 2022 г. / отв. ред. В.А. Егоров. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2022. – С. 290-298.

10. Спиноза (1957) – Спиноза Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1957. – 728 с.

11. Гроций (1994) – Гроций Г. О праве войны и мира: репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

12. Бэкон (1971) – Бэкон, Ф. Сочинения. В 2-х т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вст. ст. А.Л. Субботина. – М.: Мысль, 1971. – 590 с.

13. Паняшин (2023) – Паняшин А.А. Соотношение либерального и тоталитарного в политико-правовом учении Томаса Гоббса // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2023. – № 2. – С. 47-57.

14. Локк (1988) – Локк, Д. Сочинения: в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.

15. Адяева (2021) – Адяева В.А. Концепция разделения властей Ш.Л. Монтескье и её ценность для современного общества // ExLegis: правовые исследования. – 2021. – № 1. – С. 2-5.

16. Монтескье (1955) – Монтескье, Ш.Л. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.

17. Руссо (1998) – Руссо, Ж-Ж. Об общественном договоре: Трактаты. – М.: КАНОН-пресс, 1998. – 416 с.

18. Дробышевский (2011) – Дробышевский, С.А. История политических и правовых учений: Основные классические идеи. – М.: Норма, 2011. – 384 с.

19. Митрович (2023) – Митрович Б.Т., Казьминова Э.А. Основные направления политической мысли в США в период борьбы за независимость // Государство. Религия. Биоэтика. Право. – 2023. – № 4. – С. 17-22.

20. Джефферсон (1992) – Джефферсон Т. О демократии. – СПб: Лениздат, 1992. – 332 с.

21. Малышева (2006) – Малышева Н.И. Концептуальные основания взаимодействия государства и гражданского общества в контексте политико-правового учения Самуила Пуфендорфа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – № 13 (68-2). – С. 116-120.

22. Кузнецов (2000) – Кузнецов Е.В., Курзенин Э.Б. Развитие теории суверенитета в трудах Самуэля Пуфендорфа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2000. – № 1. – С. 70-77.

23. Pufendorf (1749) – Pufendorf S.F. von. The Law of Nature and Nations (De Jure Naturae et Gentium): or a General System of the Most Important Principles of Morality, Jurisprudence, and Politics. In 8 books / eng. trans. B. Kennet, ad. Mr Carew, intr., M. Barbeyrac. – London: J. Walthoe, 1749. – 942 p.

24. Фролова (2021) – Фролова, Е.А. Естественно-правовые теории в Германии (С. Пуфендорф, Х. Томазий, Х. Вольф) // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 5 (197). – С. 46-53.

25. Thomasius (2011) – Thomasius C. Institutes of Divine Jurisprudence. With Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations / ed. trans. T. Ahnert. – Indianapolis: Liberty Fund, 2011. – 642 p.

26. Безбородов (2015) – Безбородов, Ю.С. Истоки международного права. Часть IV. Поствестфальский период // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2015. – № 3. – С. 6-12.

27. Лейбниц (1982) – Лейбниц, Г.В. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / ред. и сост., авт. вступ. ст. и прим. В.В. Соколов; пер. Я.М. Боровского и др. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.

28. Лейбниц (1989) – Лейбниц, Г.В. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / пер. с франц. редкол. Б.Э. Быховский, Г.Г. Майоров, И.С. Нарский и др.; ред. тома, авт. вступ. ст. и прим. В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1989. – 554 с.

29. Вольтер (1988) – Вольтер. Философские сочинения / пер. с фр. С.Я. Шейнман-Топштейн; отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В.Н. Кузнецов. – М.: Наука, 1988. – 752 с.

30. Соловьев (2024) – Соловьев, К.А. Специфические особенности развития управленческой мысли России первой половины - середины XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 78-85.

31. Аглеева (2023) – Аглеева, З.Р. У истоков публицистического дискурса (Василий Никитич Татищев как публицист) // Гуманитарные исследования. – 2023. – № 2 (86). – С. 94-99.

32. Козиков (2010) – Козиков, И.А. М.В. Ломоносов о Российском государстве // Вестник Российской нации. – 2010. – № 1-2 (9-10). – С. 268-274.

33. Saifudheen Kunju (2021) – Saifudheen Kunju S. Shah Waliullah al-Dehlawi: thoughts and contributions // Journal of Gauhati University Teacher's Association. – 2021. – Vol. n/a. – P. 94-102.

34. Thangamuthu (2016) – Thangamuthu P. Contribution of Raja Ram Mohan Roy's to literature and journalism // International Journal of Advanced Research. – 2016. – Vol. 4, № 12. – P. 2611-2614.

35. Tucker (2006) – Tucker A.J. Ogyu Sorai's Philosophical Masterworks: the Bendo and Benmei. – Hawai: University of Hawai'i Press, 2006. – 321 p.

36. Маранджян (1986) – Маранджян, К.Г. О некоторых особенностях японского конфуцианства (на материале трактатов Огю Сорай) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. 1. – М.: Наука, 1986. – С. 133-138.

37. Wildman Nakai (1988) – Wildman Nakai K. Shogunal Politics: Arai Hakuseki and the Preises of Tokugawa Rule. – Cambridge [Mass]: Harvard University Press, 1988. – 298 p.

38. Насыров (2018) – Насыров, И.Р. Взгляды Катиба Челеби (Хаджи Халифа) на общество и государство // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 101-110.

39. Кант (1965) – Кант, И. Метафизика нравов: в 2 ч. Ч. 1. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. – М.: Мысль, 1965. – С. 109-438.

40. Кельзен (2015) – Кельзен, Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. – СПб: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.

41. Поляруш (2023) – Поляруш, А.А. Категорический императив Канта и сциентизм Гегеля как антиподы оснований социального поведения // Эпоха науки. – 2023. – № 35. – С. 152-158.

42. Кант (1994) – Кант, И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в 8 т. Т. 7. – М.: Чоро, 1994. – С. 5-56.

43. Альбов (2013) – Альбов, А.П. Динамика трансцендентального метода в истолковании сущности права Ф.В.Й. Шеллингом // Современный юрист. – 2013. – № 3 (4). – С. 8-25.

44. Фихте (1993) – Фихте, И.Г. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – СПб: Мифрил, 1993. – 798 с.

References:

Al'bov (2023) – Al'bov A.P. Formirovaniye pravovoy kul'tury sovremennogo obshchestva na osnove traditsionnykh tsennostey: personotsentrizm i sistemotsentrizm [Formation of the legal culture of modern society based on traditional values: personocentrism and systemocentrism] // Legal Bulletin. – 2023. – Т. 8, № 3. – С. 8-20. [In Russian].

Makiavelli (1869) – Makiavelli N. Gosudar' i rassuzhdeniya na pervyye tri knigi Tita Liviya [The Prince and Discourses on the First Three Books of Titus Livius]. – SPb.: Izdaniye N.L. Tiblena, 1869. – 498 s. [In Russian].

Frolova (2020) – Frolova E.A. Ratsional'nyye osnovaniya prava: klassika i sovremennost': monografiya [Rational foundations of law: classics and modernity: monograph] [Elektronnyy resurs]. – М.: Yustitsiya, 2020. – URL: <https://www.litres.ru/book/e-a-frolova-8455870/racionalnye-osnovaniya-prava-klassika-i-sovremennost-69850033> (data obrashcheniya: 10.06.2025). [In Russian].

Mor (2024) – Mor T. Utopiya [Utopia] [Elektronnyy resurs] // Elektron. biblioteka M. Moshkova. – URL: <http://lib.ru/inloold/mor/utopia.txt> (data obrashcheniya: 10.06.2025). [In Russian].

Kal'ney (2020) – Kal'ney M.S. Problema nauchnogo obosnovaniya sotsial'nogo ideala [The problem of scientific substantiation of the social ideal] // Vestnik RMAT. – 2020. – № 2. – С. 14-19. [In Russian].

Leyst (1966) – Leyst O.E. Voprosy gosudarstva i prava v trudakh sotsialistov-utopistov XVI-XVII vekov [Questions of state and law in the works of socialist utopians of the XVI-XVII centuries]. – М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1966. – 192 s. [In Russian].

Kampanella (2024) – Kampanella T. Gorod Solntsa [The City of the Sun] [Elektronnyy resurs] // Elektron. Biblioteka M. Moshkova. – URL: <http://lib.ru/inloold/kampanella/suntown.txt> (data obrashcheniya: 10.06.2025). [In Russian].

Volgin (1947) – Volgin V.P. Kommunisticheskaya utopiya Kampanelly [The communist utopia of Campanella] // Kampanella T. Gorod Solntsa. – М.-Л.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1947. – С. 5-40. [In Russian].

Melikovskiy (2022) – Melikovskiy A.A. Filosofiya prava Benedikta Spinozy [Philosophy of law of Benedict Spinoza] // Sbornik materialov XXII Svyato-Troitskikh yezhegodnykh mezhdunarodnykh akademicheskikh chteniy v Sankt-Peterburge: sbornik dokladov i soobshcheniy, Sankt-Peterburg, 25–28 maya 2022 g. / otv. red. V.A. Yegorov [Collection of materials of the XXII Holy Trinity Annual International Academic Readings in St. Petersburg: collection of reports and messages, St. Petersburg, May 25–28, 2022 / executive editor V.A. Yegorov]. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU, 2022. – С. 290-298. [In Russian].

Spinoza (1957) – Spinoza B. Izbrannyye proizvedeniya. V 2 t. Т. 2. [Selected works. In 2 vols. Vol. 2]. – М.: Gospolitizdat, 1957. – 728 s. [In Russian].

Grotsiy (1994) – Grotsiy G. O prave voyny i mira: reprint s izd. 1956 g. [On the Law of War and Peace: reprint of the 1956 ed.]. – M.: Ladomir, 1994. – 868 s. [In Russian].

Bekon (1971) – Bekon F. Sochineniya. V 2-kh t. T. 1. [Works. In 2 vols. Vol. 1] / sost., pod red. i vst. st. A.L. Subbotina. – M.: Mysl', 1971. – 590 s. [In Russian].

Panyashin (2023) – Panyashin A.A. Sootnosheniye liberal'nogo i totalitarnogo v politiko-pravovom uchenii Tomasa Gobbssa [The correlation of liberal and totalitarian in the political and legal doctrine of Thomas Hobbes] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Yesenina. – 2023. – № 2. – S. 47-57. [In Russian].

Lokk (1988) – Lokk D. Sochineniya: v 3 t. T. 3. [Works: in 3 vols. Vol. 3]. – M.: Mysl', 1988. – 668 s. [In Russian].

Adyayeva (2021) – Adyayeva V.A. Kontseptsiya razdeleniya vlastey Sh.L. Montesk'e i yeye tsennost' dlya sovremennogo obshchestva [The concept of separation of powers by Ch.L. Montesquieu and its value for modern society] // ExLegis: pravovyye issledovaniya. – 2021. – № 1. – S. 2-5. [In Russian].

Montesk'ye (1955) – Montesk'ye Sh.L. Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]. – M.: Gospolitizdat, 1955. – 800 s. [In Russian].

Russo (1998) – Russo Zh-Zh. Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty [On the Social Contract: Treatises]. – M.: KANON-press, 1998. – 416 s. [In Russian].

Drobyshevskiy (2011) – Drobyshevskiy S.A. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: Osnovnyye klassicheskiye idei [History of political and legal doctrines: Basic classical ideas]. – M.: Norma, 2011. – 384 s. [In Russian].

Mitrovich (2023) – Mitrovich B.T., Kaz'minova E.A. Osnovnyye napravleniya politicheskoy mysli v SShA v period bor'by za nezavisimost' [The main directions of political thought in the USA during the struggle for independence] // Gosudarstvo. Religiya. Bioetika. Pravo. – 2023. – № 4. – S. 17-22. [In Russian].

Dzhefferson (1992) – Dzhefferson T. O demokratii [On Democracy]. – SPb.: Lenizdat, 1992. – 332 s. [In Russian].

Malysheva (2006) – Malysheva N.I. Kontseptual'nyye osnovaniya vzaimodeystviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v kontekste politiko-pravovogo ucheniya Samuila Pufendorfa [Conceptual foundations of the interaction between the state and civil society in the context of the political and legal doctrine of Samuel Pufendorf] // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2006. – № 13 (68-2). – S. 116-120. [In Russian].

Kuznetsov (2000) – Kuznetsov E.V., Kurzenin E.B. Razvitiye teorii suvereniteta v trudakh Samuelya Pufendorfa [Development of the theory of sovereignty in the works of Samuel Pufendorf] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo. – 2000. – № 1. – S. 70-77. [In Russian].

Pufendorf (1749) – Pufendorf S.F. von. The Law of Nature and Nations (De Jure Naturae et Gentium): or a General System of the Most Important Principles of Morality, Jurisprudence, and Politics. In 8 books / eng. trans. B. Kennet, ad. Mr Carew, intr., M. Barbeyrac. – London: J. Walthoe, 1749. – 942 p. [In English].

Frolova (2021) – Frolova E.A. Yestestvenno-pravovyye teorii v Germanii (S. Pufendorf, Kh. Tomaziy, Kh. Vol'f) [Natural law theories in Germany (S. Pufendorf, C. Thomasius, C. Wolff)] // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2021. – № 5 (197). – S. 46-53. [In Russian].

Thomasius (2011) – Thomasius C. Institutes of Divine Jurisprudence. With Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations / ed. trans. T. Ahnert. – Indianapolis: Liberty Fund, 2011. – 642 p. [In English].

Bezborodov (2015) – Bezborodov Yu.S. Istoki mezhdunarodnogo prava. Chast' IV. Postvestfal'skiy period [The origins of international law. Part IV. Post-Westphalian period] // Elektronnoye prilozheniye k Rossiyskomu yuridicheskemu zhurnalu. – 2015. – № 3. – S. 6-12. [In Russian].

Leybnits (1982) – Leybnits G.V. Sochineniya. V 4 t. T. 1 [Works. In 4 vols. Vol. 1] / red. i sost., avt. vstup. st. i prim. V.V. Sokolov; per. Ya.M. Borovskogo i dr. – M.: Mysl', 1982. – 636 s. [In Russian].

Leybnits (1989) – Leybnits G.V. Sochineniya. V 4 t. T. 4 [Works. In 4 vols. Vol. 4] / per. s frants. redkol. B.E. Bykhovskiy, G.G. Mayorov, I.S. Narskiy i dr.; red. toma, avt. vstup. st. i prim. V.V. Sokolov. – M.: Mysl', 1989. – 554 s. [In Russian].

Vol'ter (1988) – Vol'ter. Filosofskiye sochineniya [Philosophical writings] / per. s fr. S.Ya. Sheynman-Topshteyn; otv. red., sost. i avt. vstup. st. V.N. Kuznetsov. – M.: Nauka, 1988. – 752 s. [In Russian].

Solov'yev (2024) – Solov'yev K.A. Spetsificheskiye osobennosti razvitiya upravlencheskoy mysli Rossii pervoy poloviny - serediny XVIII v. [Specific features of the development of managerial thought in Russia in the first half - mid-18th century] // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2024. – T. 16, № 3. – S. 78-85. [In Russian].

Agleyeva (2023) – Agleyeva Z.R. U istokov publitsisticheskogo diskursa (Vasiliy Nikitich Tatishchev kak publitsist) [At the origins of journalistic discourse (Vasily Nikitich Tatishchev as a publicist)] // Gumanitarnyye issledovaniya. – 2023. – № 2 (86). – S. 94-99. [In Russian].

Kozikov (2010) – Kozikov I.A. M.V. Lomonosov o Rossiyskom gosudarstve [M.V. Lomonosov on the Russian state] // Vestnik Rossiyskoy natsii. – 2010. – № 1-2 (9-10). – S. 268-274. [In Russian].

Saifudheen Kunju (2021) – Saifudheen Kunju S. Shah Waliullah al-Dehlawi: thoughts and contributions // Journal of Gauhati University Teacher's Association. – 2021. – Vol. n/a. – P. 94-102. [In English].

Thangamuthu (2016) – Thangamuthu P. Contribution of Raja Ram Mohan Roy's to literature and journalism // International Journal of Advanced Research. – 2016. – Vol. 4, № 12. – P. 2611-2614. [In English].

Tucker (2006) – Tucker A.J. Ogyu Sorai's Philosophical Masterworks: the Bendo and Benmei. – Hawai: University of Hawai'i Press, 2006. – 321 p. [In English].

Maranjan (1986) – Maranjan K.G. O nekotorykh osobennostyakh yaponskogo konfutsianstva (na materiale traktatov Ogyu Soray) [On some features of Japanese Confucianism (based on the treatises of Ogyu Sorai)] // Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. Ch. 1. – M.: Nauka, 1986. – S. 133-138. [In Russian].

Wildman Nakai (1988) – Wildman Nakai K. Shogunal Politics: Arai Hakuseki and the Preises of Tokugawa Rule. – Cambridge [Mass]: Harvard University Press, 1988. – 298 p. [In English].

Nasyrov (2018) – Nasyrov I.R. Vzglyady Katiba Chelebi (Khadzhi Khalifa) na obshchestvo i gosudarstvo [Views of Katib Chelebi (Hajji Khalifa) on society and the state] // Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyy i mezhdunarodno-politicheskiy aspekty. – 2018. – T. 14, № 2. – S. 101-110. [In Russian].

Kant (1965) – Kant I. Metafizika нравов: v 2 ch. Ch. 1. Metafizicheskiye nachala ucheniya o prave [Metaphysics of Morals: in 2 parts. Part 1. Metaphysical elements of justice] // Kant I. Soch.: v 6 t. T. 4. Ch. 2. – M.: Mysl', 1965. – S. 109-438. [In Russian].

Kel'zen (2015) – Kel'zen G. Chistoye ucheniye o prave [Pure Theory of Law] / per. s nem. M.V. Antonova i S.V. Lezova. – SPb.: Izdatel'skiy Dom «Alef-Press», 2015. – 542 s. [In Russian].

Polyarush (2023) – Polyarush A.A. Kategoricheskiy imperativ Kanta i stsientizm Gegelya kak antipody osnovaniy sotsial'nogo povedeniya [The categorical imperative of Kant and the scientism of Hegel as antipodes of the foundations of social behavior] // Epokha nauki. – 2023. – № 35. – S. 152-158. [In Russian].

Kant (1994) – Kant I. K vechnomu miru [Toward Perpetual Peace] // Kant I. Sochineniya v 8 t. T. 7. – M.: Choro, 1994. – S. 5-56. [In Russian].

Al'bov (2013) – Al'bov A.P. Dinamika transtsendental'nogo metoda v istolkovanii sushchnosti prava F.V.Y. Shellingom [Dynamics of the transcendental method in the interpretation of the essence of law by F.W.J. Schelling] // Sovremennyy yurist. – 2013. – № 3 (4). – S. 8-25. [In Russian].

Fikhte (1993) – Fikhte I.G. Sochineniya: v 2 t. T. 2. [Works: in 2 vols. Vol. 2]. – SPb.: Mifril, 1993. – 798 s. [In Russian].

Гражданское право

УДК 343.62

JEL K12

ВРОНСКАЯ Мария Владимировна¹

¹ ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Гоголя 41, Владивосток, 690014, Россия.

<http://orcid.org/0000-0001-5942-1158>

¹ Вронская Мария Владимировна, доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин.

E-mail: m.vronskaya@mail.ru

ШОКАЛЮК Мишель Анна²

² ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Гоголя 41, Владивосток, 690014, Россия.

<http://orcid.org/0000-0001-4391-7623>

² Шокалюк Мишель Анна, магистрант, юридический факультет, Владивостокский государственный университет.

E-mail: michi20222@mail.ru

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВРАЧЕЙ ЗА СОВЕРШЕНИЕ
МЕДИЦИНСКОЙ ОШИБКИ**

Аннотация

Предмет/тема. В условиях современности и развития системы здравоохранения проблема медицинских ошибок приобретает всё большую актуальность, как с точки зрения профессиональной этики, так и правовой ответственности. В статье рассматриваются правовые и этические аспекты привлечения врачей к ответственности за совершение медицинских ошибок. Проведён анализ действующего законодательства, судебной практики и механизмов установления факта врачебной ошибки. Отдельное внимание уделено классификации ошибок, разграничению между объективными осложнениями и нарушениями стандартов оказания медицинской помощи. Исследуются вопросы гражданско-правовой и уголовной ответственности медицинских работников, а также влияние ошибок на репутацию и психологическое состояние врача.

Цели/задача. Целью настоящего исследования является выявление правовых оснований и особенностей привлечения врачей к ответственности за совершение медицинских ошибок, а также разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

Методология. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также специальные юридические методы: формально-правовой, сравнительно-правовой и системный анализ. В процессе исследования проанализированы нормы российского законодательства, судебные акты, профессиональные медицинские стандарты.

Вывод. Результатом исследования являются конкретизированные предложения в части совершенствования российского законодательства, направленные на снижение количества медицинских ошибок, укрепление доверия пациентов и обеспечение баланса между правами больных и защитой профессиональной деятельности врачей.

Ключевые слова: медицинская ошибка, правовая ответственность, медицинский работник, право на медицинскую помощь, халатность, врачебная ошибка в уголовном праве, медицинская ошибка в зарубежных странах.

Civil law

¹ **Maria V. Vronskaya**

Associate Professor, PhD. Jurid. Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

² **Michelle Anna Shokalyuk**

Master's Student, Faculty of Law, Vladivostok State University

THE RESPONSIBILITY OF DOCTORS FOR MAKING A MEDICAL ERROR

Annotation

The subject/topic. In the conditions of modernity and the development of the healthcare system, the problem of medical errors is becoming increasingly relevant, both from the point of view of professional ethics and legal responsibility. The article discusses the legal and ethical aspects of holding doctors accountable for making medical mistakes. The analysis of current legislation, judicial practice and mechanisms for establishing the fact of medical error is carried out. Special attention is paid to the classification of errors, the distinction between objective complications and violations of standards of medical care. The article examines the issues of civil and criminal liability of medical workers, as well as the impact of mistakes on the reputation and psychological state of a doctor.

Goals/task. The purpose of this study is to identify the legal grounds and features of holding doctors accountable for making medical errors, as well as to develop proposals for improving current legislation and the practice of its application.

Methodology. The methodological basis of the research consists of general scientific methods of analysis, synthesis, induction and deduction, as well as special legal methods: formal legal, comparative legal and system analysis. In the course of the research, the norms of Russian legislation, judicial acts, and professional medical standards were analyzed.

Conclusion. The research results in specific proposals for improving Russian legislation aimed at reducing the number of medical errors, strengthening patient confidence, and ensuring a balance between the rights of patients and the protection of doctors' professional activities.

Keywords: medical error, legal responsibility, medical worker, right to medical care, negligence, medical error in criminal law, medical error in foreign countries.

Введение. В настоящее время обеспечение качественной медицинской помощи невозможно без чёткого соблюдения установленных стандартов, клинических рекомендаций и регламентированных порядков оказания медицинских услуг. Медицинский работник, действующий в рамках своей профессиональной квалификации и должностных обязанностей, несёт ответственность не только за эффективность лечения, но и за соблюдение

прав пациента. Важнейшим аспектом контроля деятельности врачей является юридическая ответственность за совершение медицинской ошибки, которая может повлечь причинение вреда жизни или здоровью пациента.

Правовое регулирование медицинской деятельности предусматривает комплекс мер, направленных на предотвращение врачебных ошибок и защиту пострадавших пациентов. При этом медицинские организации несут материальную ответственность за вред, причинённый вследствие ошибочных действий или бездействия медицинского персонала, однако это не освобождает самих врачей от привлечения к дисциплинарной, гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности (п. 4 ст. 10, п. 9 ч. 5 ст. 19, ч. 7 ст. 50, п. 1 ч. 2 ст. 73, п. п. 2, 2.1 ч. 1 ст. 79, ч. 2 - 4 ст. 98 Закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ)¹. Такая многоуровневая система ответственности служит механизмом поддержания высокого уровня профессионализма и правовой дисциплины в медицинской сфере².

В связи с этим анализ правовых оснований, условий и последствий привлечения медицинских работников к ответственности за медицинские ошибки приобретает особую значимость для совершенствования законодательной базы и практики её применения. Цель данной статьи — всестороннее рассмотрение правовых аспектов ответственности врачей за совершение медицинских ошибок, выявление проблемных вопросов и путей их решения в рамках действующего законодательства.

Основная часть. Дисциплинарная ответственность представляет собой специфическую форму юридической ответственности, направленную на поддержание трудовой дисциплины и профессиональной этики в сфере здравоохранения. В контексте медицинской деятельности дисциплинарная ответственность врачей возникает при нарушении ими должностных обязанностей, в том числе при совершении медицинской ошибки, повлекшей нарушение стандартов оказания медицинской помощи. Врачебная ошибка, в отличие от иных видов правонарушений, характеризуется особой социальной и профессиональной значимостью, поскольку напрямую затрагивает права и интересы пациента, связанные с его жизнью и здоровьем. Правовая природа дисциплинарной ответственности заключается в том, что она регулируется нормами трудового права и профильного законодательства о здравоохранении, что

¹ Электронный ресурс: Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (посл. ред.) // Доступно на сайте: СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 10.06.2025).

² Электронный ресурс: Спасенников Б.А. О врачебной ошибке. – Текст: электронный / Б.А. Спасенников // На пути к гражданскому обществу. - 2024. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vrachebnoy-oshibke> (дата обращения: 10.06.2025)

отражает сочетание элементов административного и трудового регулирования. Врач, являясь субъектом трудовых отношений с медицинской организацией, обязан строго соблюдать стандарты медицинской деятельности, а также внутренние нормативные акты учреждения. Несоблюдение этих требований и обусловленное ими медицинское нарушение квалифицируется как дисциплинарный проступок, за который предусмотрены меры дисциплинарного воздействия [1, с.46].

Дисциплинарная ответственность врача за медицинскую ошибку основывается на факте нарушения установленного порядка оказания медицинской помощи, а также несоблюдения профессиональных стандартов и должностных инструкций. К таким нарушениям относятся, в частности, неправомерные действия или бездействие, приведшие к ухудшению состояния здоровья пациента, а также невыполнение предписаний, предусмотренных клиническими протоколами. Для наступления дисциплинарной ответственности необходимо подтвердить наличие вины медицинского работника — умысла или неосторожности [2, с.39]. При этом важную роль играет квалифицированная экспертиза, которая должна объективно оценить действия врача с точки зрения соблюдения стандартов медицинской практики. В отсутствие доказанной вины дисциплинарные взыскания не применяются, что подчеркивает принцип законности и справедливости в применении мер воздействия.

Законодательство предусматривает ряд дисциплинарных мер, применимых к медицинским работникам, допустившим медицинскую ошибку. К наиболее распространённым относятся замечание, выговор и увольнение по инициативе работодателя (ч. 1 ст. 192 ТК РФ)¹. Выбор меры зависит от тяжести допущенного проступка, его последствий, а также от наличия или отсутствия смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Несмотря на наличие нормативных актов, регламентирующих дисциплинарную ответственность врачей, практика её применения сталкивается с рядом проблем. Ключевыми из них являются недостаточная квалификация участников служебных расследований, субъективность оценки медицинских ошибок и отсутствие чётких критериев для разграничения дисциплинарных проступков от гражданско-правовой и уголовной ответственности. Кроме того, значительным препятствием для эффективного привлечения врачей к дисциплинарной ответственности являются опасения медицинских работников перед чрезмерно жёсткими мерами публичного наказания, что может негативно сказываться на открытости и объективности расследований. В связи с этим необходим поиск баланса между защитой прав пациентов и поддержкой

¹ Электронный ресурс: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (посл. ред.) // Доступно на сайте: СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения 15.06.2025)

профессиональной среды медицинских работников [3, с.91].

Перспективным направлением совершенствования правового регулирования является внедрение системного подхода, предусматривающего разработку специализированных методик оценки медицинских ошибок с участием экспертов, а также создание механизмов профилактики дисциплинарных проступков через повышение квалификации и обучение врачей стандартам безопасности и качества медицинской помощи

Гражданская ответственность за медицинскую ошибку представляет собой юридическую обязанность медицинской организации или конкретного медицинского работника возместить вред, причинённый пациенту вследствие неправильного, некачественного или несвоевременного оказания медицинской помощи. В отличие от дисциплинарной или уголовной ответственности, гражданская ответственность ориентирована на компенсацию ущерба и восстановление нарушенных имущественных и моральных прав потерпевшего [4, с.124].

Правовой фундамент данной ответственности закреплён в положениях Гражданского кодекса РФ, регулирующего общие принципы возмещения вреда (статьи 1064–1087 ГК РФ). Важным аспектом является то, что возмещение вреда должно быть полным, что включает как материальные убытки, так и компенсацию морального вреда, причинённого пациенту вследствие медицинской ошибки.

В случае причинения вреда здоровью гражданина, в том числе увечья или иного телесного повреждения, законодательством Российской Федерации предусмотрена обязанность виновного лица компенсировать пострадавшему утраченный заработок (доход), который он фактически получал либо имел бы возможность получать при обычном ходе жизненных обстоятельств [5, с. 89]. Помимо этого, подлежат возмещению и иные расходы, вызванные ухудшением состояния здоровья, включая оплату медицинских услуг, лекарственного обеспечения, а также расходы на постоянный или временный уход, при условии, что в подобных мерах пострадавший действительно нуждается и не имеет законного права на их безвозмездное получение (п. 2 ст. 150, ст. 151, п. 1 ст. 1064, п. 1 ст. 1068, п. 1 ст. 1085, ст. 1099 ГК РФ; п. 9 ч. 5 ст. 19, ч. 2, 3 ст. 98 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ)¹.

Кроме имущественного вреда, пациент и, в ряде случаев, его ближайшие родственники вправе требовать компенсацию причинённого им морального вреда. Под таковым понимаются нравственные и физические страдания, переживаемые, например, вследствие утраты близкого человека

¹ Электронный ресурс: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.2024 № 51-ФЗ (посл. ред.) // Доступно на сайте: СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 16.06.2025).

из-за некачественного оказания медицинской помощи, ошибок при диагностике, несвоевременного или неполного медицинского вмешательства. Указанная позиция отражена в п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33¹.

В случаях, когда медицинская ошибка привела к летальному исходу, гражданское законодательство предусматривает возмещение вреда лицам, находившимся на иждивении умершего, в размере соответствующей доли его дохода, которую они получали либо имели законное право получать при его жизни (ст. 1088, п. 1 ст. 1089 ГК РФ). Также подлежат возмещению документально подтверждённые расходы на погребение, понесённые лицом, взявшим на себя соответствующие обязательства (ч. 1 ст. 1094 ГК РФ).

Особое регулирование установлено и в ситуации, когда пациент обращается в суд с иском в рамках законодательства о защите прав потребителей, требуя компенсацию за ненадлежащее оказание платных медицинских услуг. При доказанности факта отказа удовлетворить обоснованные требования пациента в добровольном порядке, суд вправе взыскать с ответчика дополнительную санкцию — штраф в размере 50% от присуждённой суммы в пользу истца (п. 6 ст. 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1)². Такая возможность применения законодательства о защите прав потребителей отражена в правовой позиции п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2012 № 17³.

Доказывание гражданской ответственности за медицинскую ошибку осложняется спецификой медицинской деятельности. Для установления вины и причинно-следственной связи требуется проведение комплексной медицинской экспертизы с участием специалистов соответствующего профиля. Судебные органы обращают особое внимание на экспертизы, исходя из которых формируется объективная картина произошедшего.

Гражданская ответственность может возлагаться как на медицинскую организацию, так и на отдельного медицинского работника. По общему правилу, ответственность несёт юридическое лицо (медицинская

¹ Электронный ресурс: О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 // Доступно на сайте: СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 16.06.2025).

² Электронный ресурс: О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (посл. ред.) // Доступно на сайте: СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/5311cc4c47a088e5ebc6a23b15f59fa70221f8ce/ (дата обращения 17.06.2025)

³ Электронный ресурс: О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 // Доступно на сайте: СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 17.06.2025).

организация), так как именно она является работодателем и обеспечивает условия для оказания медицинской помощи. Тем не менее, при наличии доказательств персональной вины врача, возможно взыскание компенсации непосредственно с него.

На практике гражданская ответственность за медицинские ошибки сталкивается с рядом проблем. Среди основных затруднений — сложность доказывания вины и причинно-следственной связи, отсутствие единого стандарта оценки медицинских ошибок, длительность и сложность судебных разбирательств. Для повышения эффективности механизма возмещения вреда необходимы законодательные инициативы, направленные на совершенствование процедуры судебно-медицинской экспертизы, развитие альтернативных способов урегулирования споров, таких как медиация, а также повышение правовой грамотности пациентов и медицинских работников [6, с.130].

Медицинская ошибка в уголовно-правовом контексте представляет собой противоправное деяние (действие или бездействие), допущенное при оказании медицинской помощи, в результате которого причинён вред жизни или здоровью пациента. Деяния, совершённые медицинскими работниками при ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей, могут квалифицироваться по ряду статей УК РФ, если они повлекли тяжкие последствия. При этом важным признаком является наличие вины в форме неосторожности либо, в редких случаях, прямого или косвенного умысла [7, с.29].

Ключевые основания уголовной ответственности медицинских работников содержатся в следующих нормах¹:

- 1) Статья 109 УК РФ — Причинение смерти по неосторожности;
- 2) Статья 118 УК РФ — Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности;
- 3) Статья 124 УК РФ — Неоказание помощи больному без уважительных причин;
- 4) Статья 293 УК РФ — Халатность (в случаях, когда речь идёт о должностных лицах);
- 5) Статья 238 УК РФ — Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

Например, если смерть пациента наступила в результате неоказания медицинской помощи, вызванной грубым нарушением профессиональных обязанностей, действия врача могут квалифицироваться по ч. 2 ст. 109 УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

¹ Электронный ресурс: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (посл. ред.) // Доступно на сайте: СПС «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 20.06.2025).

В целом, вопрос применения уголовной ответственности в отношении медицинского работника является актуальным, так как до сих пор отсутствует законодательно закрепленное понятие медицинской ошибки, соответственно, отсутствует санкция за исследуемое деяние [8, с.38]. В качестве примера можно привести следующие судебные прецеденты.

1 Гематолог Мисюрина была осуждена за смерть пациента после проведения трепанобиопсии, в результате которой он скончался от острого внутреннего кровотечения. Черемушкинский районный суд г. Москвы в январе 2018 г. приговорил врача к 2 годам лишения свободы. Однако в марте 2021 года Мосгорсуд отменил приговор, установив отсутствие состава преступления и причинно-следственной связи между действиями врача и смертью пациента¹.

2 Хирург был признан виновным в причинении смерти по неосторожности (ч. 2 ст. 109 УК РФ) за то, что не провёл экстренную лапаротомию при разрыве селезёнки. Суд указал, что отсутствие диагностики и промедление в оказании помощи стали причиной гибели пациента².

3 Фельдшер «Скорой помощи» не оказал помощь мужчине с сердечным приступом, несмотря на жалобы на боли в груди. В результате пациент скончался. Суд признал фельдшера виновным по ч. 2 ст. 124 УК РФ и назначил наказание в виде 2 лет лишения свободы условно³.

На сегодняшний день в российской правоприменительной практике количество уголовных дел в отношении медицинских работников увеличивается, особенно после усиления общественного контроля за качеством оказания медицинской помощи. В то же время суды, как правило, проявляют осторожность при квалификации врачебных ошибок как преступлений, поскольку объективные трудности профессии требуют учитывать фактор добросовестного заблуждения, а равно индивидуальные особенности человеческого организма [9, с. 57]. В большинстве случаев уголовное преследование врачей ведётся в рамках ст. 109 или ст. 118 УК РФ. Однако применение этих норм требует тщательной оценки вины, наличия альтернативных вариантов медицинского вмешательства, а также того, были ли действия врача разумными и соответствующими

¹ Электронный ресурс: Дело гематолога Мисюриной: Приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы от 22.01.2018 г. по делу № 01-7/2018; Определение Московского городского суда от 04.03.2021 г. об отмене приговора // Доступно на сайте: Судебная практика РФ. - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WHVfMNYgD1ZW/> (дата обращения: 23.06.2025).

² Электронный ресурс: Приговор Пролетарского районного суда г. Твери от 14.04.2023 г. по делу № 1-53/2023 // Доступно на сайте: Система «ГАС Правосудие». - URL: <https://sudact.ru/regular/doc/U7WE3PQgMfAB/> (дата обращения: 23.06.2025).

³ Электронный ресурс: Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 17.10.2021 г. по делу № 1-178/2021 // Право.ру. - URL: <https://pravo.ru/news/230398/> (дата обращения: 25.06.2025).

профессиональным стандартам¹.

Заключение. Настоящее исследование позволяет сделать вывод, что медицинская ошибка представляет собой неверные действия медицинского работника, повлекшие за собой ухудшение здоровья пациента или его смерть. В юридическом аспекте подобные деяния могут повлечь за собой привлечение к различным видам ответственности: дисциплинарной, гражданско-правовой и уголовной. Несмотря на различия правовых последствий, ключевыми элементами в каждом случае выступают установление факта вины субъекта и доказательство причинно-следственной связи между его действиями (или бездействием) и наступившим вредом. Актуальность исследуемой темы определяется динамичным развитием медицины, ростом сложности медицинских вмешательств, а также увеличением количества конфликтных ситуаций между пациентами и медицинскими учреждениями. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость выработки эффективного механизма правового регулирования ответственности врачей за совершение медицинских ошибок [10, с. 103].

Ключевой проблемой является отсутствие унифицированного нормативного понятия «медицинская ошибка», а также правовая неопределённость в вопросах квалификации деяний и определения степени вины медицинских работников. Помимо этого, доказательство неправомерности действий врача часто сопряжено с необходимостью проведения сложных судебно-медицинских экспертиз, что делает реализацию механизма юридической ответственности крайне затруднительной на практике.

В целях устранения правовых пробелов целесообразно проведение комплексной кодификации норм, регулирующих ответственность медицинских работников, с акцентом на объективные и измеримые критерии оценки их профессиональной деятельности. Важным направлением совершенствования системы правового регулирования может стать внедрение институтов внутреннего контроля качества медицинской помощи, развитие профессиональной подготовки, а также формирование механизмов предупреждения медицинских ошибок. Совокупность указанных мер позволит не только повысить уровень доверия к системе здравоохранения, но и обеспечить надлежащее функционирование правового механизма, направленного на защиту прав пациентов и справедливую юридическую оценку действий медицинских работников.

¹ Электронный ресурс: Тетенев Ф.Ф. Природа врачебных ошибок. – Текст: электронный / Ф.Ф. Тетенев // Бюллетень сибирской медицины. - 2006. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-vrachebnyh-oshibok> (дата обращения: 01.07.2025).

Список источников:

1 Иванова (2022) – Иванова Е.В. Дисциплинарная ответственность медицинских работников в современной практике // Вестник медицинского права. — 2022. — №3. — С. 45–52.

2 Кузнецова (2020) – Кузнецова И.М. Дисциплинарная ответственность в системе правового регулирования труда медицинских работников // Трудовое право и практика. — 2020. — №6. — С. 33–40.

3 Орлова (2022) – Орлова Т.С. Правовое регулирование и практика применения дисциплинарных взысканий в медицинских организациях // Вестник юридического факультета. — 2022. — №5. — С. 88–96.

4 Гончарова (2020) – Гончарова Н.Н. Юридическая ответственность медицинских работников за нарушение прав пациентов // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 122–128.

5 Краснова (2019) – Краснова Е.Ю. Медицинская ошибка и ответственность врача: правовой анализ // Государство и право. — 2019. — № 6. — С. 88–94.

6 Бимбинов (2022) – Бимбинов А. А. Причинение вреда при оказании медицинской помощи как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26, № 7. — С. 125–136.

7 Карпова (2021) – Карпова Н.В. Проблемы привлечения врачей к уголовной ответственности // М.: Юнити-Дана. — 2021. — 158 с.

8 Крюкова (2022) – Крюкова О.С. Правовые основы врачебной ошибки в российском законодательстве // Медицинское право. — 2022. — №1. — С. 35–41.

9 Мельников (2020). – Мельников И.А. Ответственность медицинского персонала: административные и уголовные аспекты // Право и здоровье. — 2020. — №3. — С.52–59.

10 Гусева (2021). – Гусева Л.П. Медицинская ошибка как основание юридической ответственности врача // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2021. — № 42. — С. 97–106.

References:

Ivanova (2022) – Ivanova E.V. Disciplinary responsibility of medical workers in modern practice [Disciplinarnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov v sovremennoj praktike] // Bulletin of Medical Law [Vestnik medicinskogo prava]. - 2022. — No. 3. — pp. 45–52.

Kuznetsova (2020) – Kuznetsova I.M. Disciplinary responsibility in the system of legal regulation of the work of medical workers [Disciplinarnaya otvetstvennost' v sisteme pravovogo regulirovaniya truda meditsinskih rabotnikov] // Labor law and practice [Trudovoe pravo i praktika]. — 2020. — No. 6. — pp. 33–40.

Orlova (2022) – Orlova T.S. Legal regulation and practice of applying disciplinary penalties in medical organizations [Pravovoe regulirovanie i praktika primeneniya disciplinarnykh vзыskaniy v meditsinskih organizatsiyakh] // Bulletin of the Faculty of Law [Vestnik yuridicheskogo fakulteta]. — 2022. — No. 5. — pp. 88–96.

Goncharova (2020) – Goncharova N.N. Legal responsibility of medical workers for violation of patients' rights [Yuridicheskaya otvetstvennost' meditsinskih rabotnikov za narushenie prav patsientov] // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiyskogo prava]. — 2020. — No. 4. — pp. 122–128.

Krasnova (2019) — Krasnova E.Yu. Medical error and doctor's responsibility: Legal analysis [Meditsinskaya oshibka i otvetstvennost' vracha: pravovoy analiz] // State and Law [Gosudarstvo i pravo]. — 2019. — No. 6. — pp. 88–94.

Bimbinov (2022) – A. A. Bimbinov Causing harm in the provision of medical care as the provision of services that do not meet safety requirements [Prichinenie vreda pri okazanii meditsinskoy pomoshchi kak okazanie uslug, ne otvechayushchikh trebovaniyam bezopasnosti] // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiyskogo prava]. — 2022. — Vol. 26, No. 7. — pp. 125-136.

Karpova (2021) – Karpova N.V. Problems of holding doctors criminally liable [Problemy privlecheniya vrachev k ugovnoy otvetstvennosti] // M.: Yuniti-Dana [M.: Yuniti-Dana]. — 2021. — p. 158.

Kryukova (2022) – Kryukova O.S. Legal foundations of medical error in Russian legislation [Pravovye osnovy vrachebnoy oshibki v rossiyskom zakonodatel'stve] // Medical Law [Meditsinskoe pravo]. — 2021. — No. 1. — pp. 35–41.

Melnikov (2020) – Melnikov L.A. Responsibility of medical personnel: Administrative and criminal aspects [Otvetstvennost' meditsinskogo personala: administrativnye i ugovnye aspekty] // Law and Health [Pravo i zdorov'e]. — 2020. — No. 3. — pp. 52–59.

Guseva (2021) – Guseva L.P. Medical error as a basis for legal responsibility of a doctor [Meditsinskaya oshibka kak osnovanie yuridicheskoy otvetstvennosti vracha] // Tomsk State University Journal of Law [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo]. — 2021. — No. 42. — pp. 97–106.

Гражданское право

УДК 347.2/3

JEL: J00

ЗОЛОТОВСКАЯ Елена Анатольевна¹

¹ ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Гоголя 41, Владивосток, 690014, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3044-9370>

¹ Золотовская Елена Анатольевна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Института права Владивостокского государственного университета, Владивосток.

E-mail: elena-zlato@rambler.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация

Предмет/тема. Предметом исследования выступает правовое регулирование гражданской правосубъектности публично-правовых образований, включая особенности реализации их гражданской правоспособности и дееспособности в рамках действующего законодательства Российской Федерации.

Цели/задача. Цель исследования заключается в анализе основных аспектов гражданской правосубъектности публично-правовых образований, выделении специфики их участия в гражданских правоотношениях и оценке влияния

такого участия на функционирование институтов гражданского права. Основные задачи исследования включают изучение понятия и признаков публично-правовых образований как особых субъектов гражданского права проведения анализа особенностей участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях посредством своих органов и специализированных структур, а также оценке современных тенденций развития института публично-правовых образований.

Методология. Методологическая основа исследования включает комплекс методов научного познания, таких как историко-правовой, который позволяет проследить эволюцию представлений о публично-правовых образованиях и выявить изменения в нормативном регулировании, а также эмпирический метод и нормативно-догматический метод.

Вывод. Рассматриваемое исследование акцентировано на изучении гражданской правосубъектности публично-правовых образований, выделяя характерные черты их участия в гражданском обороте. Итоги исследования позволяют сделать заключение о сложившемся механизме взаимодействия публично-правовых образований и других субъектов гражданского права, подчеркнуть необходимость дальнейшего совершенствования законодательства для повышения эффективности функционирования данного института в условиях рыночной экономики.

Ключевые слова: *публично-правовые образования, имущество, государство, правосубъектность государства.*

Civil law

¹ *Elena A. Zolotovskaya*

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Institute of Law of Vladivostok State University

PUBLIC LAW TASKS OF STATE ENTITY AND THEIR IMPLEMENTATION BY A SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CIVIL LEGAL RELATIONS

Subject/Topic The subject of the research is the legal regulation of the civil legal capacity of public legal entities, including the specifics of the implementation of their civil legal capacity and legal capacity within the framework of the current legislation of the Russian Federation.

Goals/objectives The purpose of the study is to analyze the main aspects of the civil legal capacity of public legal entities, highlight the specifics of their participation in civil legal relations and assess the impact of such participation on the functioning of civil law institutions. The main objectives of the study include studying the concept and characteristics of public legal entities as special subjects of civil law, analyzing the specifics of the participation of public legal entities in civil legal relations through their bodies and specialized structures, as well as assessing modern trends in the development of the institution of public legal entities.

Methodology The methodological basis of the study includes a set of methods of scientific knowledge, such as historical and legal, which allows tracing the evolution of ideas about public legal entities and identifying changes in regulatory regulation, as well as the empirical method and the normative-dogmatic method.

Conclusion The study under consideration focuses on the study of the civil legal capacity of public legal entities, highlighting the characteristic features of their participation in civil circulation. The results of the study allow us to draw a conclusion about the established mechanism of interaction between public legal entities and other subjects of civil law, and emphasize the need for further improvement of legislation to improve the efficiency of this institution in a market economy.

Keywords: *public legal entities, property, state, legal capacity of the state.*

Особенности гражданской правосубъектности публично-правовых образований состоят, как отмечалось выше, в двойственном отношении государства: с одной стороны, оно является субъектом правового регулирования, с другой – подчиняется им же созданным правилам, при этом, что особенно специфично и важно – находится в равном (в отличие от публичных правоотношений) положении с иными субъектами гражданского права. Чтобы отграничить этих субъектов от иных участников оборота, для них используется юридических лиц публичного права.

Государство вступает в имущественные отношения с иными субъектами, чтобы разрешить возникающие вопросы и исполнить стоящие перед ним задачи. Это влечет за собой и специальный характер, и ограниченность полномочий и прав государства в данных отношениях.

Таким образом, можно сказать, что государство обладает гражданской правоспособностью, признается самостоятельным субъектом гражданских правоотношений. Чаще всего для реализации своих интересов в гражданских правоотношениях государство пользуется специальными законами, такими как, ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», ФЗ «О закупках товаров, работ услуг отдельными видами юридических лиц» [1, с. 56].

Гражданская правосубъектность государства и других публично-правовых образований в различных правовых системах оформляется по-разному. Часто встречается признание государства в целом и (или) ряда его органов (учреждений), а также административно-территориальных образований и их органов юридическими лицами публичного права. Такой подход традиционно был принят во Франции и ныне распространяется в Германии. Его существо состоит в том, что то или иное юридическое лицо (принадлежащие государству юридические лица) изначально объявляются в полной мере равными в гражданско-правовых отношениях, но, при этом наделенными социально-значимыми функциями.

Они отличаются от обычных юридических лиц частного права тем, что создаются на основе публично-правового (обычно - административного, властно-распорядительного) акта и преследуют в своей деятельности публичные (общественные) цели, а также имеют определенные властные полномочия. Их правовой статус регламентируется нормами публичного, а

не частного права, но в качестве субъектов имущественного оборота они уравниваются с юридическими лицами частного права.

При этом главной их особенностью признается прозрачность, открытость их деятельности, что, как отмечалось, нехарактерно для иных юридических лиц (которых по этой причине можно относить к категории юридических лиц частного права). То же время, субъектом права не считается (в отличие от немецкого варианта и прежнего Кодекса) казна.

В некоторых случаях государство в целом для целей гражданского (имущественного) оборота рассматривается как фиск (казна) - особый субъект права. Это понятие применяется только к государству, но не к его органам (например, § 89 Германского гражданского уложения), которые в таком случае считаются лишь представителями казны¹. Не применяется оно и к административно-территориальным (муниципальным и иным) образованиям, которые обычно рассматриваются как юридические лица публичного права.

В то же время, современный российский Гражданский кодекс (далее – ГК РФ), в отличие от ГК РСФСР и ГГУ рассматривает казну не как субъект права, а как часть государственного (или иного публичного) имущества, не закрепленную за государственными юридическими лицами - предприятиями и учреждениями².

Действующее российское законодательство считает государство, государственные и муниципальные (публично-правовые) образования самостоятельными, особыми субъектами права, существующими наряду с юридическими и физическими лицами. К их гражданско-правовому статусу применяются нормы, определяющие участие в имущественном обороте юридических лиц, если иное прямо не вытекает из закона или из особенностей данных субъектов (п. 2 ст. 124 ГК РФ). Очевидна, например, невозможность применения к ним правил о порядке создания и прекращения юридических лиц. Гражданско-правовые сделки с участием публично-правовых образований, напротив, по общему правилу (при отсутствии специальных изъятий) подчиняются нормам о сделках с участием юридических лиц, хотя сами эти субъекты юридическими лицами не являются.

В качестве субъектов гражданского права государство и иные публично-правовые образования обладают гражданской правоспособностью и дееспособностью. При определении их характера и

¹ Германское гражданское уложение 1896 г. // Электронный ресурс: Тихоокеанский государственный университет. Доступно на сайте: URL: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/grpzio63/?ysclid=mdqo23nyda994336057 (дата обращения 07.07.2025)

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». Доступно на сайте: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/c1923b21971e5b9356fe86b94d3beef0a1747f7c/ (дата обращения 07.07.2025)

содержания следует иметь в виду, что рассматриваемые субъекты, в отличие от юридических лиц, созданы не для участия в гражданских правоотношениях, которое носит для них вынужденный, вспомогательный по отношению к основной деятельности характер. Следует поэтому согласиться с утверждением, что гражданская правоспособность государства (и других публично-правовых образований) хотя и может быть достаточно широкой по содержанию, но в целом носит специальный, а не общий (универсальный) характер. Указанные субъекты могут иметь лишь те гражданские права и обязанности, которые соответствуют целям их деятельности и публичным интересам.

Таким образом, все материальные и нематериальные блага государства делятся на две части: распределенные (закрепленные за государственными предприятиями, государственными учреждениями и государственными корпорациями) и нераспределенные (казна). Однако во всех случаях их гражданская правоспособность является специальной.

Точка зрения о специальном характере гражданской правоспособности государства поддерживается и в современной науке [2, с. 73].

В то же время необходимо учитывать, что на практике правоспособность субъекта Федерации, если она определяется функцией обеспечения «всеобщего блага» населения, проживающего на данной территории, зависит от того, что по этому поводу решит руководство данного субъекта. Иначе говоря, даже если правосубъектность субъекта РФ является «специальной», определение того, что входит в публичные функции данного субъекта РФ, выполняемые в том числе и путем участия в гражданских правоотношениях, зависит преимущественно от органов государственной власти этого субъекта, то есть по существу – от него самого. Тем самым складывается ситуация, когда субъект регулирует сам себя, то есть сам решает, что – входит (в целях обеспечения «всеобщего блага») и что – не входит в его гражданскую правоспособность, а норм, ограничивающих такое положение, ставящих каким-либо образом под контроль гражданско-правовую деятельность региона, гражданское законодательство (исключая законодательство о государственных закупках) не содержит.

Публично-правовые образования приобретают для себя гражданские права и создают гражданские обязанности, т. е. реализуют свою дееспособность, через свои органы (органы государственной власти или органы местного самоуправления), действующие в рамках их компетенции, установленной актами о статусе этих органов (п. 1 и 2 ст. 125 ГК РФ). Но в результате их действий участниками гражданских правоотношений становятся именно публично-правовые образования в целом, а не органы их исполнительной или законодательной власти [3, с. 9].

Последние могут участвовать в гражданских правоотношениях самостоятельно, а не от имени соответствующего публично-правового

образования, только в роли финансируемых собственником государственных учреждений - юридических лиц с ограниченным вещным правом оперативного управления на закрепленное за ними имущество и под субсидиарную ответственность создавшего их публичного собственника. В то же время, от имени публично-правовых образований по их специальным поручениям могут выступать различные, государственные органы, а также юридические лица и граждане (п. 3 ст. 125 ГК РФ). Но в этом случае речь идет о гражданско-правовых отношениях представительства, в которых перечисленные субъекты выполняют функции представителей, а не органов публичной власти.

Таким образом, действия органов власти, совершенные в пределах их компетенции, являются действиями самих публично-правовых образований. Важно поэтому определить, основаны ли эти действия на соответствующих полномочиях данных органов, входят ли они в их компетенцию. Компетенция государственных органов, в том числе и по участию в гражданских правоотношениях, устанавливается актами публичного, а не частного (гражданского) права. Для сферы гражданского права имеет значение прежде всего их компетенция по использованию государственного и муниципального имущества, включая возможности его приобретения и отчуждения (распоряжения), а также компетенция в области возложения (несения) имущественной ответственности [4, с. 90].

При этом речь идет о государственном и муниципальном имуществе, не закрепленном за соответствующими юридическими лицами - предприятиями и учреждениями - на самостоятельном вещном праве, ибо такое имущество составляет базу самостоятельного участия этих лиц в гражданском обороте. Поэтому такие юридические лица не отвечают своим имуществом по долгам учредивших их публичных собственников (п. 2 ст. 126 ГК). По своим собственным обязательствам государство и другие публично-правовые образования отвечают лишь той частью своего имущества, которую они не передали своим юридическим лицам (п. 1 ст. 126 ГК РФ) и которая составляет понятие «казны» (нераспределенного государственного и муниципального имущества).

Имущество казны, состоящее прежде всего из средств соответствующего государственного или местного бюджета, и составляет материальную базу для самостоятельного участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях. Бюджетными средствами распоряжаются финансовые органы (федеральное и республиканские министерства финансов, их региональные и местные управления и отделы). Поэтому именно они чаще всего выступают в качестве органов, уполномоченных публично-правовыми образованиями (т. е. от их имени) для участия в гражданских правоотношениях, в частности при выпуске (эмиссии) государственных или муниципальных внутренних займов или предоставлении кредитов, а также при предъявлении к государственным

или муниципальным образованиям имущественных требований (исков), в том числе в порядке субсидиарной ответственности за долги созданных ими учреждений (ст. 107 ГК РФ).

В отношении средств регионального бюджета, операции с ними, в том числе его осуществление и контроль за его исполнением, а также управление его доходами и расходами осуществляют финансовые органы, входящие в общую систему Министерства финансов РФ.

Что касается иного находящегося в публичной собственности имущества, то распоряжение им от имени собственника осуществляют иные уполномоченные на то органы. Так, создание, реорганизация и ликвидация региональных унитарных предприятий, в том числе наделение их имуществом на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, а также контроль за его сохранностью и использованием по назначению осуществляется министерствами либо агентством по управлению имуществом субъекта РФ. Последнее принимает решения об отчуждении недвижимого государственного или муниципального имущества в виде имущественных комплексов, зданий и сооружений в порядке приватизации, а также об изъятии излишнего, неиспользуемого или используемого не по назначению имущества, закрепленного за казенными предприятиями либо за государственными или муниципальными учреждениями, и распоряжается им от имени учредителя-собственника (п. 2 ст. 296 ГК РФ). Фонды государственного и муниципального имущества выступают в качестве продавцов в сделках приватизации, а также являются учредителями хозяйственных обществ и товариществ с государственным (или иным публично-правовым) участием, становясь законными владельцами принадлежащих публично-правовым образованиям акций и других ценных бумаг приватизированных предприятий (либо управомоченными лицами в отношении прав требования по «бездокументарным ценным бумагам»).

Управление земельными ресурсами субъекта РФ осуществляет региональная служба земельного кадастра, а также Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды¹; использование находящихся в публичной собственности памятников истории и культуры – соответствующие региональные органы, в функции которых входит обеспечение сохранности памятников и т.д.

Следует отметить, что действующее законодательство не предусматривает случаев непосредственного участия в гражданских

¹ О полномочиях Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды по изъятию, предоставлению земельных участков и резервированию земель: Постановление Правительства РФ от 09.02.2012 № 109 // Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс». Доступно на сайте: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126023/ (дата обращения: 08.07.2025)

правоотношениях от имени субъектов Российской Федерации высших органов государственной власти - глав администраций или законодательных органов субъектов Федерации, как иногда ошибочно указывается в литературе [5, с. 169]. Более того, указанные высшие органы публичной власти не выступают в имущественном обороте и от собственного имени, ибо имеют совершенно иные функции и задачи. Для материального обеспечения их деятельности создаются самостоятельные юридические лица - управления делами, финансово-хозяйственные отделы и т. п., выступающие в организационно-правовой форме учреждений или унитарных предприятий.

Таким образом, гражданская правосубъектность публично-правовых образований отличается рядом специфических черт, связанных с особенностями статуса государства как регулятора и участника гражданского оборота. Государство участвует в гражданском обороте как независимый субъект права, обладая ограниченными возможностями и обязанностями, специально предназначенными для достижения общественно полезных целей. Специфичность гражданско-правовой активности публично-правовых образований проявляется в существовании двух групп объектов собственности: распределяемого имущества и казны, которая представляет собой имущество, не закрепленное за государственными структурами. Российское законодательство признаёт публично-правовые образования самостоятельными субъектами права, однако применяет к ним особую процедуру участия в гражданских отношениях, отличную от процедуры формирования и ликвидации обычных юридических лиц. Вопросы, касающиеся имущественной ответственности публично-правовых образований, урегулированы правилами, позволяющими ограничить обязательства государственных и муниципальных образований рамками их собственных активов.

Список источников:

1. Журавлева (2019) - Журавлева А.В. Публично-правовые образования как субъекты гражданско-правовых отношений: понятия и виды / А.В. Журавлева // *Colloquium-journal*. 2019. № 21 (45). С.55-58.
2. Садриева (2015) - Садриева Р.Р. К вопросу о сущности государства как субъекта гражданского права / Р.Р. Садриева // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 5. С. 69-74.
3. Пурге 92024) - Пурге А.Р. Особенности гражданско-правового статуса субъекта (региона) Российской Федерации / А.Р. Пурге // *Современный юрист*. 2024. № 4 (49). С. 8-20.
4. Бокий (2024) – Бокий В.Ю. К вопросу об унификации цифровых инструментов государственного управления в Российской Федерации / В.Ю. Бокий // *Современный юрист*. 2024. № 4 (49) стр. 88-97.
5. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Учебно-практический. Части 1, 2, 3, 4 / Отв. ред. С.А. Степанков. 5-е изд. - Москва: Инфра-М, 2017. - 1648 с.

References:

Zhuravleva (2019) - Zhuravleva A.V. Public-law entities as subjects of civil-law relations: concepts and types [Publichno-pravovyye obrazovaniya kak sub"yekty grazhdansko-pravovykh otnosheniy: ponyatiya i vidy] A.V. Zhuravleva // Colloquium-journal. 2019. No. 21 (45). P.55-58.

Sadrieva (2015) - Sadrieva R.R. On the issue of the essence of the state as a subject of civil law [K voprosu o sushchnosti gosudarstva kak sub"yekta grazhdanskogo prava] R.R. Sadrieva // Actual problems of Russian law. 2015. No. 5. P. 69-74.

Purge 92024) - Purge A.R. Features of the civil-legal status of a subject (region) of the Russian Federation [Osobennosti grazhdansko-pravovogo statusa sub"yekta (regiona) Rossiyskoy Federatsii] A.R. Purge // Modern lawyer. 2024. No. 4 (49). P. 8-20.

Bokiy (2024) – Bokiy V.Yu. On the issue of unification of digital instruments of public administration in the Russian Federation [K voprosu ob unifikatsii tsifrovyykh instrumentov gosudarstvennogo upravleniya v Rossiyskoy Federatsii] V.Yu. Bokiy // Modern lawyer. 2024. No. 4 (49) pp. 88-97.

Commentary on the Civil Code of the Russian Federation [Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii/]. Educational and practical. Parts 1, 2, 3, 4 / Ed. S.A. Stepankov. 5th ed. - Moscow: Infra-M, 2017. - 1648 p.

Гражданское право

УДК 347.27

JEL: K12

ЭМУХВАРИ Руслан Ревазиевич¹

¹ Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-юридический университет (МФЮА)», ул. Серпуховский вал, д. 17, корп. 1, Москва, 115191, Россия.
<https://orcid.org/0009-0001-5658-3167>

¹ Эмухвари Руслан Ревазиевич, аспирант Московского финансово-юридического университета. E-mail: emukhvarir@ya.ru

**ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ЗАЛОГ В ДРЕВНЕРУССКОМ И
СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ**

Аннотация

Предмет/тема. Предметом нашего исследования явились общественные отношения, имевшие место в России в 15-18 веках, а также в настоящий момент, которые регулируются нормами о залоге имущества. Объектом изучения выступили нормативный материал, как современный, так и относящийся к указанному историческому периоду, работы дореволюционных ученых цивилистов, которые основаны непосредственно на документах той эпохи в виде договоров, долговых и закладных расписок и т.п.

Цель/задачи. Целью нашего исследования является проведение сравнительного анализа залоговых правоотношений в России в 15-18 веках и на современном этапе, что позволило проследить развитие законодательства и практики его применения в области обеспечительных сделок, а также оценить те результаты, которые достигнуты как в научной,

так и прикладной составляющей изучения подобного рода сделок.

Методология. Методологию представленного исследования составили как общенаучные методы: диалектика, сравнительный анализ и аналогия, так и специальные методы познания права - формально-юридический, историко-правовой, социолого-правовой в связке с каузальным.

Результаты/выводы. Установлено ключевое различие, выраженное в содержании имущественных прав залогодержателя в отношении предмета залога, а именно переход права собственности на него к залогодержателю непосредственно при возникновении залога согласно нормам древнерусского права, тогда как в современном понимании залогодержатель такого вещного права не получает. Также выявлена аналогичная древней договорная конструкция в современном праве – договор репо, который указывает на возможность имплементация ранее существовавших правоприменительных практик.

Ключевые слова: *зalog, вещные права, обязательства, договор купли-продажи, обеспечение, поручительство, взыскание, репо.*

Civil law

¹ **Ruslan R. Emukhvari**

Postgraduate student of the Moscow University of Finance and Law (MFUA)

PROPERTY PLEDGE IN ANCIENT AND MODERN RUSSIAN LAW

Abstract

Subject/topic The subject of our research was the social relations that took place in Russia in the 15th-18th centuries and at the present time, which are regulated by the laws of the property pledge. The object of the article was the legislation, both modern and related to the specified historical period, the research papers of prerevolutionary civil scientists, which are based directly on documents of that era in the form of contracts, debt and mortgage receipts, etc.

Goals/objectives The purpose of our study is to conduct a comparative analysis of collateral legal relations in Russia in the 15th-18th centuries and at the present age, which made it possible to trace the development of legislation and the practice of its application in the field of security transactions, as well as to evaluate the results that have been achieved both in the scientific and applied components of the study of this type of transaction.

Methodology The methodology of the presented research was made up of both general scientific methods: dialectics, comparative analysis and analogy, and special methods of understanding law - formal-legal, historical-legal, sociological-legal in conjunction with causal.

Conclusion A key difference has been established, expressed in the content of the property rights of the pledgee in relation to the subject of the pledge, namely the transfer of ownership of it to the pledgee immediately upon the emergence of the pledge in accordance with the norms of ancient Russian law, whereas in the modern understanding the pledgee does not receive such a property right. A similar ancient contractual structure has also been identified in modern law – the repo agreement, which indicates the possibility of implementing previously existing law enforcement practices.

Keywords: *pledge, property rights, obligations, sales contract, security, surety, collection, repo.*

Настоящая статья основывается на монографии 1855 года знаменитого русского цивилиста первой половины 19 века Дмитрия Мейера «Залог в древнем русском праве» (Казань, 1855 г.) [1]. Указанная работа содержит описание института залога, действовавшего в России в 15-18 веках, основываясь как на нормативном материале, так и непосредственных документах той эпохи в виде договоров, долговых и закладных расписок и т.п.

Целью нашего исследования является проведение сравнительного анализа залоговых правоотношений в указанном историческом периоде и на современном этапе, что позволит проследить развитие законодательства и практики его применения в области обеспечительных сделок, а также оценить те результаты, которые достигнуты как в научной, так и прикладной составляющей изучения подобного рода сделок.

Право собственности в Древней Руси было сопряжено в первую очередь с правом на владение. Известная современному праву триада: владение, пользование, распоряжение носит слишком абстрактный характер и не могла быть воспринята средневековым правосознанием.

Как пишет Д. Мейер «по древнему праву залог есть отчуждение: залогодатель предоставляет для обеспечения какого-либо обязательства имущество верителю, который в случае удовлетворения возвращает заложенную вещь хозяину, иначе же продолжает владеть ею».

Данная дефиниция стала возможна в результате изучения Мейером тех правовых обычаев, которые нашли свое отражение непосредственно в первичных документах, сопутствующих хозяйственной деятельности, а также законодательных актах соответствующих периодов.

В Правде Ярославичей (датируется 1070-ми годами) упоминается древнейшая форма залога – залог самого себя [2].

Так называемые «закупы» или «закладчики» упоминаются в более поздних источниках, например, в договорных грамотах Новгорода с князьями, князей между собой, в их духовных грамотах.

Д. Мейер в своей работе указывает, что до начала 15 века отсутствуют свидетельства наличия имущественного залога, тогда как имеется значительное количество записей 13-14 веков о заложенных людях.

Однако не будем подробно останавливаться на данной разновидности залога, поскольку это выходит за предмет нашего исследования.

Первое упоминание об имущественном залоге появляется в Псковской судной грамоте (15 век) [3]. В частности, был определен порядок обращения взыскания на предмет залога как в случае неисполнения основного обязательства (ст. 31), так и в случае смерти залогодателя при наличии нескольких залогодержателей (ст. 104) [4].

Данный нормативный акт (ст. 30) содержал одно важное установление, касающееся соотношения размера долга с необходимостью залогового обеспечения. А именно необходимость предоставления залога, если сумма займа превышала один рубль.

Таким образом, имущественная ответственность должника имела второстепенное экономическое значение, поскольку именно предмет залога рассматривался как главный источник для обеспечения исполнения обязательств по займу. Как писал Звоницкий А.С.: «Залог становился центром тяжести кредитной сделки» [5].

Однако обратим внимание на территориально ограниченный характер

действия указанных норм.

Следующий акт, содержащий гражданско-правовые нормы о залоге - Соборное уложение 1649 г. [6] Согласно ст. 33 главы XVIII Уложения, «просроченные закладные» рассматривались в качестве «купчих». Указанной нормой был зафиксирован правоприменительный обычай, отражающий существо имущественного залога того времени.

Следует отметить, что до Указа Анны Иоанновны от 01 августа 1737 года не представляется возможным выделить отдельные этапы становления института залога, поскольку имевшееся нормативное регулирование и обычаи хозяйственной жизни на протяжении длительного времени предусматривали единое содержание права залога.

Согласно нормам современного законодательства (ч. 1 ст. 334 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ))¹ залог является способом обеспечения обязательства и предусматривает возможность удовлетворения требования кредитора-залогодержателя за счет предмета залога посредством его реализации или оставления у залогодержателя.

При этом залог является обременением в отношении имущества, а предмет залога остается во владении залогодателя по умолчанию (ч. 1 ст. 346 ГК РФ)², если иное не предусмотрено Гражданским Кодексом, другим законом или договором.

Залогодержатель вправе пользоваться переданным ему предметом залога только в случаях, предусмотренных договором, регулярно представляя залогодателю отчет о пользовании (ч. 5 ст. 346 ГК РФ)³.

В свою очередь залог в древнерусском праве разительно отличался. Так передача вещи в залог предусматривала полноценный переход права собственности к залогодержателю на нее. Единственным условием являлось наличие обязательства залогодержателя возвратить вещь залогодателю в случае исполнения основного обязательства, при этом данное обязательство само по себе не являлось ограничением права собственности залогодержателя, который был вправе распорядиться предметом залога по своему усмотрению, в том числе продать, передать в залог и т.д.

В случае невозможности возврата заложенной вещи залогодателю при исполнении последним своего обязательства на залогодержателя могла быть возложена обязанность по возмещению причиненных им убытков.

Подобное различие в содержаниях права залога является ключевым и как следствие ставящим множество вопросов его применения.

Статья 337 ГК РФ гласит, что если иное не предусмотрено законом или договором, залог обеспечивает требование в том объеме, какой оно имеет к моменту удовлетворения, в частности проценты, неустойку, возмещение убытков, причиненных просрочкой исполнения, а также возмещение необходимых расходов залогодержателя на содержание предмета залога и

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. от 31.10.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» - URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.04.2025)

² Там же.

³ Там же.

связанных с обращением взыскания на предмет залога и его реализацией расходов¹.

В средневековой Руси определить единые пределы обеспечения обязательства залогом не представляется возможным, они могут быть как ограничены размером долга, так и долга с процентами, подлежащими уплате, так и с учетом издержек залогодержателя, либо изначально размер займа ограничен стоимостью залога. Таким образом, данный вопрос полностью находился в компетенции сторон, какое-либо общее правило отсутствовало.

Обращает на себя внимание практика ограничения права на передачу имущества в залог в зависимости от обеспечиваемого обязательства, а именно «ничтожен заклад по пропойным деньгам, так-как запрещен отпуск пийтий в долг; ничтожен заклад по словесным займам с тех пор, как постановлено было не давать по ним суда». То есть, если главный долг существует только как натуральное обязательство (*obligatio naturalis*) его обеспечение было невозможно, современное регулирование таких запретов в явном виде не содержит. Также существовал запрет на передачу в залог в отношении определенных видов имущества (предмет залога), в частности, относящихся к церковной утвари. В одном из документов упоминается «о залоге отчины (землевладения), в котором есть церковь, в отношении которой определено, что нельзя ее считать предметом залога, а она составляет только принадлежность отчины, за которой следует и в заклад». Также древнерусское право знало исключения по субъектному составу правоотношений, как на стороне залогодателя, так и залогодержателя.

Имел место запрет на передачу имущества в залог со стороны так называемых тяглых людей (крестьяне, обязанные платить государственные налоги и выполнять государственные повинности), а также поместий, как временной собственности, выданной за службу царю. Мог быть установлен частный запрет на передачу имущества в залог, например, царем Михаилом Федоровичем была представлена иностранцу земля для покупки, но с запрещением ее продажи и залога, кроме как с разрешения «верховой власти». Еще одной из разновидностей частного запрета является соответствующее условие при переходе имущества от одного собственника к новому собственнику. Подобный запрет свидетельствовал о временном характере собственности лица, выступающего на стороне покупателя.

В отношении монастырей (Приговорная грамота 1580 года) было установлено воспрещение на принятие залогов с санкцией в виде изъятия имущества в доход казны. Однако на практике данный запрет не действовал и имеется множество письменных свидетельств того, как монастыри выступали в качестве залогодержателей.

Осужденные, беглые, тяглые люди, были ограничены в праве быть залогодержателями. Иностранцам в определенных районах Москвы было запрещено принимать залогов от русских людей.

Современное право таких исключений для залогодержателей не содержит, а главным условием для возможности быть залогодателем

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. от 31.10.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» - URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.04.2025)

ставится только право собственности на предмет залога (ч. 2 ст. 335 ГК РФ)¹.

Залог имущества, которое будет приобретено в будущем, не был предусмотрен на Руси. Однако если определенное имущество уже находится в залоге и от него могут возникнуть плоды, приплод и др., то они также признаются находящимися в залоге.

Современное регулирование (ч. 2 ст. 341 ГК РФ)² предусматривает возможность залога имущества, которое будет создано или приобретено залогодателем в будущем, а на полученные в результате использования заложенного имущества плоды, продукцию и доходы залог распространяется в случаях, предусмотренных законом или договором (ч. 3 ст. 336 ГК РФ)³.

В древнерусском регулировании право залога возникает из договора, иные источники, в том числе по закону, не предусмотрены.

В ст. 208 гл.10 Соборного Уложения указано, что «Дозволяется хозяину пашни или луга загнать к себе чужую скотину за причиненную потрату и держать ее до вознаграждения за убытки», но это не может быть признано залогом либо иным способом обеспечения обязательства ныне известного как удержание вещи, поскольку направлено не на возмещение ущерба, а на побуждение должника исполнить свое обязательство.

Д. Мейер писал, что «с достоверностью нельзя решить, известно ли древнему праву залогодательство по чужим обязательствам». Однако Соборным уложением была предусмотрена иная конструкция, когда должником в залог могла быть передана вещь третьего лица с его согласия, в частности супруги.

В силу ч. 3 ст. 339 ГК РФ Договор залога должен быть заключен в простой письменной форме, если законом или соглашением сторон не установлена нотариальная форма⁴.

Несоблюдение правил, содержащихся в настоящем пункте, влечет недействительность договора залога.

При этом до 1635 года имели место как устные, так и письменные договоры залога. Однако после указанной даты устные договоры хоть и не признаны недействительными, однако лишены судебной защиты. Практика составления закладных предусматривала указание в них описания предмета залога, срок действия и последствия просрочки в исполнении обязательств залогодателя, заверение о том, что предмет залога не отчужден и не обременен иными вещными правами.

Вмешательство в гражданский оборот было совершено со стороны царя Ивана IV посредством издания постановления 1558 г., которым был введен

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. от 31.10.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» - URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.04.2025)

² Там же.

³ Там же.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. от 31.10.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» - URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.04.2025)

мораторий на исполнение обязательств «служилыми людьми» на 5 лет с прощением долгов в части уплаты процентов, а также возложением обязанности на залогодержателей возвратить заемщикам отчины с условием, что они не будут отчуждены в течение 5 лет. Если долг не будет возвращен в течение 5 лет, то предмет залога поступает обратно в собственность займодавца.

По мнению Д. Мейера подобное правоприменение дополнительно свидетельствует о том, что природа права пользования предметом залога основывается на вещном праве собственности, но не праве требования уплаты процентов за пользование займом, в счет которого залогодержатель получает в пользование предмет залога.

Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что возвращая заемщикам право на владение и пользование имуществом, право распоряжения отсутствовало, что иллюстрирует хаотичный подход с точки зрения гражданского права к хозяйственному обороту, что свойственно средневековым правовым порядкам.

Не было предусмотрено такое понятие как «старшинство залогов», поскольку передача залогодателем имущества, уже переданного им в залог, была невозможна.

Но на стороне залогодателя существовало обязательство «очистки», то есть ограждения залогодержателя от притязаний третьих лиц на предмет залога, посредством принятия обязательства по возмещению убытков, вызванных подобного рода притязаниями. Однако отсутствуют сведения о том, возникала ли либо обязанность по досрочному погашению задолженности, в случае утраты предмета залога по иску третьего лица.

Как следует из п. 4 ст. 336 ГК РФ при заключении договора залога залогодатель обязан предупредить в письменной форме залогодержателя о всех известных ему к моменту заключения договора правах третьих лиц на предмет залога (вещных правах, правах, возникающих из договоров аренды, ссуды и т.п.). В случае неисполнения залогодателем этой обязанности залогодержатель вправе потребовать досрочного исполнения обеспеченного залогом обязательства или изменения условий договора залога, если иное не предусмотрено законом или договором¹.

Исключительное место занимают закладные, предусматривающие оставление предмета залога у залогодателя.

Условия данных закладных предусматривали, так называемое «условие о денежном росте», то есть об уплате процентов за пользование займом в счет того, что займодавец, он же залогодержатель, не может пользоваться предметом залога.

По мнению Д. Мейера подобное структурирование правоотношений не соответствует содержанию древнего права залога, поскольку в отсутствие владения вещью, отсутствует и собственность на него, а без собственности залог был невозможен.

При этом подобные ситуации чаще описываются в дошедших документах 16-17 вв. как «порука», то есть поручительство, предполагая,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. от 31.10.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» - URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.04.2025)

что обязательство может быть исполнено должником в том числе за счет данного имущества, поскольку в таком случае ответственность по обязательству следовала за субъектом, а не имуществом, что объясняет использование именно поручительства как способа обеспечения обязательства.

К способам прекращения залога относилось исполнение основного обязательства посредством выкупа предмет залога.

Прекращение обеспечиваемого обязательства ведет к прекращению залога и применительно к древнерусскому праву это указывает на возникновение обязанности у залогодержателя возвратить заложенную вещь залогодателю.

Выкуп имущества был предусмотрен только в полном объеме, дробление залога даже если это была совокупность различных вещей либо было несколько залогодателей не имело место.

Как пишет Д. Мейер «самостоятельность отчуждения, содержащаяся в залоге, подавляет значение главного обязательства, так что исполнение его рассматривается только по отношению к залогу: главное обязательство исполняется для выкупа, а не выкуп совершается во исполнение главного обязательства».

При этом сама по себе просрочка является самостоятельным способом прекращения права залога, поскольку в такой ситуации временная собственность залогодержателя становится постоянной, не избавляясь от родового выкупа (приоритетное право выкупа для родственников залогодателя).

Так древнее право разделило собственностью залогопринимателя до просрочки и после нее по основанию возникновения. Если изначально право собственности залогодержателя на вещь возникает в силу договора залога, впоследствии происходит трансформация в договор купли-продажи.

Также имеют место примеры закладных начала 15 века, которые не содержат указаний на обращение залога в куплю, при этом собственность залогопринимателя после просрочки признается независимо от этого превращения.

По мнению Д. Мейера «собственность существует самостоятельно: возникнув по передаче, основанной на какой-нибудь сделке, она уже более не нуждается в опоре вне себя».

В свою очередь превращение договора залога в куплю-продажу непосредственно после просрочки исполнения обязательства противопоставляется праву залогодателя на выкуп предмета залога.

Подобного рода казуистика характерна для древнерусского правового регулирования, не отличавшегося строгим структурированием.

Однако начиная с Судебного уложения складывается следующая практика в отношении залогов, в частности недвижимого имущества [7].

Упоминание о превращении договора залога в куплю-продажу в Уложении отсутствует, однако имело место положение о внесении двух записей в Приказные книги: о первоначальном залоге и о возникновении права собственности на основе просроченной закладной. При этом записи необходимо было внести в течение года после их совершения.

Подобное регулирование прослеживается также впоследствии при Петре I. Оно предусматривало взимание пошлин при совершении записи в случае просрочки по обязательству, обеспеченному залогом недвижимого

имущества, то есть выкуп залога был возможен до внесения соответствующей записи.

Также среди оснований прекращения залога выделены добровольный отказ залогодержателя, гибель предмета залога, а также замена предмета залога. Современное законодательство (ст. 352 ГК РФ) содержит значительно более разнообразный перечень оснований прекращения залога, который содержит в себе и вышеуказанные элементы.

Постановлением 1558 года Ивана IV установлено регулирование обращения взыскания на предмет залога в виде публичной продажи с целью удовлетворения требований кредитора-залогодержателя с одной стороны и передачи излишков выручки от продажи в пользу должника-залогодателя с другой. Подобное нововведение является значительным шагом вперед, однако отсутствуют подтверждения его применения на практике. Петром I напротив был введен запрет на залог недвижимого имущества, однако указанный правовой режим просуществовало недолго.

01 августа 1737 года Анной Иоанновной подписан указ, которым введено регулирование схожее с Постановлением 1558 года Ивана IV, а именно предусмотрена продажа предмета залога специальными учреждениями при обращении взыскания. Но главное, предмет залога не переходит в собственность залогодержателя, что коренным образом выделяет указанный указ от прежнего порядка.

Однако уже в 1744 году данный указ был отменен и было сохранено прежнее содержание права залога. В 1747 году был учрежден Государственный Заемный Банк с двумя отделениями: дворянское и купеческое, который в своей деятельности руководствовался положениями указа 1737 года. Также появилось регулирование старшинства залогов, то есть возможности обеспечения одним предметом нескольких обязательств. Устав о банкротах 1800 года ввел законодательные нормы в отношении залога, которые базово соответствует тем правоотношениям, которые сейчас мы определяем, как залоговые [8].

Подобные нововведения носили чрезвычайно положительный эффект как с точки зрения оживления хозяйственной деятельности, так и развития правовой доктрины.

Все вышеуказанные характеристики свидетельствуют об ограниченности древнерусского института залога как способа обеспечения обязательств, его недостаточной «эластичности», а также прокредиторской направленности.

Не углубляясь в экономическую составляющую, укажем лишь очевидные последствия такого регулирования, а именно невозможность залогодателем использования и извлечения прибыли из предмета залога после передачи его в обеспечение, что негативно сказывается на привлекательности вступления в данные правоотношения, в связи с чем залог не получил широкого применения на Руси в данный период.

К.П. Победоносцев писал, что «главным средством для удовлетворения взысканий было обращение их не на имущество должника, а на личность его. В таком виде право кредитора и истца, с одной стороны, представляется полным, резким, определительным правом, как власть над личностью должника или ответчика, зато с другой стороны, представляется вовсе не обеспеченным в материальном отношении, в том именно, что должно составлять существенную цель всякого взыскания» [9].

Доктринально древнерусский залог приоритетно имеет вещно-правовые признаки, поскольку сама его сущность заключается в передаче предмета залога (вещи) в собственность залогодержателю [10].

Отметим, что, не смотря на кажущийся архаизм подобного понимания залога, в современном законодательстве есть аналог, который применяется на рынке ценных бумаг, а именно договор репо.

Согласно п. 1 ст. 53.1 Федерального закона от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» договором репо признается договор, по которому одна сторона (продавец по договору репо) обязуется в срок, установленный этим договором, передать в собственность другой стороне (покупателю по договору репо) ценные бумаги, а покупатель по договору репо обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (первая часть договора репо) и по которому покупатель по договору репо обязуется в срок, установленный этим договором, передать ценные бумаги в собственность продавца по договору репо, а продавец по договору репо обязуется принять ценные бумаги и уплатить за них определенную денежную сумму (вторая часть договора репо)¹.

Мыслимо предположить возможность применения подобных договорных конструкций к иным классам активов и соответственно нормативного регулирования, но уже вне рамок института залога в его современном понимании как обладающего в большей степени признаками обязательственного права, поскольку залог не может быть сконструирован как сугубо вещное право. Статьей 329 ГК РФ установлено, что исполнение обязательств может обеспечиваться другими способами, предусмотренными законом или договором, помимо перечисленных в названной статье (залог, поручительство и т.д.)²

Таким образом, несмотря на то, что правовая природа залога претерпела значительные изменения по сравнению с прошлым регулированием, однако допустима имплементация ранее существовавших правоприменительных практик в качестве одного из способов обеспечения исполнения обязательств.

Обзор регулирования залога на разных временных этапах показывает нам тенденцию усложнения обеспечительных правоотношений по мере развития хозяйственной жизни общества, что в свою очередь свидетельствует о значительных перспективах развития и применения данного института, как составляющей экономики и права.

Список источников:

1. Мейер (1855) – Мейер Д.И. Залог в древнем русском праве. Издательство: И. Дубровин. Казань, 1855 г.

¹ Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» - URLhttps://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 06.04.2025)

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. от 31.10.2024) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант плюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.04.2025)

2. Блинова (2019) – Блинова М.А. К вопросу о становлении залога в Древней Руси. Общество: политика, экономика, право. 2019
3. Кольцова, Шичанин (2019) – Кольцова О.Р., Шичанин М.А. История залога в России. Скиф. Вопросы студенческой науки. Апрель 2019.
4. Хачатуров (2013) – Псковская судная грамота // Памятники русского права: учебно-научное пособие. В 35 т. Т. 2. Памятники права удельной Руси / под общ. ред. Хачатурова Р. Л. М., 2013. С. 7-64.
5. Звоницкий (1912) – Звоницкий А.С. О залоге по русскому праву. Киев, 1912. С. 36
6. Тихомиров, Епифанов (1961) – Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., Издательство Московского университета, 1961.
7. Чистяков (1986) – Российское законодательство X–XX вв. под общей редакцией Чистякова О.И. Т.4. М.: Юридическая литература, 1986.
8. Шершеневич (2024) – Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 1. Общая часть / Г.Ф. Шершеневич. — Москва: Издательство Юрайт, 2024.
9. Победоносцев (2003) – Победоносцев К.П. Курс гражданского права: в 3 т. Том 1. М.; Зерцало, 2003. С. 341
10. Кассо (1999) – Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве. – М.: Статут, 1999.

References:

- Meyer (1855) – Meyer D. I. Pledge in ancient Russian law [Zalog v drevnem russkom prave], Publisher: I. Dubrovin. Kazan, [Izdatel'stvo: I. Dubrovin. Kazan]. 1855
- Blinova (2019) – Blinova M.A. On the issue of the formation of collateral in Ancient Russia [K voprosu o stanovlenii zaloga v Drevnej Rusi]. Society: politics, economics, law [Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo]. 2019
- Kolcova, Shichanin (2019) - Kolcova O.R., Shichanin M.A. History of collateral in Russia [Istoriya zaloga v Rossii]. Skif. Student Science Issues [Skif. Voprosy studencheskoj nauki], 2019.
- Hachaturov (2013) – Hachaturova R.L. Pskov judicial charter // Monuments of Russian law: a teaching aid. In 35 volumes. Vol. 2. Monuments of the law of specific Rus [Pskovskaya sudnaya gramota // Pamyatniki rossijskogo prava: uchebno-nauchnoe posobie. V 35 t. T. 2. Pamyatniki prava udel'noj Rusi] under the general editorship of Hachaturov R.L. [pod obshch. red. Hachaturova R.L.]. Moscow, 2013, 7-64.
- Zvonitsky (1912) – Zvonitsky A.S. On the pledge under Russian law. [O zaloge po russkomu pravu], Kyiv, 1912, 36
- Tikhomirov, Epifanov (1961) – Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. Cathedral Code of 1649 [Sobornoye ulozheniye 1649 goda], Moscow, Moscow University Publishing House [Moskva, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta], 1961.
- Chistyakov (1986) – Russian legislation of the 10th–20th centuries under the general editorship of Chistyakov O.I. Vol. 4. Moscow: Legal Literature, [Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vv. pod obshchey redaktsiyey Chistyakova O.I. T.4. M.: Yuridicheskaya literature], 1986.
- Shershenevich (2024) – Shershenevich G. F. Textbook of Russian civil law in 2 volumes. Volume 1. General part [Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava v 2 t. Tom 1. Obshchaya chast], Moscow, Publisher: Yurait, [Moskva, Izdatel'stvo: Yurayt,], 2024.

Pobedonoscev (2003) – Pobedonoscev K.P. Civil law course: in 3 vol. Volume 1. [Kurs grazhdanskogo prava: v 3 t. Tom 1]; Moscow; Zercalo, 2003, 341.

Casso (1999) – Casso L.A. The concept of pledge in modern law [Ponyatie o zaloge v sovremennom prave]. Moscow, Statut, 1999.

Гражданское процессуальное право

УДК 340

JEL: K33

БУРНОС Екатерина Николаевна¹

¹ ООО «Векави Групп», ул. Гаражная, д. 67, Краснодар, Краснодарский край, 350020, Россия.

¹ Бурнос Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, член Ассоциации содействия развитию многостороннего международного сотрудничества и перспективных технологий в сфере образования и науки «Сотрудничество. Экспертиза. Технологии», партнер-учредитель ООО «Векави Групп». E-mail: enburnos@yandex.ru

ПОВОРОТ ИСПОЛНЕНИЯ УТВЕРЖДЕННОГО СУДОМ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация

Предмет/тема. В статье подробно проводится анализ института поворота исполнения судебных актов в отечественном гражданском процессе, исследуются особенности и сложности его применения в отношении мировых соглашений.

Цели/задачи. Цель статьи заключается в выявлении и анализе противоречий и правовых неопределенностей, возникающих при повороте исполнения утвержденного судом мирового соглашения, а также обосновании предложений по совершенствованию правового регулирования данного института. Задачи исследования включают анализ действующего законодательства, регулирующего институт поворота исполнения судебных актов; изучение правоприменительной практики и судебной статистики по делам, связанным с поворотом исполнения судебных актов, в частности определений об утверждении мировых соглашений; определение проблем и недостатков (пробелов) существующего правового регулирования, создающих правовые неопределенности и препятствующих эффективному разрешению споров в данной проблематике; предложения по устранению выявленных проблем и недостатков (пробелов).

Методология. При подготовке статьи использовались формально-юридический, логический и нормативно-доктринальный методы научного познания, а также анализ судебной статистики и судебной практики.

Результаты/выводы. Автор делает вывод о возможности применения института поворота исполнения судебных актов в гражданском процессе к мировым соглашениям, в том числе на основании заявлений истцов и третьих лиц, предлагает с целью формирования единых и справедливых подходов к вопросу поворота исполнения мирового соглашения,

недопущения злоупотребления правом и обхода закона на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ дать соответствующие разъяснения судам применительно к типовым ситуациям с учетом правовых позиций, сформулированных в науке процессуального права, сформированной судебной практики и официальных толкований Конституционного и Верховного судов.

Ключевые слова: *мировое соглашение, поворот исполнения, гражданский процесс, баланс интересов сторон, злоупотребление правом*

Civil procedure law

¹Ekaterina N. Burnos,

Candidate of Law Sciences, member of the Association for the Promotion of Multilateral International Cooperation and Advanced Technologies in the Field of Education and Science «Cooperation. Expertise. Technologies», founding partner of the limited liability company «Vekavi Group», Krasnodar, Russia

REVERSAL OF THE EXECUTION OF A COURT-APPROVED SETTLEMENT AGREEMENT IN A CIVIL PROCEEDING: CURRENT LAW ENFORCEMENT ISSUES

Annotation

Subject/topic The article provides a detailed analysis of the institution of turning the execution of judicial acts in domestic civil proceedings, the specifics and difficulties of its application in relation to settlement agreements.

Goals/objectives The purpose of the article is to identify and analyze contradictions and legal uncertainties that arise when the execution of a court-approved settlement agreement is reversed, as well as to substantiate proposals for improving the legal regulation of this institution. The objectives of the study include the analysis of current legislation regulating the institution of the reversal of judicial acts; the study of law enforcement practice and judicial statistics on cases related to the reversal of judicial acts, in particular definitions on the approval of amicable agreements.; identification of the problems and shortcomings (gaps) of the existing legal regulation that create legal uncertainties and hinder the effective resolution of disputes in this area; proposals to eliminate the identified problems and shortcomings (gaps).

Methodology The article was prepared using formal legal, logical, and normative-doctrinal methods of scientific knowledge, as well as an analysis of judicial statistics and judicial practice.

Results/conclusions The author concludes that the institution of reversal of judicial acts in civil proceedings can be applied to settlement agreements, including on the basis of statements from plaintiffs and third parties, and suggests providing appropriate explanations in order to form unified and fair approaches to the issue of reversal of the settlement agreement, preventing abuse of law and circumvention of the law at the level of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. courts in relation to typical situations, taking into account the legal positions formulated in the science of procedural law, the established judicial practice and official interpretations of the Constitutional and Supreme Courts.

Keywords: *settlement agreement, reversal of execution, civil procedure, balance of interests of the parties, abuse of law*

Гражданский процесс ориентирован на защиту интересов сторон конфликта и принятие судом законного, обоснованного и справедливого решения, подлежащего исполнению согласно установленным правилам. Тем не менее, законодательство допускает вероятность судебной ошибки, которую обязаны выявить суды вышестоящих инстанций.

Так, согласно представленным в Обзоре статистическим данным о рассмотрении в Верховном Суде РФ (далее – ВС РФ) дел в первом полугодии 2025 года¹ Судебной коллегией по гражданским делам рассмотрено 27 681 жалоб и представлений на судебные решения по гражданским делам. В частности, 499 кассационных жалоб и представлений были удовлетворены, отменено 246 решений (47,8 %), 178 апелляционных определений (34,6 %) (из них – по 35 делам решения суда первой инстанции оставлены в силе, 140 дел направлено на новое апелляционное рассмотрение, по 2 делам приняты новые судебные акты, по одному делу прекращено производство, изменено одно апелляционное определение). Кроме того, по 10 делам (1,9 %) отменены апелляционные определения с оставлением в силе промежуточных судебных актов судов первой инстанции. По 38 делам (7,4%) отменены кассационные определения (постановления) без отмены решения судов первой инстанции.

В связи с возможностью выявления вышестоящим судом судебной ошибки особое значение приобретает механизм восстановления прав и интересов лиц, в отношении которых выявлена такая ошибка. Одним из ключевых инструментов, обеспечивающих «гарантии устранения последствий допущенной судом ошибки»² и восстановления «status quo», является институт поворота исполнения судебных актов.

Вынесение судебного акта об отмене исполненных судебных актов влечет утрату ими юридической силы (обязательности исполнения), следовательно, любые правовые последствия, возникшие в результате их исполнения, подлежат устранению³.

Статьей 443 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) определено, что в случае отмены решения

¹ Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде РФ в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел, дел по разрешению экономических споров и дел об административных правонарушениях // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт] - URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/34611/> (дата обращения: 01.09.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 года № 2324-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Виноградовой Натальи Анатольевны на нарушение ее конституционных прав взаимосвязанными положениями пункта 1 статьи 395, пункта 2 статьи 1107 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 443 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.09.2025).

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 4. – П. 48.

суда, приведенного в исполнение, и принятия после нового рассмотрения дела решения суда об отказе в иске полностью или в части либо определения о прекращении производства по делу или об оставлении заявления без рассмотрения ответчику должно быть возвращено все то, что было с него взыскано в пользу истца по отмененному решению суда (поворот исполнения решения суда).

Согласно разъяснениям Конституционного Суда РФ, статья 443 ГПК РФ устанавливает правила устранения последствий неправомерных судебных актов и возлагает на суд первой инстанции обязанность рассмотреть заявление ответчика о повороте исполнения решения суда. Эти нормы направлены на создание дополнительных гарантий защиты прав сторон, особенно в случаях необоснованных требований, обеспечивая справедливое возмещение ущерба, причинённого неправильным судебным решением¹.

Таким образом, основной целью поворота исполнения является возвращение сторон в исходное положение, существовавшее до принятия отмененного судебного акта. Это позволяет восстановить баланс интересов и обеспечить справедливый исход судебного разбирательства.

По данным судебной статистики за 2024 год судами общей юрисдикции рассмотрено 41 758 заявлений о повороте исполнения судебного акта, из них удовлетворено – 34 843 заявления (83 %), отказано в удовлетворении – 3 709 заявлений (8,8 %)².

Однако в процессе анализа правоприменения института поворота исполнения судебных актов возникает множество вопросов, как у научных деятелей, судебных юристов, так и у судов, что позволяет отдельным ученым-процессуалистам относить его к «несовершенным механизмам защиты прав» [1; с. 723] и не обоснованно называть институт поворота исполнения судебных актов одной из «черных дыр современного гражданского процесса» [2; с. 34].

Именно данная проблематика предлагается для рассмотрения в рамках настоящего исследования, однако в контексте изучения поворота исполнения, утвержденного судом мирового соглашения в гражданском процессе, так как институт мирового соглашения обладает своей спецификой, которая недостаточно учтена в общих положениях института поворота исполнения судебных актов, порождая правовую

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2024 года № 3371-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дриги Максима Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 443 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции. // Судебный департамент Российской Федерации: [сайт] – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 01.09.2025).

неопределенность. Для устранения выявленных недостатков необходима дополнительная научно-практическая проработка данной проблематики.

Прежде всего, следует указать, что суды принимают судебные постановления в различных формах: судебные приказы, решения судов, определения суда, постановления президиума суда надзорной инстанции (ч. 1 ст. 13 ГПК РФ), тогда как мировое соглашение утверждается определением суда (ч. 5 ст. 153.10 ГПК РФ).

Формально ст. 443 ГПК РФ не содержит прямого указания на возможность поворота исполнения определения суда, в частности определения об утверждении мирового соглашения. Дополнительно укажем, что ст. 444 ГПК РФ устанавливает правило, которое допускает право ответчика подать заявление о повороте решения, в случае если суд не рассмотрит об этом вопрос самостоятельно (т.е. именно о повороте решения, а не определения или мирового соглашения).

Зачастую на практике судебные юристы и адвокаты полагают, что указанные формулировки статей 443, 444 ГПК РФ при буквальном их прочтении не позволяют произвести поворот исполнения мирового соглашения, определение об утверждении которого было отменено вышестоящим судом. Однако считаем такой подход неверным.

По мнению ряда ученых-процессуалистов, «несмотря на указание в ст. 443 ГПК РФ понятия как «решение суда», данное определение следует трактовать более шире: решение, судебный приказ, определение» [3, 4], они же ссылаются на позицию Верховного Суда РФ¹, ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах², п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод³ и на аналогию закона - положения АПК РФ [5], в которых говорится о повороте исполнения судебных актов, к которым в соответствии со ст. 15 АПК РФ относятся не только судебные решения, но и судебные постановления и определения. Вместе с тем обращается внимание на то, что «одной из задач законодателя должны признаваться необходимость закрепления в ГПК четких, недвусмысленных формулировок по вопросу поворота исполнения» [6; с. 20].

Полагаем, что для поворота исполнения утвержденного судом мирового соглашения не требуется применение аналогии закона (АПК РФ), так как ст. 153.11 ГПК РФ предусматривает, что мировые соглашения исполняются

¹ Определение Верховного Суда РФ от 13 января 2006 года № 55-В05-11 // СПС «КонсультантПлюс».

² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года) (Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 года (Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.09.2025).

по правилам раздела VII ГПК РФ. Раздел VII содержит ст. 443 («Поворот исполнения решения суда»), то есть к мировому соглашению эта статья применяется точно так же, как и к решению суда.

Следовательно, гражданским процессуальным законодательством допускается поворот исполнения судебных актов независимо от их формы, в том числе поворот исполнения мировых соглашений, утвержденных определением суда.

Данный вывод согласуется с актуальной судебной практикой судов общей юрисдикции, рассматривающих в порядке статей 443 и 444 ГПК РФ заявления о повороте исполнения отмененных мировых соглашений.

Важно обратить внимание на то, что заключение мирового соглашения носит обоюдный (двусторонний) характер. По общему правилу, заключая мировое соглашение, стороны (истец, ответчик, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования), нацелены на его утверждение судом и последующее исполнение, в том числе в добровольном порядке.

Отмена определения об утверждении мирового соглашения фактически аннулирует «процессуальную сделку» между истцом и ответчиком (иными лицами, если они были участниками соглашения), и поэтому в данном случае в результате устранения судебной ошибки наступают «реституционные последствия», поскольку поворот исполнения имманентен реституции [7; с. 186]. При этом необходимо учитывать, что поворот исполнения решения суда, являясь по своей сути приведением сторон в изначальное (прежнее) положение¹, не предполагает возникновения новых правоотношений, которые должны быть разрешены судом².

Следует заметить, что на практике в рамках мирового соглашения могут предусматриваться денежные и иные обязательства как ответчика перед истцом, так и истца перед ответчиком. В связи с этим отмена вышестоящим судом утвержденного и исполненного сторонами мирового соглашения может создавать реституционные последствия как для одного, так и для другого.

Вместе с тем статьи 443 и 444 ГПК РФ предусматривают только право ответчика на подачу заявления о повороте исполнения решения суда, защищая его от негативных последствий, связанных с неосновательным обогащением истца по отпавшему основанию.

По мнению И.И. Кутюхиной, ответчик выступает единственным субъектом, за кем закреплено исключительное право на инициирование

¹ Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2025 года № 88-5997/2025 по делу № 2-4487/2022 (УИД 26RS0001-01-2022-007229-18) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.09.2025).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 июля 2025 года № 18-КГ25-234-К4 (УИД 23RS0059-01-2021-006588-90) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.09.2025).

процесса применения правовых последствий по отмененному решению, что является особенностью института поворота исполнения судебного решения [8; с. 35]. Несмотря на буквальное прочтение положений закона, позволим себе не согласиться с данным утверждением.

В правоприменительной практике встречаются случаи, в которых инициаторами аннулирования утвержденного судом мирового соглашения выступают не истец и ответчик, а лица, не привлеченные к участию в деле, или третьи лица, чьи права и законные интересы были нарушены заключенным мировым соглашением. Обусловлено это тем, что нередко недобросовестными участниками гражданского оборота используются отработанные «схемы» вывода имущества именно через мировое соглашение в обход закона и в ущерб интересам других лиц.

Несмотря на данное обстоятельство, указанные лица не поименованы законодателем в качестве субъектов, имеющих право на подачу заявления о повороте исполнения судебных актов, что, действительно, создает правовую неопределенность в процессе судебного разбирательства. Поэтому вопрос о возможности подачи заявления о повороте исполнения мирового соглашения третьим лицом является достаточно актуальным.

Обозначенная правовая неопределенность усугубляется тем, что истец и ответчик могут быть не заинтересованы в повороте исполнения, так как, заключив мировое соглашение и исполнив его, они свой спор урегулировали и их может устраивать, например, переход к истцу права собственности на объект недвижимости в зачет ранее взысканной судом с ответчика суммы долга. То есть в данном случае может отсутствовать «неосновательное обогащение» истца, подлежащее возврату ответчику.

Так, например, в одном из дел на этапе исполнения решения суда о взыскании убытков и штрафа новый застройщик, в которому перешли права на многоквартирный дом, передал в рамках заключенного и утвержденного судом мирового соглашения в собственность кредитору «задвоенные» квартиры¹, на которые претендуют другие кредиторы в деле о банкротстве первичного застройщика. В соответствии с условиями мирового соглашения решение суда о взыскании убытков по иску кредитора, а также дополнительное решение о взыскании штрафа с ответчика (нового застройщика) не подлежат исполнению в случае регистрации перехода права собственности на квартиры за истцом.

Мировое соглашение было исполнено, между сторонами был подписан акт приема-передач квартир. В результате ответчик освобождался от обязанности оплачивать убытки и штраф по решению суда, а истец (кредитор) в качестве отступного получал квартиры, которые впоследствии

¹ Определение Центрального районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 4 апреля 2025 года по материалу № 13-669/2025 (УИД:42RS0019-01-2024-005129-49) // Центральный районный суд г. Новокузнецка Кемеровской области: [сайт] - URL: <https://centralniy--kmr.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.09.2025).

зарегистрировал за собой.

В свою очередь, в деле о банкротстве (№ А32-4100/2017) другие кредиторы (третьи лица) обратились в арбитражный суд с иском к новому застройщику о передаче им в собственность спорных «задвоенных» квартир, право собственности на которые зарегистрировано в ЕГРН за кредитором в рамках утвержденного мирового соглашения.

Также на основании кассационных жалоб этих кредиторов (третьих лиц) определение суда было отменено в кассационном порядке¹, дело передано на рассмотрение суда первой инстанции. В связи с этим возник практический вопрос о повороте исполнения мирового соглашения, в том числе по инициативе третьих лиц, и судьбе спорного имущества, получившего нового «титульного собственника».

Схожая ситуация сложилась и в деле, рассмотренном в 2025 году Верховным Судом РФ, в котором после отмены вышестоящим судом мирового соглашения, заключенного между физическим лицом и хозяйственным обществом, данное общество было исключено из ЕГРЮЛ, в связи с чем суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления о повороте исполнения решения суда.

Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что, прекращая производство по делу, «судебные инстанции не учли, что в результате отмены определения об утверждении мирового соглашения как гражданско-правового основания для возникновения права у Б.Ю.К. и последующее прекращение производства по делу в связи с ликвидацией общества привело к правовой неопределённости в отношениях сторон и в статусе спорного имущества. В результате отмены судебного акта об утверждении мирового соглашения, прекращении производства по делу и отказе в повороте исполнения это привело к правовой ситуации, когда спорное имущество осталось в фактическом владении Б.Ю.К. при отсутствии для этого правовых оснований»².

Формулировка ст. 443 ГПК РФ, предусматривающая возврат всего, что было взыскано с ответчика в пользу истца, предполагает материальное исполнение обязательства, выражающееся в денежной форме или передаче определенного имущества. Однако, что предполагается делать в случае если с ответчика ничего не взыскивалось, поскольку ответчик передал истцу имущество в зачет долга или имели место нематериальные требования? На данный вопрос процессуальный закон ответа не дает.

По мнению Д.Е. Зайкова (применительно к арбитражному процессу),

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2025 года по делу № 88-10601/2025 (УИД:42RS0019-01-2024-005129-49) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.09.2025).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2025 года № 5-КГ24-123-К2 (УИД 77RS0029-01-2018-000534-14) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.09.2025).

буквальное толкование термина «взыскание» приводило к ситуации, при которой добровольное исполнение ответчиком в последующем отмененного судебного акта становилось основанием для отказа в удовлетворении заявления о повороте исполнения судебного акта, что, безусловно, противоречит как основополагающим правовым принципам, так и законодательству РФ [9; с. 123].

Полагаем, что такой подход применим и к гражданскому процессу, в рамках которого суд не должен заниматься буквоедством и ограничительным толкованием, не обеспечивающими цели рассматриваемого института, обозначенные выше. Как совершенно справедливо отмечают О.А. Колобов, А.Ю. Белоножкин, «нормы процессуального права должны применяться не формально, а с учетом их конституционно-правового смысла, целей и задач гражданского, арбитражного и административного судопроизводства» [10; с. 37].

В свою очередь, Верховный Суд РФ в 2019 году применительно к нематериальным требованиям сформулировал четкую позицию, согласно которой «вывод суда апелляционной инстанции о невозможности использования института поворота исполнения судебного акта по неимущественным требованиям в силу того, что поворот исполнения возможен только в отношении судебных актов имущественного характера, основан на ограничительном толковании положений ст. 443 ГПК РФ, по смыслу которой подлежат отмене принятые во исполнение ранее действовавшего судебного постановления акты несудебных органов»¹.

В деле 2025 года, о котором указано выше, Верховный Суд РФ указал на то, что «правовой режим имущества ликвидированного юридического лица подлежит регулированию в соответствии с п. 5.2 ст. 64 ГК РФ, согласно которому заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право»².

Позиция Верховного Суда РФ, с нашей точки зрения, не в полной мере учитывает то, что рассмотрение заявления о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества подсудно арбитражному суду, который назначает арбитражного управляющего, на которого, в свою очередь, возлагается обязанность распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, о чем указано в п. 5.2 ст. 64 ГК РФ.

По результату рассмотрения жалобы Верховный Суд РФ отменил определение кассационного суда, которым было отменено определение суда первой инстанции об утверждении мирового соглашения, а также

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 октября 2019 года № 19-КГ19-16, 2-2443/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2025 года № 5-КГ24-123-К2 (УИД 77RS0029-01-2018-000534-14) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.09.2025).

последующий судебный акт - определение о прекращении дела. При этом оставлено в силе определение об отказе в удовлетворении заявления о повороте исполнения решения суда.

При повторном рассмотрении кассационной жалобы по делу¹, определение суда первой инстанции об утверждении мирового соглашения оставлено без изменения. Следовательно, вопрос о распределении спорного имущества будет решаться в рамках отдельного производства в арбитражном суде, а не в рамках рассмотрения заявления о повороте исполнения, в удовлетворении которого было отказано.

Кроме того, без поворота исполнения мирового соглашения, применить институт распределения имущества ликвидированного юридического лица невозможно, поскольку данное имущество имеет другого титульного владельца.

Полагаем, что при рассмотрении заявлений о повороте исполнения мировых соглашений суды должны прежде всего отталкиваться от содержания мирового соглашения, фактически произведенных действий, связанных с его исполнением, а не буквального «узкого» прочтения положений ст. 443 ГПК РФ, что позволит надлежащим образом привести стороны в первоначальное положение, восстановить права и законные интересы лиц, участвующих в деле, обеспечить баланс интересов сторон, не допустив злоупотребления правом и обхода закона.

Важно помнить, что возможности применения института поворота исполнения по требованиям, не заключавшимся в передаче имущества, ограничены, если в результате поворота исполнения будут нарушены права третьих лиц или общественные интересы. Поворот исполнения решения не может быть произведен без учета правовых гарантий, установленных законодательством для добросовестных приобретателей имущества².

Также следует обратить внимание на то, что, по общему правилу, для поворота исполнения должно быть вынесено новое судебное решение об отказе в иске полностью или в части либо определение о прекращении производства по делу (оставлении заявления без рассмотрения)³, незавершенность же этого процесса свидетельствует об отсутствии установленных законом оснований для совершения данного

¹ Дело № 8Г-11128/2025 [88-11279/2025]) // Второй кассационный суд общей юрисдикции: [сайт] - URL: <https://2kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.09.2025).

² Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2025 года по делу № 88-12467/2025 (УИД 23RS0047-01-2020-007103-38); Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28 февраля 2025 года № 88-3337/2025 (УИД 42RS0010-01-2021-002758-25) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июля 2025 года № 88-18552/2025 (УИД 23RS0047-01-2020-010024-05); Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 5 февраля 2025 года № 88-2056/2025 (УИД 29RS0018-01-2022-001547-83) // СПС «КонсультантПлюс».

процессуального действия¹.

Вместе с тем не следует забывать, что мировое соглашение может быть заключено уже на стадии исполнения судебного акта, т.е. судебного акта, которым разрешен спор (ч. 1 ст. 153.8, ч. 1 ст. 153.10 ГПК РФ). Следовательно, в случае отмены определения об утверждении мирового соглашения и возвращения дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции по существу спор рассматриваться не будет, процессуальные решения, описанные в ст. 443 ГПК РФ, приниматься тоже не будут, поскольку спор был уже разрешен и решение вступило в законную силу.

В вышеуказанном деле между кредиторами и новым застройщиком сложилась именно такая ситуация, так как мировое соглашение между новым застройщиком и кредитором было заключено на этапе исполнения решения по исковому заявлению кредитора к новому застройщику о взыскании убытков и штрафа². И в данном деле ситуация усложняется тем, что в рамках мирового соглашения на истца также была возложена обязанность внести на счет нового застройщика (ответчика) денежный взнос в целях завершения строительства, подключения к инженерным сетям и ввода в эксплуатацию жилого дома, а также произвести иные доплаты в пользу ответчика. Эти обязательства истец исполнил.

Следовательно, ни истец, ни ответчик не заинтересованы в повороте исполнения мирового соглашения, и считают, что поворот исполнения мирового соглашения, исполненного сторонами, по инициативе третьих лиц в данной ситуации гражданским процессуальным законодательством не предусмотрен.

Однако следует учитывать, что суд обязан самостоятельно рассмотреть вопрос о повороте исполнения судебного решения в своем решении, которым оканчивает рассмотрение дела по существу, на что обращено внимание И.В. Левкиным и И.Л. Аламовым [11].

Применительно к рассматриваемому кейсу можно привести пример из судебной практики, где заявление о повороте исполнения решения суда

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 30 января 2020 года № 139-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попка Леонида Степановича на нарушение его конституционных прав статьей 443 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 апреля 2024 года № 88-9867/2024 (УИД 64RS0045-01-2022-006751-13); Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 марта 2023 года по делу № 88-6301/2023 (УИД 77RS0016-02-2022-021206-05); Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 25 марта 2024 года по делу № 88-3040/2024 (УИД 05MS0104-01-2020-000698-72); Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июня 2025 года по делу № 88-9398/2025 (УИД 63MS0097-01-2024-003205-72) и др. // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.09.2025).

² Решение Центрального районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области от 22.01.2025 по делу № 2-330/2025 (УИД: 42RS0019-01-2024-005129-49) // Центральный районный суд г. Новокузнецка Кемеровской области: [сайт] - URL: <https://centralny--kmr.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.09.2025).

было подано привлеченным к участию в деле в качестве третьего лица лицом, не заявляющим самостоятельных требований на предмет спора. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления, так как заявитель не являлся ответчиком по делу. Суд апелляционной инстанции отменил это определение и удовлетворил заявление о повороте исполнения определения суда. Суд кассационной инстанции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.¹

Таким образом, полагаем, что отсутствие в статьях 443 и 444 ГПК РФ указания на возможность подачи заявления о повороте исполнения судебного акта истцом или третьими лицами, не должно иметь ограничительного толкования и лишать указанных лиц права на подачу такого заявления с учетом обязанности суда рассмотреть вопрос о повороте исполнения соответствующего судебного акта.

По мнению В.О. Аболонина, для устранения таких ситуаций из практики судов общей юрисдикции необходимо разработать специальные нормы о повороте исполнения применительно к различным видам судебных актов и отдельно оговорить правила поворота исполнения определений об утверждении мировых соглашений ввиду их особой специфики и отсутствием судебной проверки содержания условий мировых сделок [12; с. 35].

Автор, в свою очередь, считает, что в целях формирования единого сбалансированного подхода к вопросу о повороте исполнения мирового соглашения, исключения нарушения прав участников гражданского процесса, в том числе в связи с действиями недобросовестных участников гражданского оборота, использующих институт мирового соглашения в схемах обхода закона, необходимо на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ дать соответствующие четкие разъяснения судам применительно к типовым ситуациям с учетом правовых позиций, сформулированных в науке процессуального права, сформированной судебной практики судов общей юрисдикции и официальных толкований Конституционного и Верховного судов о соблюдении общеправовых принципов справедливости и недопустимости злоупотребления правом.

Список источников:

1. Тамаровская (2022) - Тамаровская Г.В. Поворот исполнения решения суда: понятие и актуальная проблематика // Вопросы устойчивого развития общества. - 2022. - № 4. - С. 721-725.
2. Аболонин (2010) - Аболонин В.О. Проблема поворота исполнения некоторых судебных актов в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. - 2010. - № 12. - С. 33 - 36.
3. Сабирова (2022) - Сабирова Р.Р. Процессуальные особенности

¹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 августа 2023 года по делу № 88-26030/2023 (УИД 23RS0035-01-2019-001487-46) // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 01.09.2025).

рассмотрения дел, связанных с поворотом исполнения решения суда // Синергия Наук. - 2022. - № 68. - С. 209-230;

4. Кулик (2020) - Кулик Т.Ю. Некоторые вопросы поворота исполнения судебных актов арбитражных судов // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. - 2020. - № 4(119). - С. 104-106.

5. Рехтина (2009) - Рехтина И.В. Аналогия в гражданском и арбитражном процессе: проблемы теории и практики применения // Современное право. - 2009. - № 11. - С. 102 - 106.

6. Кляус (2023) - Кляус Н.В. Поворот исполнения решения суда по гражданскому делу // Омские научные чтения - 2022: юридические науки: Материалы V Всероссийской научной конференции. В 5-ти частях, Омск, 07 ноября 2022 года. Том Часть 5. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. - 2023. - С. 19-23.

7. Муранов (2006) - Муранов А.И. Поворот исполнения судебных актов: некоторые вопросы толкования и применения // Актуальные проблемы международного частного и гражданского права. К 80-летию В.А. Кабатова: Сборник статей / под ред. С.Н. Лебедева. - М.: Статут. - 2006. - С. 182-201.

8. Кутюхина (2020) - Кутюхина И.И. К вопросу о повороте исполнения решения суда // Теология. Философия. Право. - 2020. - № 2(14). - С. 32-40.

9. Зайков (2017) - Зайков Д. Е. Поворот исполнения судебного акта в арбитражном процессе: проблемы правоприменительной практики // Российский юридический журнал. - 2017. - № 3(114). - С. 118-128.

10. Коробов, Белоножкин (2018) - Коробов О.А., Белоножкин А.Ю. Некоторые вопросы, возникающие при повороте исполнения судебного акта // Российский судья. - 2018. - № 12. - С. 34 - 38.

11. Левкин, Аламов (2021) - Левкин И.В., Аламов И.Л. Проблемы поворота исполнения решения суда в гражданском процессе // Общество, государство, личность: молодежное предпринимательство в поведенческой экономике в условиях цифровизации: Материалы XXI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Казань, 29 апреля 2021 года. Том Часть 1. - Казань: Университет управления «ТИСБИ». - 2021. - С. 294-297.

12. Аболонин (2010) - Аболонин В.О. Проблема поворота исполнения некоторых судебных актов в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. - 2010. - № 12. - С. 33 - 36.

References:

Tamarskaya (2022) - Tamarskaya G.V. Reversal of the execution of a court decision: the concept and current issues [Povorot ispolneniya resheniya suda: ponyatie i aktual'naya problematika] // Issues of sustainable development of society [Voprosy ustoichivogo razvitiya obshchestva]. - 2022. - № 4. - 721-725 pp.

Abolonin (2010) - Abolonin V.O. The problem of turning the execution of certain judicial acts in civil proceedings [Problema povorota ispolneniya nekotorykh sudebnykh aktov v grazhdanskom protsesse] // Arbitration and civil procedure [Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess]. - 2010. - № 12. - pp. 33 - 36.

Sabirova (2022) - Sabirova R.R. Procedural features of the consideration of causes related to the reversal of the execution of a court decision [Protsessual'nye osobennosti rassmotreniya del, svyazannykh s povorotom ispolneniya resheniya

suda] // Synergy of Sciences [Sinergiya Nauk]. - 2022. - № 68. - pp. 209-230;

Kulik (2020) - Kulik T.YU. Some issues of turning the execution of judicial acts of arbitration courts [Nekotorye voprosy povorota ispolneniya sudebnykh aktov arbitrazhnykh sudov] // Science and education: economy and economics, entrepreneurship, law and management [Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ehkonomika, predprinimatel'stvo, pravo i upravlenie]. - 2020. - № 4(119). - pp. 104-106.

Rekhtina (2009) - Rekhtina I.V. Analogy in civil and arbitration proceedings: problems of theory and practice of application [Analogiya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: problemy teorii i praktiki primeneniya] // Modern law [Sovremennoe parvo]. - 2009. - № 11. - pp. 102 - 106.

Klyaus (2023) - Klyaus N.V. The reversal of the execution of a court decision in a civil case [Povorot ispolneniya resheniya suda po grazhdanskomu delu] // Omsk Scientific Readings - 2022: legal sciences: Proceedings of the V All-Russian Scientific Conference. In 5 parts, Omsk, November 07, 2022. Volume Part 5. Omsk: Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. [Omskie nauchnye chteniya - 2022: yuridicheskie nauki: Materialy V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. V 5-ti chastyakh, Omsk, 07 noyabrya 2022 goda. Tom Chast' 5. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet im. F.M. Dostoevskogo]. - 2023. - pp. 19-23.

Muranov (2006) - Muranov A.I. Turning the execution of judicial acts: some issues of interpretation and application [Povorot ispolneniya sudebnykh aktov: nekotorye voprosy tolkovaniya i primeneniya] // Actual problems of international private and civil law. On the 80th anniversary of V.A. Kabatov: A collection of articles / edited by S.N. Lebedev [Aktual'nye problemy mezhdunarodnogo chastnogo i grazhdanskogo prava. K 80-letiyu V.A. Kabatova: Sbornik statei / pod red. S.N. Lebedeva]. - M.: Statut. - 2006. - pp. 182-201.

Kutyukhina (2020) - Kutyukhina I.I. On the issue of the reversal of the execution of the court decision [K voprosu o povorote ispolneniya resheniya suda] // Theology. Philosophy. Right. [Teologiya. Filosofiya. Pravo]. - 2020. - № 2(14). - pp. 32-40.

Zaikov (2017) - Zaikov D. E. The reversal of the execution of a judicial act in the arbitration process: problems of law enforcement practice [Povorot ispolneniya sudebnogo akta v arbitrazhnom protsesse: problemy pravoprimenitel'noi praktiki] // Russian Law Journal [Rossiiskii yuridicheskii zhurnal]. - 2017. - № 3(114). - pp. 118-128.

Korobov, Belonozhkin (2018) - Korobov O.A., Belonozhkin A.YU. Some issues that arise when the execution of a judicial act is reversed [Nekotorye voprosy, vznikayushchie pri povorote ispolneniya sudebnogo akta] // The Russian judge [Rossiiskii sud'ya]. - 2018. - № 12. - pp. 34 - 38.

Levkin, Alamov (2021) - Levkin I.V., Alamov I.L. Problems of turning the execution of court decisions in civil proceedings [Problemy povorota ispolneniya resheniya suda v grazhdanskom protsesse] // Society, state, personality: youth entrepreneurship in behavioral economics in the context of digitalization: Proceedings of the XXI International Scientific and Practical Conference of Students, undergraduates, postgraduates and Young Scientists, Kazan, 29 April 2021. Volume Part 1 [Obshchestvo, gosudarstvo, lichnost': molodezhnoe predprinimatel'stvo v povedencheskoi ehkonomike v usloviyakh tsifrovizatsii: Materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov,

magistrantov, aspirantov i molodykh uchenykh, Kazan', 29 aprelya 2021 goda. Tom Chast' 1]. - Kazan': Universitet upravleniya «TISBI». - 2021. - pp. 294-297.

Abolonin (2010) - Abolonin V.O. The problem of turning the execution of certain judicial acts in civil proceedings [Problema povorota ispolneniya nekotorykh sudebnykh aktov v grazhdanskom protsesse] // Arbitration and civil proceedings [Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess]. - 2010. - № 12. - pp. 33 - 36.

Административное право

УДК 342

JEL: K 39

СТЕПАНЕНКО Юрий Викторович¹

¹ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Россия.

¹ ВНИИ МВД России, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, Москва, 1121069, Россия.
<https://orcid.org/0000-0003-3818-3087>

¹ Степаненко Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); главный научный сотрудник 1 отдела НИЦ № 4 ВНИИ МВД России; заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, г. Москва.

E-mail: stepanenko.50@mail.ru

ЖУРАВЛЕВ Владимир Вячеславович²

² Рязанский филиал федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», 1-ая Красная ул., д. 18, Рязань, 390043, Россия.

<https://orcid.org/0009-0008-2470-3866>

² Журавлев Владимир Вячеславович, кандидат юридических наук, начальник кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. E-mail: vz15111982@gmail.com

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация

Предмет/тема. Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию сущности феноменов правовой неопределенности и неопределенности права, соотношения их общих черт и отличий.

Цели/задачи. Авторами констатируется, что правовую неопределенность необходимо рассматривать в качестве бинарной модели, позитивные или негативные свойства которой проявляются в зависимости от сферы регулирования и юридических фактов, предшествующих ее возникновению. Правовая неопределенность выступает естественным атрибутом права, который находит свое выражение в неконкретности формы и содержания правовых предписаний. В свою очередь,

неопределенность права представляет негативное системное правовое явление, проецирующее накопившиеся противоречия как внутри одной отрасли права, так и межотраслевую дезорганизацию нормативных предписаний.

Методология. При подготовке статьи авторами была использована совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Диалектический метод позволил исследовать систему взаимосвязанных общеправовых требований и правил, призванных выявить существующие пробелы и противоречия; сравнительно-правовой метод позволил путем сопоставления различных правовых источников выявить и обосновать существующие между ними сходства и различия; формально-юридический метод применялся при анализе законодательных норм.

Результаты/выводы. Элементом научной новизны проведенного авторами исследования выступает предложенная дефиниция «неопределенность права», дополняющая правовую доктрину, под которой следует понимать нестабильное и противоречивое состояние правовой системы на уровне ее отраслей (подотраслей).

Ключевые слова: *правовая определенность, правовая неопределенность, правовые коллизии, юридическая ответственность, неопределенность права.*

Administrative law

¹ **Yuri V. Stepanenko**

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the O.E. Kutafin University (MGUA);

¹ Chief Researcher at the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

¹ Honored Lawyer of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

² **Vladimir V. Zhuravlev**

PhD in Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

LEGAL UNCERTAINTY AND UNCERTAINTY OF LAW: COMPARATIVE ANALYSIS

Annotation

Subject/topic The article is devoted to a comparative legal study of the essence of the phenomena of legal uncertainty and uncertainty of law, the ratio of their common features and differences.

Goals/objectives The authors state that legal uncertainty should be considered as a binary model, the positive or negative properties of which are manifested depending on the scope of regulation and the legal facts preceding its occurrence. Legal uncertainty is a natural attribute of law, which finds its expression in the lack of specificity in the form and content of legal regulations. In turn, legal uncertainty is a negative systemic legal phenomenon that projects accumulated contradictions both within one branch of law and the intersectoral disorganization of regulatory prescriptions.

Methodology When preparing the article, the authors used a combination of general scientific and private scientific methods. The dialectical method made it

possible to explore a system of interrelated general legal requirements and rules designed to identify existing gaps and contradictions; the comparative legal method made it possible to identify and substantiate existing similarities and differences between them by comparing various legal sources; the formal legal method was used in the analysis of legislative norms.

Results/conclusions An element of the scientific novelty of the research conducted by the authors is the proposed definition of "legal uncertainty", which complements the legal doctrine, which should be understood as the unstable and contradictory state of the legal system at the level of its branches (sub-sectors).

Key words: *legal certainty, legal uncertainty, legal conflicts, legal liability, legal uncertainty.*

Развитие общественных отношений зачастую происходит нелинейно, что в определенной степени затрудняет процесс прогнозирования, своевременной разработки и принятия правовых предписаний, необходимых для их регулирования. Кинетика общественных отношений оказывает непосредственное влияние на динамику развития права, которое постоянно прирастает новыми материальными и процессуальными нормами, постепенно формирующими самостоятельные отрасли (подотрасли) правовой системы. Процесс ее расширения, вероятно, необратим и бесконечен, что влечет проблемы будущей взаимосвязи правовых норм и институтов. Поэтому весьма актуальным представляется вопрос соотношения правовой определенности как одного из принципов построения системы права и правовой неопределенности, которая выступает частным случаем правотворчества.

Большинство исследователей проблематики данных категорий, что вполне логично, сходятся во мнении о том, что определенность выступает основополагающей правовой идеей, в основе которой лежит ясность и непротиворечивость, отсутствие двусмысленности предписаний и порядка их исполнения [1, с.10]; точное, полное и последовательное закрепление и реализация нормативно-правовой воли [2, с.7]; доступность правовых норм, их логическая и системная согласованность [3, с.10]. Таким образом, наиболее часто определенность рассматривается как синоним правового порядка и стабильности. В свою очередь неопределенность последовательно ассоциируется с пробелами и дефектами, олицетворяет правовой хаос и дезорганизацию системы нормативных предписаний, которые неизбежно ведут к возникновению пробелов и неурегулированностей, коллизий и несогласованностей, порождающих необходимость чрезмерного использования усмотрения и применения казуального толкования.

Представляется, что сущность этих правовых явлений более сложна и не так очевидна, как может показаться на первый взгляд. Правовая определенность, как отмечает С.С. Котоманова, не является безусловно достижимой целью, что предполагает нахождение правового баланса между определенностью и неопределенностью [4, с.4]. Достаточно точно и

содержательно природу этих явлений раскрывает В.М. Баранов, который указывает: «Неопределенность права – не антипод его определенности, не парная категория и не его полярное понятие. Определенность права и его неопределенность – два разновеликих потока, которые «текут» параллельно, порой пересекаясь друг с другом, «вливаясь» друг в друга. Разновеликих потому, что поток правовой неопределенности гораздо уже и скорость его движения значительно меньше» [5, с.17]. Дополняя высказанные мнения, отметим, что определенность и неопределенность выступают естественными и неотъемлемыми частями правовой системы, без которых ее существование невозможно. Не вызывает сомнения, что любой процесс – уголовный, административный, дисциплинарный – требует должной регламентации, максимально охватывающей все его процедуры. Одновременно с этим, например, рассмотрение любого дела основывается на субъективном исследовании доказательств, что в совокупности с принципом состязательности сторон само по себе обуславливает неопределенность будущего решения о виновности или невиновности лица, привлекаемого к ответственности. Более того, санкции большинства административных правонарушений и преступлений предусматривают для правоприменителя возможность альтернативного выбора вида наказания, что лишь подтверждает важное место, отводимое правовой неопределенности.

Таким образом, отмеченное позволяет утверждать, что неопределенность выступает своего рода неизменным атрибутом права, одновременно как стимулирующим его эволюцию, так и сдерживающим поступательное развитие. В связи с этим возникает закономерный вопрос о сущности этого феномена как философско-правовой категории.

Представляется, что правовую неопределенность необходимо рассматривать в качестве бинарной модели, позитивные или негативные свойства которой проявляются в зависимости от сферы регулирования и юридических фактов, предшествующих ее возникновению.

Очевидно, что правовые предписания не способны досконально охватить все виды общественных отношений и связанные с ними процессы, что обуславливает объективную потребность в некотором расширении значения правовой воли участников тех или иных общественных отношений. По нашему мнению, положительная сторона правовых неопределенностей выражается в возможности более широкого использования свободы воли, что существенно расширяет возможности частных отраслей права. Так, свобода заключения договора (статья 421 Гражданского кодекса РФ) предполагает, что стороны самостоятельно решают – заключать договор или нет, а также выбирают любой из его видов, предусмотренных законом; сами определяют содержание договора, за исключением случаев, когда закон устанавливает для этого обязательные условия; определяют условия изменения или расторжения договора. В этой

связи представляется логичным вывод о том, что позитивная правовая неопределенность более характерна для диспозитивной модели регулирования общественных отношений, в основу которой может быть положен принцип «определенность общего – неопределенность частного». Таким образом, в рассматриваемом контексте правовая неопределенность представляется синонимом правовой гибкости, которая позволяет выбрать оптимальные средства регулирования общественных отношений.

Другим примером позитивной стороны правовой неопределенности является правовое усмотрение. Оно выступает качественным критерием, характеризующим степень свободы выбора средств управления, которые, по справедливому мнению, Т.Г. Слюсаревой, имеют «очень тонкую грань с произволом» [6, с.8].

Практическая необходимость и состоятельность феномена правового усмотрения обосновываются и в трудах Ю.П. Соловья [7,8,9], которым выделяются объективная и субъективная причины, обуславливающие его существование и развитие. В более ранней работе нами отмечалось, что в качестве объективного фактора усмотрения выступает фактическая невозможность полной правовой регламентации каждого управленческого действия или решения, что предопределяет необходимость предоставления правоприменителю некоторой свободы в процессе реализации публичных функций. В свою очередь субъективные факторы характеризуются пробелами в юридической технике при формулировании правовых норм, недостаточной оперативностью их принятия и т.д. [10].

Негативные свойства правовой неопределенности наиболее часто связывают с технико-юридическими ошибками, допускаемыми на правоустановительном уровне при конструировании нормативного предписания. Их наличие может наделять норму признаками излишней абстрактности, дефектности или пробельности, то есть представлять один из вариантов недостаточной полноты юридической регламентации. Правовая неопределенность в таком понимании затрудняет правоприменение, поскольку предполагает использование не одного из доступных, возможных вариантов, а требует самостоятельного определения границ действия правового предписания, пределов допустимого и недопустимого поведения.

Негативная правовая неопределенность может приобретать следующие формы.

1. *Пробельность* – выступает частным случаем дефектности правового предписания, которая выражается в отсутствии регламентации действий правоприменителя в случае возникновения конкретного юридического факта. Например, пункт 2.7 Правил дорожного движения РФ содержит прямой запрет на управление транспортными средствами водителями, находящимися в болезненном или утомленном состоянии, как фактор риска, оказывающий непосредственное влияние на безопасность

дорожного движения. Вместе с тем юридическая ответственность за совершение таких деяний отсутствует, что закономерно порождает правовую неопределенность действий сотрудников полиции, выявивших такие состояния, и применение мер государственного принуждения [11].

2. *Коллизия* – характеризуется тем, что «две или более правовые нормы регулируют одно или несколько смежных (родственных) общественных отношений. При этом для коллизии характерно противоречие норм» [12, с.79-88]. Например, статья 2.5 КоАП РФ закрепляет, что за совершение административных правонарушений, за исключением предусмотренных частью 2 указанной статьи, сотрудники органов внутренних дел несут дисциплинарную ответственность. В то же время законы субъектов РФ об административных правонарушениях не содержат каких-либо исключений для субъектов, обладающих специальным административно-правовым статусом. Это порождает правовую коллизию, которая выражается в применении различных видов юридической ответственности к государственным служащим, совершившим однородные административные правонарушения. Так, за совершение правонарушения, предусмотренного статьей 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство), сотрудник органов внутренних дел будет нести дисциплинарную ответственность, а, например, за совершение правонарушения, предусмотренного статьей 1.1 Закона Красноярского края от 02.10.2008 № 7-2161 «Об административных правонарушениях»¹ (нарушение тишины и спокойствия граждан) – административную, на общих основаниях.

3. *Конкуренция* правовых норм – представляет собой частный случай коллизии общих и специальных норм, формулирующих составы административных правонарушений. Например, статья 7.17 КоАП РФ предусматривает ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества, а статья 13.24 КоАП РФ – за повреждение телефонов-автоматов. Последняя, являясь специальной нормой по отношению к статье 7.17 КоАП РФ, устанавливает более строгое административное наказание за уничтожение или повреждение указанного в них чужого имущества.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что правовая неопределенность – это ситуация, при которой нормы недостаточно ясны, противоречивы или допускают множественное толкование, что затрудняет их применение на практике. В свою очередь причинами возникновения такой ситуации выступают:

- недостаточно четкие формулировки, содержащиеся в нормативных правовых актах;
- противоречия между правовыми предписаниями, имеющиеся в нормативных правовых актах;

¹ Закон Красноярского края от 02.10.2008 № 7-2161 «Об административных правонарушениях» URL: <http://zakon.krskstate.ru/doc/1877> (дата обращения: 10.08.2025).

– отсутствие единообразной судебной практики.

Выразим мнение, что приведенные примеры выступают частными, единичными случаями правовой неопределенности. Вместе с тем современное российское законодательство содержит системные примеры рассматриваемых правоустановительных ошибок (неточностей, неурегулированностей), что, по нашему мнению, позволяет говорить о целесообразности введения в терминологический оборот дефиниции *«неопределенность права», под которой следует понимать нестабильное и противоречивое состояние правовой системы на уровне ее отраслей (подотраслей)*.

Во-первых, примером неопределенности права выступает не всегда удачный симбиоз административно-деликтного и уголовного права. В условиях усиления роли административной преюдиции все более отчетливой представляется проблема дисгармонии, существующая в указанных отраслях. Например, это находит свое выражение в законодательном отсутствии института покушения на совершение административного правонарушения, что порождает теоретико-прикладные проблемы квалификации отдельных противоправных действий. Так, если лицо, подвергнутое наказанию в виде лишения специального права, находясь в состоянии опьянения, повторно совершает действия, направленные на управление транспортным средством, которое не может начать движение в силу погодных или дорожных условий, то с позиции КоАП РФ в его деяниях не усматриваются признаки правонарушения, предусмотренного статьей 12.8, ввиду отсутствия факта перемещения автомобиля в пространстве. Однако с позиции УК РФ такие действия подлежат квалификации как покушение на совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 264.1.

Во-вторых, о неопределенности права свидетельствует и текущая ситуация в вопросе юридической квалификации действий лиц, временно находящихся в специальных учреждениях органов внутренних дел, и совершивших деяния, которые нарушают правила внутреннего распорядка, то есть дисциплину. Действующие нормативные правовые акты предусматривают, что в отношении иностранных граждан, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, применяется специальная норма, предусматривающая административную ответственность (часть 3 статьи 18.18 КоАП РФ). За совершение аналогичных деяний лицами, отбывающими административный арест, юридическая ответственность не предусматривается вовсе¹. Наконец, в отношении подозреваемых (обвиняемых), находящихся в изоляторах временного содержания,

¹ Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» // Собрание законодательства РФ. – 29.04.2013. – № 17. – ст. 2034. (дата обращения: 10.08.2025).

совершивших дисциплинарные проступки, применяются меры дисциплинарной ответственности¹.

Третьим примером, который свидетельствует о наличии признаков неопределенности права выступает законодательство, регламентирующее прохождение отдельных видов государственной службы. Существенные различия в модели построения служебной (трудовой) дисциплины, сущности дисциплинарного проступка, процессуальных особенностях проведения служебной проверки, видов дисциплинарных взысканий и порядка их наложения наглядно доказывают отсутствие единого вектора в вопросах регулирования данной группы общественных отношений².

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что правовая неопределенность выступает естественным атрибутом права, который находит свое выражение в неконкретности формы и содержания правовых предписаний. Правовая неопределенность представляет собой достаточно сложный правовой феномен, требующий баланса сопутствующих ему позитивных и негативных черт, что, по справедливому суждению Н.А. Власенко, позволит подготовить закономерный переход от качества неопределенности к качеству определенности [13, с.43]. В свою очередь неопределенность права представляет из-себя негативное системное правовое явление, проецирующее накопившиеся противоречия как внутри одной отрасли права, так и межотраслевую дезорганизацию нормативных предписаний. Наличие признаков, указывающих на возникновение и развитие неопределенности права, свидетельствует о наличии достаточно глубоких проблем, кризисе правовой системы и указывает на необходимость проведения глубокой нормотворческой работы.

Список источников:

1. Дербышева (2021) – Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2021. – 238 с.
2. Назаренко (2014) – Назаренко, Т. Н. Неопределенность в российском

¹ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства РФ. – 17.07.1995. – № 29. – ст. 2759. (дата обращения: 10.08.2025).

² Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 20.11.1995. – № 47. – ст. 4472.

Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 05.12.2011. – № 49 (ч. 1). – ст. 7020. Приказ Генпрокуратуры России от 28.04.2016 № 255 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения служебных проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» // Законность. – № 7. – 2016. Приказ МВД России от 26.03.2013 № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. – № 127. – 14.06.2013. (дата обращения: 10.08.2025).

праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2006. – 23 с.

3. Демин (2014) – Демин, А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2014. – 48 с.

4. Котоманова (2025) – Котоманова, С. С. Правовая определенность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. – Омск, 2025. – 253 с.

5. Баранов (2021) – Баранов В.М. Техничко-юридическая форма правовой неопределенности: сущность, основные виды, ценность функционирования // Государственно-правовые исследования. Москва: 2021. – № 4. – С. 15-41.

6. Слюсарева (2013) – Слюсарева Т.Г. Административное усмотрение в деятельности государственных служащих: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013. – 26 с.

7. Соловей (1982) – Соловей Ю.П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1982. – 229 с.

8. Соловей (2018) – Соловей Ю.П. Принципы административных процедур как правовые средства «связывания» административного усмотрения // Ежегодник публичного права – 2018: Принципы административных процедур и административного судопроизводства. – Москва: Инфотропик Медиа, 2018. – С. 141-161.

9. Соловей (2025) – Соловей Ю. П. О достоверности и новизне некоторых результатов современных исследований развития научных представлений об административном усмотрении и полицейском праве // Сибирское юридическое обозрение. – 2025. – Т. 22, № 1. – С. 87-111.

10. Степаненко (2023) – Степаненко, Ю. В. Административное усмотрение в реализации отдельных мер государственного принуждения: проблемы теории и практики / Ю.В. Степаненко В.В. Журавлев // Государственное управление в правоохранительной сфере: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 09 ноября 2023 года. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – С. 196-203.

11. Журавлев (2021) – Журавлев, В. В. Административно-правовые меры противодействия управлению транспортным средством водителем в состоянии, создающем угрозу безопасности дорожного движения: дисс. ... канд. юрид. наук. – М. – 2021. – 222 с.

12. Кисин (2013) – Кисин В.Р., Попугаев Ю.И. О коллизии (конкуренции) норм, предусматривающих административную и уголовную ответственность, и способы ее разрешения // Научный портал МВД России. – 2013. – № 2(22). – С. 79-88.

13. Власенко (2013) – Власенко, Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Н. А. Власенко // Журнал российского права. – 2013. – № 2(194). – С. 32-44.

References:

Derbysheva (2021) – Derbysheva E.A. The principle of legal certainty: concept, aspects, place in the system of principles of law: dissertation of the cand. jurid. sciences'. – Yekaterinburg [Printsip pravovoy opredelennosti: ponyatiye, aspekty, mesto v sisteme printsipov prava: diss. ... kand. yurid. nauk. – Yekaterinburg], 2021. – 238 p.

Nazarenko (2014) – Nazarenko, T.N. Uncertainty in Russian law: abstract of

the dissertation of the cand. jurid. sciences'. – Moscow [Neopredelennost' v rossiyskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva], 2006. – 23 p.

Demin (2014) – Demin, A.V. Uncertainty in tax law and legal means of overcoming it: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. sciences'. – Moscow [Neopredelennost' v nalogovom prave i pravovyye sredstva yeye preodoleniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva], 2014. – 48 p.

Kotomanova (2025) – Kotomanova S.S. Legal certainty in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: dissertation of the cand. jurid. Omsk [Pravovaya opredelennost' v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. – Omsk], 2025. 253 p.

Baranov (2021) – Baranov V.M. Technical and legal form of legal uncertainty: essence, main types, value of functioning // State-legal research [Tekhniko-yuridicheskaya forma pravovoy neopredelennosti: sushchnost', osnovnyye vidy, tsennost' funktsionirovaniya // Gosudarstvenno-pravovyye issledovaniya.] 2021. – No. 4. – pp. 15-41.

Slyusareva (2013) – Slyusareva T.G. Administrative discretion in the activities of civil servants: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. – Moscow [Administrativnoye usmotreniye v deyatel'nosti gosudarstvennykh sluzhashchikh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva], 2013. – 26 p.

Solovey (1982) – Solovey, Yu. P. Discretion in the administrative activities of the Soviet militia: dissertation of the cand. jurid. sciences'. – Moscow [Usmotreniye v administrativnoy deyatel'nosti sovetskoy militsii: diss. ... kand. yurid. nauk. – Moskva], 1982. – 229 p.

Solovey (2018) – Solovey, Yu. P. Principles of administrative procedures as legal means of "binding" administrative discretion // Yearbook of Public Law – 2018: Principles of administrative procedures and administrative court proceedings. Moscow: Infotropik Media [Printsipy administrativnykh protsedur kak pravovyye sredstva «svyazyvaniya» administrativnogo usmotreniya // Yezhegodnik publichnogo prava – 2018: Printsipy administrativnykh protsedur i administrativnogo sudoproizvodstva. – Moskva: Infotropik Media], 2018, pp. 141-161.

Solovey (2025) – Solovey Yu.P. On the reliability and novelty of some results of modern research on the development of scientific ideas about administrative discretion and police law // Siberian Legal Review [O dostovernosti i novizne nekotorykh rezul'tatov sovremennykh issledovaniy razvitiya nauchnykh predstavleniy ob administrativnom usmotrenii i politseyskom prave // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye]. – 2025. – Vol. 22, No. 1. – pp. 87-111.

Stepanenko (2023) – Stepanenko Yu.V., Zhuravlev V.V. Administrative discretion in the implementation of certain measures of state coercion: problems of theory and practice // Public administration in the law enforcement sphere : Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 09, 2023. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Administrativnoye usmotreniye v realizatsii otchel'nykh mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya: problemy teorii i praktiki // Gosudarstvennoye upravleniye v pravookhranitel'noy sfere: Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 09 noyabrya 2023. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii], 2023, pp. 196-203.

Zhuravlev (2021) – Zhuravlev V.V. Administrative and legal measures to counteract the driving of a vehicle by a driver in a condition that poses a threat to road safety: dissertation ... cand. jurid. Sciences [Administrativno-pravovyye меры protivodeystviya upravleniyu transportnym sredstvom voditelem v sostoyanii, sozdayushchem ugrozu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: diss. ... kand. yurid. nauk. – M.]. – M. – 2021. – 222 p.

Kisin (2013) – Kisin V.R., Parugaev Yu.I. On the conflict (competition) of norms providing for administrative and criminal liability and ways to resolve it // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia [O kollizii (konkurentsii) norm, predusmatrivayushchikh administrativnuyu i ugovolnuyu otvetstvennost', i sposoby yeye razresheniya / V. R. Kisin, YU.I. Popugayev // Nauchnyy portal MVD Rossii.]. – 2013. – № 2(22). – Pp. 79-88.

Vlasenko (2013) – Vlasenko N.A. Uncertainty in law: the nature and forms of expression // Journal of Russian Law. [Neopredelennost' v prave: priroda i formy vyrazheniya / N.A. Vlasenko // Zhurnal rossiyskogo prava] – 2013. – № 2(194). – Pp. 32– 44.

Административное право

УДК 342.9

JEL: K23

ЭПОЕВ Юрий Анатольевич¹

¹ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1, Москва, 123242, Россия.

<https://orcid.org/0009-0003-4271-8344>

¹ Эпоев Юрий Анатольевич, аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва.
E-mail: yuaepoev@msal.ru

Научный руководитель: Степаненко Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) E-mail: stepanenko.50@mail.ru

ПРИНЦИП САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ФАКТОР СЛОЖИВШЕЙСЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Аннотация

Предмет/тема. Статья посвящена исследованию реализации принципа саморегулирования в области физической культуры и спорта в сочетании с государственным регулированием, влияние имплементации данного принципа на сложившуюся децентрализацию в регулировании рассматриваемых общественных отношений.

Автор проводит анализ действующего законодательства, в рамках которого отражается сложившаяся децентрализация, основанная на саморегулировании в области спорта.

Цель/задачи. Целью исследования является анализ ключевых проблем, вызванных чрезмерной децентрализацией отношений в области

физической культуры и спорта, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства в целях эффективной работы централизованной модели управления спортом.

Методология. При подготовке статьи использовались следующие методы: наблюдение, сравнение, описание, анализ, синтез (общенаучные методы); формально-юридический, историко-правовой, компаративный (частнонаучные методы).

Результаты/выводы. Анализ законодательства и сложившейся в иностранных государствах практики свидетельствует, что на сегодняшний день идея централизации управления спортом является оправданной. При этом, представляется, что спорт на сегодняшний день является не только одним из приоритетов государственной политики, но и большой индустрией, что предполагает наличие определенного уровня саморегулирования в ряде частей спорта, в частности, профессиональном спорте.

Ключевые Слова: *принцип саморегулирования, государственное регулирование, централизация, децентрализация, физическая культура и спорт, автономия спорта.*

Administrative law

¹ Yuri A. Epoev

Post-graduate student, Kutafin Moscow State Law University Кутафина (MSAL), Moscow.

Scientific supervisor: Yuri Viktorovich Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the L.L. Popov Department of Administrative Law and Procedure at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

THE PRINCIPLE OF SELF-REGULATION AS A FACTOR OF THE CURRENT DECENTRALIZATION IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Annotation

Subject/topic The article is devoted to the study of the implementation of the principle of self-regulation in the field of physical culture and sports in combination with state regulation, the impact of the implementation of this principle on the existing decentralization in the regulation of the considered public relations.

The author analyzes the current legislation, which reflects the current decentralization based on self-regulation in the field of sports.

Goal/objectives The aim of the study is to analyze the key problems caused by excessive decentralization of relations in the field of physical culture and sports, as well as to develop proposals for improving legislation in order to effectively operate a centralized model of sports management.

Methodology The following methods were used to prepare the article: observation, comparison, description, analysis, synthesis (general scientific methods); formal-legal, historical-legal, comparative (private scientific methods).

Results/conclusions An analysis of the legislation and current practice in foreign countries shows that today the idea of centralizing sports management is justified. At the same time, it seems that sport today is not only one of the

priorities of state policy, but also a large industry, which implies the presence of a certain level of self-regulation in a number of sports, in particular, professional sports.

Keywords: *principle of self-regulation, state regulation, centralization, decentralization, physical culture and sport, sport autonomy.*

В современном мире спорт является неотъемлемой частью жизни каждого человека на нашей планете. Во всем мире действуют миллионы спортивных организаций, объектов, команд, профессиональных и любительских лиг. Безусловно, наличие всего вышеперечисленного требует определенного регулирования и участия со стороны государства.

Так, С.В. Алтухов отмечает, что ни одно крупное спортивное мероприятие не обходится без участия государственных институтов в организации и проведении подобных событий [1]. Отечественным примером необходимости эффективного государственного управления в области физической культуры и спорта стали следующие спортивные события: XXII зимние Олимпийские игры и XI зимние Паралимпийские игры 2014 года в Сочи, а также Чемпионат мира по футболу 2018 года в России. Эти мероприятия требовали незамедлительных действий со стороны государства, а именно: четкой организации, быстрого строительства спортивных объектов и обеспечения всех необходимых условий для проведения международных соревнований.

Международный опыт показывает, что спорт, то есть государственная политика в области спорта, может являться основой развития государства в целом. Ярким примером служит Исландия. В 1990-х страна переживала острый социальный кризис, который заключался в том, что в стране росла смертность и падала рождаемость, молодежь злоупотребляла алкоголем и наркотическими средствами. Тогда государство приняло решение развивать спорт и стало быстро возводить крытые футбольные манежи. Теперь Исландия – известная для футбольных болельщиков страна, в которой с детства людям прививают здоровый образ жизни. Так, по статистике, приведенной Федерацией футбола Исландии, в стране примерно 10 процентов населения регулярно занимаются футболом, 70 процентов из которых зарегистрированы в качестве профессиональных футболистов.

Более того, развитие физической культуры и спорта – одна из ключевых задач государственной политики Российской Федерации. Согласно Указу Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», одним из целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 году, является увеличение доли граждан, систематически занимающихся

физической культурой и спортом¹. При этом, по существующим данным, на 2020-й год сохраняется недостаточный уровень вовлеченности населения среднего и старшего возраста в занятия физической культурой и спортом (32,6% и 14,2% соответственно), а также всего 50,9 % юношей призывного возраста имеют необходимый уровень физического развития².

Представляется, что спорт играет жизненно важную роль для государства, оказывая следующее влияние:

- приоритет для здоровья населения: спорт способствует улучшению физического здоровья, пропаганду здоровых привычек;
- социальная сплоченность: спорт объединяет людей из разных слоев общества и культур, создавая чувство общности;
- спортивные мероприятия являются платформой для социального взаимодействия и сотрудничества;
- экономическое развитие: спорт является важной отраслью, которая создает рабочие места и способствует экономическому росту;
- проведение крупных спортивных мероприятий привлекает туризм, развивает инфраструктуру и стимулирует инвестиции в города-организаторы спортивных мероприятий;
- международное признание и престиж: успехи в спорте приносят гордость и признание стране на международной арене;
- снижение преступности и антиобщественного поведения: спорт отвлекает различные социальные группы от негативной деятельности и предоставляет конструктивный выход для энергии и амбиций;
- достижения в спорте вызывают у граждан чувство национальной гордости, формируя патриотическое сознание у населения страны.

Однако существует и иная модель управления в области физической культуры и спорта, основанная на принципе саморегулирования данной сферы. В первую очередь, стоит отметить, что на сегодняшний день государственная политика Российской Федерации в области физической культуры и спорта основана не на принципе саморегулирования, а на сочетании государственного регулирования и саморегулирования³, что закреплено в статье 3 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». По мнению С.А. Юрлова, данная формулировка в законодательстве свидетельствует о «неопределенности

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Правительства РФ от 30.09.2021 № 1661 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие физической культуры и спорта" и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

нормативного регулирования спорта в целом» [2]. С 2022 года и по сегодняшний день Президент Российской Федерации, Министр спорта заявляют о назревшей необходимости централизации спорта¹. Конечно, существующая «гибридная» модель регулирования обуславливает наличие значительной автономии спортивных федераций и Олимпийского комитета России. На наш взгляд, данное положение Федерального закона вызывает несколько дополнительных вопросов:

1. Что следует понимать под саморегулированием в области физической культуры и спорта?

2. Каким образом данный принцип реализован в различных сферах/составляющих спорта, и действительно ли за счет него на сегодняшний день сложилась децентрализация в области физической культуры и спорта?

3. Если государство ставит перед собой цель по усилению централизации, повышению управляемости, необходимо ли избавиться от сочетания государственного регулирования и саморегулирования отношений в области физической культуры и спорта и, следовательно, от автономии ряда спортивных институтов?

В соответствии с Федеральным законом «О саморегулируемых организациях», организация является саморегулируемой, если, например, у нее есть стандарты и правила предпринимательской или профессиональной деятельности, обязательные для выполнения всеми членами саморегулируемой организации². Например, спортивные федерации, в свою очередь, занимаются развитием того, вида спорта, по которому они осуществляют свою деятельность, что несколько отличается от деятельности СРО. Однако есть и совпадающие признаки: и СРО, и организации в области физической культуры и спорта, обладающие определенной автономией, являются некоммерческими [3].

На наш взгляд, саморегулирование в области физической культуры и спорта представляет более сложную конструкцию в связи с многогранностью автономных субъектов физической культуры и спорта. Среди них: спортивные федерации, Олимпийский и Паралимпийский комитеты России, Российский студенческий спортивный союз, профессиональные союзы, спортивные клубы. Они имеют разные цели, задачи и функции. В зависимости от характера и целей деятельности некоммерческих организаций в сфере спорта их задачи могут различаться. Так, часть таких организаций занимаются организационными задачами: организация и проведение физкультурно-спортивных, оздоровительных

¹ Заседание Совета по развитию физической культуры и спорта // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75343> (дата обращения: 22.07.2025).

² Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ "О саморегулируемых организациях" // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 22.07.2025).

мероприятий на разных уровнях. Часть решают представительские задачи: представление России, ее граждан-спортсменов на международной арене. А еще существуют организации, реализующие контрольные задачи – антидопинговые агентства. Существуют и такие некоммерческие организации в сфере спорта, которые реализуют сразу все указанные 3 вида задач. При этом, все эти задачи можно объединить в одну важную и социально-значимую – развитие спорта в стране.

В то же время законодательством Российской Федерации не очерчены пределы саморегулирования в рассматриваемой сфере [4], а такая задача как развитие спорта в стране предполагает наличие достаточно обширных полномочий и возможностей у любой спортивной организации. Более того, указанные организации являются общественными объединениями, а Конституция Российской Федерации гарантирует свободу их деятельности¹. Выходит, что подобная конструкция, когда в законодательстве отсутствуют четкие пределы саморегулирования в области спорта, а Конституция гарантирует свободу деятельности общественных объединений неизбежно приводит к децентрализации в регулировании указанных общественных отношений.

Таким образом, под саморегулированием в области физической культуры и спорта предлагается понимать следующее – это автономная деятельность некоммерческих организаций, основной задачей деятельности которых является развитие физической культуры и спорта.

Относительно второго вопроса, поставленного в настоящей статье, представляется, что степень саморегулирования разнится от той, как указано в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» «части» спорта, в рамках которой она рассматривается. В частности, детско-юношеский спорт как часть спорта, действительно, в большинстве случаев реализуется либо субъектами Российской Федерации, либо вовсе органами местного самоуправления, поскольку государственные/муниципальные учреждения по спортивной подготовке детей созданы именно органами государственной власти субъекта РФ или органами местного самоуправления. Министр спорта Российской Федерации М.В. Дегтярев в рамках выступления на пленарном заседании XII «Московского инновационного юридического форума» отметил, что на сегодняшний день Министерство спорта никаким образом юридически не влияет на региональную политику в области спорта², что, на наш взгляд, мешает достижению общенациональных целей.

¹ "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

² Михаил Дегтярев: «Все, что сейчас происходит в управлении спортом, подчинено идее централизации управления отраслью» // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sports.ru/aquatics/1116682661-mikhail-degtyarev-vse-chto-sejchas-proisxodit-v-upravlenii-sportom-podc.html> (дата обращения: 23.07.2025).

Представляется, существует два выхода из сложившейся ситуации:

1. Наделение Министерство спорта Российской Федерации контрольно-надзорными полномочиями, что как раз и предлагается в настоящее время Министром спорта Российской Федерации;

2. Конституционное закрепление физической культуры и спорта в качестве исключительного предмета ведения Российской Федерации, что повлечет за собой создание на месте региональных министерств территориальных органов Министерства спорта Российской Федерации. Данное предложение, конечно, носит более радикальный характер, но имеет право на жизнь в связи с высокой значимостью физической культуры и спорта в нынешней государственной политике Российской Федерации.

Еще одна часть спорта, на примере которой отражается сложившаяся децентрализация – это профессиональный спорт. С одной стороны, организация спортивных соревнований, в том числе на профессиональном уровне – это задача спортивных федераций. С другой стороны, в таких видах спорта, как футбол, хоккей, баскетбол и ряде других, крупнейшие национальные чемпионаты – это уже настоящая индустрия, где идеальная цель профессионального клуба – извлечение прибыли.

Зачастую предлагается перенять успешный опыт Китайской Народной Республики, которая последовательна централизованной «советской модели» управления спортом. Как отмечают П.Д. Семашенков и А.В. Буков, в Китае система управления спортом является полностью государственной. Тем не менее, Китай поддерживает инвестирование в спорт со стороны предпринимателей. В Китае наибольшее внимание уделяется развитию массового, а также студенческого и школьного спорта [5]. В городах и поселках оборудуются физкультурные площадки с различными тренажерами, практически все дворцы спорта и спортзалы являются общедоступными. Раз в четыре года в стране проводятся Национальные игры для учащихся средних школ и Национальные игры для студентов университетов [5].

При этом, считаем важным отметить, что в тех самых видах спорта, которые стали индустрией – успех Китая не столь заметен, как в развитии физической культуры и спорта, как фактора здорового образа жизни.

В этой связи важен и иной зарубежный опыт. Так, существует, на наш взгляд, уникальная модель финансирования, которая не имеет аналогов и существует уже более 25 лет. Данная модель реализуется Немецкой футбольной лигой (Deutsche Fußball Liga), которая включает в себя 2 профессиональных футбольных соревнования: первую лигу (Bundesliga) и вторую лигу (Bundesliga 2).

В 1998 в Устав Немецкой футбольной лиги были внесены следующие положения: Члены клуба (например, лица, занимающие руководящие должности, основатели команды, болельщики) должны обладать большинством голосов (минимум 50+1%) в Совете директоров

футбольного клуба¹. Так, можно рассматривать правило «50+1%» как правило ориентированное на потребителя, то есть на болельщиков конкретных команд, что в целом отвечает ключевой характеристике деятельности НКО – социальная польза.

Например, это ярко выражается в демократичной ценовой политике немецких профессиональных футбольных клубов на билеты для посещения матчей. Так, на ближайший матч футбольного клуба «Байер 04» цены стартуют от 8 Евро за билет. В то же время в Великобритании, где спортивные клубы финансируются крупными инвесторами, стоимость билетов на матч Английской премьер-лиги будет достигать десятков Фунтов стерлингов даже на матчи команд середины-подвала турнирной таблицы чемпионата.

Несмотря на то, что правило «50+1%» по сей день действует в немецком футболе, существуют разные позиции относительно его эффективности. Рассмотрим разные позиции известных представителей немецкого футбола.

Так, на первый взгляд, консервативный Президент футбольного клуба «Бавария Мюнхен» Ули Хенесс, в последние годы выступает за отмену правила «50+1%». Он считает, что существует несоответствие между немецким футболом и лигами, куда привлекаются миллиарды арабских и американских инвестиций. Более того, Ули заявил, что, если сейчас не задуматься об отмене правила «50+1%», немецкие футбольные клубы ждут большие проблемы в долгосрочной перспективе в вопросе конкуренции на международном уровне².

Полностью противоположную позицию относительно существования правила «50+1» занимает генеральный директор футбольного клуба «Боруссия Дортмунд» Ханс-Йоаким Ватцке: «Традиционно немецкий болельщик был очень близок к команде. Если же он перестанет ощущать отношение к себе как к фанату и начнет чувствовать себя потребителем, у нас будут большие проблемы». Ватцке считает, что большинство инвесторов хотят исключительно зарабатывать денежные средства, а зарабатывать они их планируют в первую очередь за счет потребителей.

Для нас же данный пример показателен в следующем: централизация в области физической культуры и спорта, безусловно, назрела, и на сегодняшний день на примере детско-юношеского и профессионального спорта мы свидетельствуем о значительном преобладании саморегулирования там, где присутствуют национальные интересы. Однако

¹ Statutes DFL Deutsche Fußball Liga e.V. // [Электронный ресурс] // URL: <https://media.dfl.de/sites/2/2022/09/Statutes-of-DFL-Deutsche-Fussball-Liga-e.V.-effective-as-of-31-May-2022.pdf>. (Дата обращения: 25.07.2025 г.)

² Uli Hoeness calls for 50+1 rule to be abolished // [Электронный ресурс] // URL: <https://fcbinside.com/2022/06/19/uli-hoeness-calls-for-501-rule-to-be-abolished/> (Дата обращения: 26.07.2025 г.)

в каждом случае, как, например, с профессиональным футболом необходимо подходить точно, поскольку это футбол – это такой вид спорта, который является не только национальной, но и общемировой индустрией, где государство, если и выступает участником, то в качестве инвестора. Более того, нормативная основа для эффективного взаимодействия органов государственной власти и некоммерческих организаций в области физической культуры и спорта без чрезмерного ограничения их автономии уже существует, поскольку в соответствии со статьей 114 Конституции Российской Федерации Правительство Российской Федерации осуществляет поддержку некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в проведении государственной политики [6].

Таким образом, отвечая на 3-й вопрос, поставленный в настоящей статье, можно отметить следующее: в условиях значительного санкционного ряда иностранных государств, необходимости достижения национальных целей, курс на централизацию является более, чем оправданным. Представляется, что должная централизация позволит сделать упор на следующие направления при реализации государственной политики в области физической культуры и спорта:

- проведение спортивными организациями внутренних соревнований: создание и укрепление национальных спортивных лиг и турниров.
- сотрудничество с дружественными странами: участие в международных соревнованиях, проводимых дружественными странами, организация совместных сборов и тренировочных лагерей;
- развитие новых видов спорта: поощрение и поддержка новых и альтернативных видов спорта, создание федераций по новым видам спорта;
- международное сотрудничество: меры по поддержанию контактов с международными спортивными организациями, поиск возможностей для сотрудничества и совместных проектов в будущем.

При этом, нельзя полностью отказаться от автономии в спорте, данный принцип был закреплён ещё в 1949 году в Олимпийской Хартии и является незыблемым [7]. Представляется, что необходимо продолжить предоставлять возможность заинтересованным гражданам, предпринимателям принимать участие в развитии профессионального спорта.

Список источников:

1. Алтухов (2013) – Алтухов С.В. Ивент-менеджмент в спорте. Управление спортивными мероприятиями: Уч.-методич. пособие. – М.: Советский спорт. 2013 – 208с. – С. 16-17.
2. Юрлов (2018) – Юрлов С. А. Определённость нормативного регулирования спорта как предпосылка установления чётких пределов автономии спортивных организаций и эффективной защиты прав спортсменов // Lex Russica. № 10 (143), 2018. С. 85-97.
3. Тихомирова, Коваленко (2021) – Тихомирова А.В.

Саморегулирование в сфере физической культуры и спорта России // А.В. Тихомирова, Е.И. Коваленко // Человек. Спорт. Медицина. – 2021. – Т. 21, № S1. – С. 136-140.

4. Мельник (2012) – Мельник Т.Е. Государственное регулирование и саморегулирование в области физической культуры и спорта // Журнал российского права. 2012. №3 (183).

5. Симашенков, Буков (2019) – Симашенков П.Д. Буков А.В. Сравнительный анализ системы управления сферой физической культуры и спорта в Российской Федерации и за рубежом. – Самара. – 2019. – 6 С.

6. Зубенко (2023) – Зубенко С.И. Административно-правовое регулирование взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с институтами гражданского общества в сфере образования и молодежной политики. // Современный юрист. – М., 2023 № 4(45). С. 1-11.

7. Понкина (2013) – Понкина А.И. Автономность спорта: Теоретико-правовое исследование // Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России; Национальное объединение спортивных юристов Российской Федерации. – М., 2013. – 102 с.

References:

Altukhov (2013) – Altukhov S.V. Event management in sports. Management of sports events: Study-method manual. [Event-menedzhment v sporte. Upravleniye sportivnymi meropriyatiyami: Uch.-metodich. Posobiye] – М.: Sovetsky sport. 2013 – 208p. – P. 16-17.

Yurlov (2018) – Yurlov S. A. Certainty of normative regulation of sports as a reason for establishing clear limits of autonomy of sports organizations and effective protection of athletes' rights [Opredelonnost' normativnogo regulirovaniya sporta kak predposylka ustanovleniya chotkikh predelov avtonomii sportivnykh organizatsiy i effektivnoy zashchity prav sportsmenov] // Lex Russica. No. 10 (143), 2018. P. 85-97.

Tikhomirova, Kovalenko (2021) – Tikhomirova A.V., Kovalenko E.I. Self-regulation in the field of physical culture and sports in Russia [Samoregulirovaniye v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta Rossii] // Man. Sport. Medicine. [Chelovek, Sport, Meditsina] - 2021. - V. 21, No. S1. - P. 136-140.

Melnik (2021) – Melnik T.E. State regulation and self-regulation in the field of physical culture and sports [Gosudarstvennoye regulirovaniye i samoregulirovaniye v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta] // Journal of Russian Law. [Jurnal rossiyskogo prava] 2012. No. 3 (183).

Simashenkov, Bukov (2019) – Simashenkov P.D. Bukov A.V. Comparative analysis of the management system in the sphere of physical culture and sports in the Russian Federation and abroad [Sravnitel'nyy analiz sistemy upravleniya sferoy fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii i za rubezhom]. - Samara. - 2019. - 6 p.

Zubenko (2023) – Zubenko S.I. Administrative and legal regulation of interaction between federal executive bodies and civil society institutions in the field of education and youth policy. [Administrativno-pravovoye regulirovaniye vzaimodeystviya federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti s institutami grazhdanskogo obshchestva v sfere obrazovaniya i molodezhnoy politiki] / Modern lawyer. [Sovremennyy yurist] - M., 2023 No. 4 (45). P. 1-11.

Ponkina (2013) – Ponkina A.I. Autonomy of sport: Theoretical and legal research / Commission on sports law of the Association of lawyers of Russia [Avtonomnost' sporta: Teoretiko-pravovoye issledovaniye / Komissiya po

sportivnomu pravu Assotsiatsii yuristov Rossii]; National association of sports lawyers of the Russian Federation. [Natsional'naya assotsiatsiya sportivnykh yuristov Rossiyskoy Federatsii] – M., 2013. – 102 p.

Административное право

УДК 342.9

JEL K23

ПИРОГОВ Кирилл Андреевич¹

¹ ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2, Москва, 125993, Россия.

<https://orcid.org/0009-0009-7747-4849>

¹ Пирогов Кирилл Андреевич, аспирант кафедры административного права и процесса. E-mail: sialkom@inbox.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В КОНТРАКТНОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

Предмет/тема. Автором рассмотрены вопросы административных правонарушений в контрактной области в Российской Федерации проанализированы отдельные научные правовые позиции, посвященные институту административной ответственности в сфере закупок для публичных нужд, рассмотрен состав административных правонарушений в данной сфере, предложены классификации данных правонарушений.

Цели/задачи. Основной целью исследования автором избрано исследование сущности административных правонарушений за закупки в контрактной области. Для выполнения цели настоящего исследования автором поставлены следующие задачи: рассмотреть мнения авторов о подходах к пониманию закупок, разработать авторское определение закупкам в контрактной системе, исследовать состав данных административных правонарушений, проанализировать мнения авторов о возможных подходах к классификации указанных правонарушений, предложить авторскую классификацию настоящих правонарушений, выявить проблемы характеристики административных правонарушений и предложить возможные пути их решения.

Методология. Анализ и синтез, индукция и дедукция, аргументация, обобщение.

Выводы. Автором предложена классификация составов административных правонарушений в области закупок. Автором предложено определение закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Автором сделан вывод о необходимости пересмотреть подход к систематизации указанных правонарушений в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации.

Ключевые слова: административная ответственность, административные правонарушения, закупки, административная ответственность за закупки.

Administrative Law

¹ **Kirill A. Pirogov**

Postgraduate Student, Department of Administrative Law and Process, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

CHARACTERISTICS OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE CONTRACT FIELD

Abstract

The subject/topic The author examines the issues of administrative offenses in the contract field in the Russian Federation, analyzes individual scientific legal positions on the institute of administrative responsibility in the field of procurement for public needs, examines the composition of administrative offenses in this area, and suggests classifications of these offenses.

Goals/objectives The main purpose of the study is to study the essence of administrative offenses for procurement in the contract field. To fulfill the purpose of this study, the author has set the following tasks: to consider the authors' opinions on approaches to understanding procurement, to develop an author's definition of procurement in the contract system, to investigate the composition of these administrative offenses, to analyze the authors' opinions on possible approaches to classifying these offenses, to propose an author's classification of these offenses, to identify the problems of characterizing administrative offenses and suggest possible ways to solutions.

Methodology Analysis and synthesis, induction and deduction, argumentation, generalization.

Conclusions The author proposes a classification of administrative offences in the field of procurement. The author proposed a definition of procurement of goods, works and services to meet state and municipal needs. The author concludes that it is necessary to reconsider the approach to systematization of these offenses in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: *administrative responsibility, administrative offenses, procurement, administrative responsibility for procurement.*

Область регулирования закупок товаров, работ и услуг в настоящий момент является наиболее важной, в связи с экономическими и политическими изменениями в Российской Федерации, происходившими с начала 2021 года. Отдельно стоит отметить важность процедур закупок для обеспечения нужд безопасности государства в связи с проведением Специальной военной операции.

Закупочная деятельность позволяет удовлетворять потребности государства для исполнения им своих функций в различных областях жизни общества и государства. Сказанное позволяет утверждать, что система закупок должна находиться в постоянном состоянии развития.

Постоянное развитие общественных отношений в любой сфере, в том числе и в сфере закупочной деятельности связано не только с законодательной деятельностью государства, развитием коммерческих отношений между лицами, участвующими в закупках, а также общими экономическими условиями, в которых находится государство, но и с

развитием данных общественных отношений через призму научных взглядов, в связи с чем автор предлагает рассмотреть определение закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Под закупками для обеспечения государственных и муниципальных нужд Гапоненко В.Ф. понимает правоотношения имеющие свою специфику, а также обладающие важным значением для развития экономики, производства и бизнеса¹.

В свою очередь Кузьмина Т.В. характеризует закупки как объединение процедур, производимых на системной основе, как поставка товаров, выполнение работ и оказание услуг государственных заказчиков².

Автор соглашается с указанными мнениями и считает, что закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд представляют собой область общественных отношений, складывающихся в связи с осуществлением закупок, урегулированных законодательством Российской Федерации.

Нельзя не сказать, что при осуществлении деятельности в области закупок возникает острая необходимость в пресечении возможного нарушения закреплённых законодательством Российской Федерации правил, порядков и требований к процедурам осуществления закупок, которая в свою очередь позволяет удовлетворить государственные нужды в товарах, работах и услугах своевременно и в полном объёме.

Одним из основных средств пресечения возможных нарушений в рассматриваемой области являются закреплённые законодательством составы административных правонарушений и наказания, налагаемые за совершение административных правонарушений в области закупок.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях определяет правонарушение как: «противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность»³.

В целях рассмотрения сущности административных правонарушений в контрактной области необходимо разобрать состав данного вида

¹ Гапоненко В.Ф., Самолысов П.В. Системно-структурный анализ административной ответственности за нарушение законодательства российской федерации о контрактной системе в сфере закупок // Труды Академии управления МВД России. 2020. №4 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-strukturnyy-analiz-administrativnoy-otvetstvennosti-za-narushenie-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii-o-kontraktnoy>.

² Кузьмина Т.В. Государственные закупки // Вестник науки и образования. 2017. №10 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-zakupki>.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СРЗП, сборник N 1 от 07.01.2002, статья № 1.

административных правонарушений, а также классифицировать названные правонарушения.

По мнению Пинчука А.П. и Решетникова Г.Е. состав административного правонарушения – взаимосвязанные элементы, являющиеся основанием для привлечения правонарушителя к ответственности¹

Никулин М.И. и Чернопятенко Н.В. считают, что состав административного правонарушения состоит из ряда элементов, таких как объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона².

Автор соглашается с указанными мнениями и считает, что состав административного правонарушения является совокупностью взаимосвязанных элементов, характеризующих деяния в качестве административного правонарушения.

К элементам состава административного правонарушения относятся объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Указанные элементы характеризуют в том числе и административные правонарушения в контрактной области.

В качестве субъектов административных правонарушений в рассматриваемой области как правило выступают должностные лица заказчиков, так как именно они несут ответственность за правильность и правомерность осуществления закупок, проведения закупочных процедур и т.д. Отдельно необходимо отметить, что должностные лица заказчиков несут ответственность за правильность определения начальной цены контракта. Особая важность данной процедуры проявляется в существенной опасности излишней траты бюджетных средств при нарушении правил определения такой цены. Указанное напрямую может влиять на результативность выполнения органом, осуществляющим закупки, своих функций.

Субъективная сторона характеризует внутреннее психическое отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям, выражающееся в двух формах вины: умышленная вина, либо вина по неосторожности.

В отношении такой категории правонарушений как административные правонарушения в области закупок как правило субъективная сторона выражается в большей части в качестве вины по неосторожности. Указанное связано прежде всего с большими объемами знаний и навыков,

¹ Пинчук А.П., Решетников Г.Е. Понятие состава административного правонарушения // Отечественная юриспруденция. 2019. №7 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sostava-administrativnogo-pravonarusheniya> (дата обращения: 27.05.2025).

² Никулин М.И., Чернопятенко Н.В. Вина, как элемент состава в делах об административных правонарушениях // StudNet. 2020. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vina-kak-element-sostava-v-delah-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah> (дата обращения: 04.06.2025).

которыми должно обладать должностные лица закупщика для правильного проведения процедур закупок, а также постоянными изменениями законодательства в области закупок. В связи с указанным должностным лицам закупщика требуется высокий уровень подготовки, а следственно высокий уровень профессионализма. Однако, указанное не всегда является действительностью.

Объектом административных правонарушений являются общественные отношения, регулируемые и охраняемые законодательством Российской Федерации.

В юридической науке принято подразделять объект административных правонарушений на общий, родовой, видовой и непосредственный.

Автор соглашается с мнением Макарейко Н.В., который считает, что разделение объектов административных правонарушений на указанные виды связано с необходимостью квалификации совершённого правонарушения¹. Также автор считает, что разделение объектов на виды позволяет правомерно отнести совершённое правонарушение к норме, установленной законодательством.

Общим объектом для правонарушений в области закупок считаются общественные отношения, урегулированные административным правом.

Родовой объект – общественные отношения, складывающиеся в результате совершения лицом правонарушения, установленного Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации².

Видовым объектом административных правонарушений в области закупок являются правила проведения процедур закупок, в рамках осуществления самих закупок.

Непосредственным объектом правонарушений в области закупок выступают нормы, правила и требования, установленные Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации³.

Объект правонарушения имеет особое значение, так как правильное определение объекта правонарушения позволяет верно квалифицировать совершённое правонарушение, применить правильный состав, установленный Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации.

Объективная сторона данных правонарушений выражается в несоблюдении заказчиком обязательных требований к осуществлению процедур, проводимых в рамках процедур закупок.

В целях наиболее полного рассмотрения административных

¹ Макарейко (2013) – Макарейко Н.В. Проблемы конструирования законодательства об административных правонарушениях // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). - С. 447-451.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ Там же

правонарушений в области закупок необходимо классифицировать указанную категорию правонарушений.

Гапоненко В.Ф. и Самолысов П.В. предлагают классифицировать административные правонарушения в области закупок на две большие группы: несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок и несоблюдение обязательных требований законодательства о государственном оборонном заказе¹.

Автор соглашается с указанным выше мнением, однако считает, что данная классификация не отражает полный спектр особенностей административных правонарушений в контрактной области.

Автор считает, что представляется возможным разделить составы административных правонарушений в области закупок на следующие категории:

- несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе (гл. 7 КОАП РФ)².
- несоблюдение обязательных требований законодательства об оборонном заказе (ст. 7.30.3 КОАП РФ³);
- несоблюдение требований законодательства об энергосбережении (ст. 9.16 КОАП РФ⁴);
- нарушение требований в области финансов (ст. 15.14 КОАП РФ⁵);
- нарушения при осуществлении контроля в контрактной сфере (ст. 19.4.2, 19.7.2. КОАП РФ⁶).

Представляется возможным предложить следующую классификацию: правонарушения, совершаемые путём действия, бездействия и как действия, так и бездействия.

Классификация административных правонарушений в настоящей области предоставляет возможность сделать вывод о том, что подход к размещению норм, закрепляющих административные правонарушения в КОАП РФ, требует доработки в целях улучшения системности расположения таких норм. Необходимость осуществления такой систематизации подтверждается особой важностью для государства самого института закупок.

¹ Гапоненко В.Ф., Самолысов П.В. Системно-структурный анализ административной ответственности за нарушение законодательства российской федерации о контрактной системе в сфере закупок // Труды Академии управления МВД России. 2020. №4 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-strukturnyy-analiz-administrativnoy-otvetstvennosti-za-narushenie-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii-o-kontraktnoy> (дата обращения: 06.06.2025).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ Там же

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Там же

В качестве итогов исследования в рамках настоящей статьи автором сделаны выводы о том, что закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд представляют собой область общественных отношений, складывающихся в связи с осуществлением закупок, урегулированных законодательством Российской Федерации.

Автором отмечена особая важность системы закупок для общества и государства, так как указанная система способствует развитию экономических отношений как внутри государства, так и в сфере международных отношений.

Автор считает, что состав административного правонарушения является совокупностью взаимосвязанных элементов, характеризующих деяния в качестве административного правонарушения.

К элементам состава административного правонарушения относятся объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Исходя из анализа приведённых классификаций административных правонарушений в контрактной области автором сделан вывод о необходимости доработки расположения норм, закрепляющих административные правонарушения в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации в целях улучшения системности расположения таких норм.

Список источников:

1. Агапов (2020) – Агапов А.Б. Административная ответственность. Учебник для вузов. — 9-е изд. перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2020. — С. 184.
2. Гостищева (2022) – Гостищева О.С. Правовая сущность административной ответственности / О. С. Гостищева // Молодой ученый. 2022. № 6(401). С. 161.
3. Кононов (2021) - Кононов П. И. История, проблемы и перспективы развития института административной ответственности в России: к двадцатилетию принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правосудие / Justice. 2021. Т. 3, № 4. С. 140.
4. Макарейко (2013) – Макарейко Н.В. Проблемы конструирования законодательства об административных правонарушениях // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). - С. 447-451.
5. Паулов, Силантьева (2020) – Паулов П.А., Силантьева К.В. Государственное регулирование закупочной деятельности /П.А. Паулов, К.В. Силантьева // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т.4. – №12. – С. 442-446.
6. Попов, Студеникина (2019) – Административное право. Учебник. Под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2019. — с. 142.
7. Россинский, Сладкова, Стандзень, Студеникина (2021) - Административная ответственность : учебное пособие / Б.В. Россинский, А.В. Сладкова, Л.В. Стандзень, М.С. Студеникина ; отв. ред. Б.В. Россинский ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – Москва:

НОРМА : ИНФРА-М, 2021. - 248 с. – Библиогр.: с. 242-244. - Университету имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 90 лет. - Гриф РИС МГЮА. - ISBN 978-5-00156-080-7. – ISBN 978-5-16-016342-0.

8. Складорова (2021) – Складорова Ю. А. Развитие закупочной деятельности в современных условиях / Ю.А. Складорова. – М.: Спутник+, 2021. – 55 с.

9. Смотрицкая (2009) – Смотрицкая И.И. Трансформация системы государственных закупок в российской экономике: Дис. д-ра экон. наук. М., 2009. С. 28.

10. Шаранов (2020) – Шаранов С.Г. Развитие системы государственных закупок в Российской Федерации // Вестник Клинической больницы №51. – 2020. – Вестник № 8. – С 17 -19.

References:

Agapov (2020) – Agapov A.B. Administrative responsibility. Textbook for universities. [Administrativnaya otvetstvennost'. Uchebnik dlya vuzov] — 9th ed. reprint. Moscow: Yurait [YUrajt], 2020, p. 184.

Gostischeva (2022) – Gostischeva O.S. The legal essence of administrative responsibility / O. S. Gostischeva [Gostishcheva O.S. Pravovaya sushchnost' administrativnoj otvetstvennosti / O. S. Gostishcheva] // Young Scientist [Molodoj uchenyj]. 2022. No. 6(401). p. 161.

Kononov (2021) – Kononov P. I. History, problems and prospects of development of the Institute of Administrative Responsibility in Russia: on the twentieth anniversary of the adoption of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation [Kononov P. I. Istoriya, problemy i perspektivy razvitiya instituta administrativnoj otvetstvennosti v Rossii: k dvadcatiletiju prinyatiya Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah] // Justice/Justice [Pravosudie/Justice]. 2021. Vol. 3, No. 4. P. 140.

Makareiko (2013) – Makareiko N.V. Problems of designing legislation on administrative offenses [Makarejko N.V. Problemy konstruirovaniya zakonodatel'stva ob administrativnyh pravonarusheniyah] // Legal technology [YUridicheskaya tekhnika]. 2013. No. 7 (part 2). - pp. 447-451.

Paulov, Silant'eva (2020) - Paulov P.A., Silant'eva K.V. State regulation of procurement activities /P.A. Paulov, K.V. Silant'eva [Paulov P.A., Silant'eva K.V. Gosudarstvennoe regulirovanie zakupочноj deyatel'nosti /P.A. Paulov, K.V. Silant'eva] // Bulletin of Science and Practice [Byulleten' nauki i praktiki]. – 2020. – Vol.4. – No. 12. – pp. 442-446.

Popov, Studenikina (2019) - Administrative law. Textbook. Edited by L.L. Popov, M.C. Studenikina. — 2nd ed., revised and additional [Administrativnoe pravo. Uchebnik. Pod red. L.L. Popova, M.C. Studenikinoj]. — М.: HOPMA: INFRA-M [М.: HOPMA: INFPA-M], 2019. — p. 142.

Rossinsky, Sladkova, Standzon, Studenikina (2021) – Administrative responsibility : a textbook / B.V. Rossinsky, A.V. Sladkova, L.V. Standzon, M.S. Studenikina ; ed. by B.V. Rossinsky ; Moscow State Law. O.E. Kutafin University (MGUA) [Rossinskij, Sladkova, Standzon', Studenikina (2021) - Administrativnaya otvetstvennost': uchebnoe posobie / B.V. Rossinskij, A.V. Sladkova, L.V. Standzon', M.S. Studenikina; otv. red. B.V. Rossinskij]. - Moscow: NORMA: INFRA-M [М.: HOPMA: INFPA-M], 2021. - 248 p. - Bibliogr: pp. 242-244. - Kutafin University (MGUA) is 90 years old. - Vulture RICE MGUA. – ISBN 978-5-00156-080-7. - ISBN 978-5-16-016342-0.

Sklyarova (2021) – Sklyarova Yu.A. Development of procurement activities in modern conditions [Sklyarova YU. A. Razvitie zakupочноj deyatel'nosti v sovremennyh usloviyah] / Yu.A. Sklyarova. – Moscow: Sputnik + [M.: Sputnik+], 2021. – 55 p.

Smotritskaya (2009) – Smotritskaya I.I. Transformation of the public procurement system in the Russian economy [Smotritskaya I.I. Transformaciya sistemy gosudarstvennyh zakupok v rossijskoj ekonomike]: Dissertation of the Doctor of Economics, M [M], 2009. pp. 28.

Sharanov (2020) – Sharanov S.G. Development of the public procurement system in the Russian Federation [SHaranov S.G. Razvitie sistemy gosudarstvennyh zakupok v Rossijskoj Federacii] // Bulletin of Clinical Hospital No. 51 [Vestnik Klinicheskoy bol'nicy №51]. – 2020. – Bulletin No. 8. – From 17-19.

Семейное право

УДК 347.62

JEL: K36

*ПУРГЕ Анна Роландовна*¹

¹ ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»,
ул. Гоголя 41, Владивосток, 690014, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4865-5551>

¹ Пурге Анна Роландовна, доктор юридических наук, директор Института права Владивостокского государственного университета, Владивосток.
E-mail: a.purge@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ БРАКОРАЗВОДНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Аннотация

Предмет/тема. Предмет исследования составили отношения, связанные с расторжением брака в соответствии с российским семейным законодательством, в том числе – вопросы, сопутствующие процедуре расторжения брака.

Цели/задача. Цель выявить особенности института расторжения брака по российскому законодательству и предложить пути решения некоторых связанных с его судебным расторжением проблем.

Методология. Методами исследования стали как философские (гносеологии, логики, функционального анализа, структурного анализа), так и специально-правовые, в том числе – историко-правовой, сравнительно-правовой, толкования правовых норм.

Вывод. Оценивая, с точки зрения развития института семьи в России, первую четверть XXI века, практически все социологи определяют ее как кризисную: если все предшествующие века, и даже в советское время семья рассматривалась как «ячейка общества», его экономическая (в качестве «домохозяйства»), социальная основа, то с начала XXI века и особенно (как показывают социологические исследования) у поколения «зумеров» - стал особо заметен процесс индивидуализации личной жизни, «партнерских браков» и отказа от принятия на себя какой-либо ответственности в рамках семейной формы. Государство предпринимает весьма слабые, как представляется, попытки противодействия распаду семьи, повышая, с

одной стороны, государственную пошлину по исковым заявлениям и за регистрацию расторжения брака, с другой – пытаюсь финансово поощрить длительные браки, однако единую, целенаправленную и последовательную государственную политику в этих попытках усмотреть сложно.

Ключевые слова: *брак, семья, прекращение брака, расторжение брака, супруги, дети, порядок расторжения брака, административный порядок расторжения брака, судебный порядок расторжения брака.*

Family law

¹ **Anna R. Purge,**

Doctor of Legal Sciences, Director of the Institute of Law, Vladivostok State University, Vladivostok. E-mail: a.purge@mail.ru

FEATURES OF THE DIVORCE PROCEEDINGS IN RUSSIA

Abstract

Subject/Topic The subject of the study was relations related to divorce in accordance with Russian family law, including issues related to the divorce procedure.

Objectives/Task The goal is to identify the features of the institution of divorce under Russian law and to propose solutions to some problems associated with its judicial dissolution.

Methodology The research methods were both philosophical (epistemology, logic, functional analysis, structural analysis) and specifically legal, including historical-legal, comparative-legal, and interpretation of legal norms.

Conclusion Assessing the first quarter of the 21st century from the point of view of the development of the family institution in Russia, almost all sociologists define it as a crisis: if in all previous centuries, and even in Soviet times, the family was considered as a “unit of society”, its economic (as a “household”), social basis, then from the beginning of the 21st century and especially (as sociological studies show) among the “zoomers” generation, the process of individualization of personal life, “partner marriages” and refusal to accept any responsibility within the framework of the family form has become especially noticeable. The state is making what appear to be very weak attempts to combat the breakdown of the family, increasing, on the one hand, state fees for claims and for registering divorces, on the other hand, trying to financially encourage long-term marriages; however, it is difficult to see a unified, targeted and consistent state policy in these attempts.

Key words: *marriage, family, termination of marriage, dissolution of marriage, spouses, children, procedure for dissolution of marriage, administrative procedure for dissolution of marriage, judicial procedure for dissolution of marriage.*

Если в первое десятилетие соотношение числа актов заключения и актов расторжения брака составляло примерно один к двум (то есть расторгались пять из десяти браков) [1, с.38-39], то к настоящему времени

(по состоянию на 2024 год) расторгается уже восемь из десяти браков¹, что составляет 60% роста числа расторгнутых браков за десятилетие. В то же время статистика расторжения браков и рост их числа в судах – делают актуальным вопрос о процедуре и последствиях расторжения брака, гарантированности прав третьих лиц (как детей, так и кредиторов супругов). Кроме того, участились случаи фиктивного расторжения брака, когда фактической целью супругов становится не прекращение супружеских отношений, а сокрытие от юридического преследования супружеского имущества, что также ставит значительное число вопросов в судебной практике.

Еще один комплекс проблем связан с миграционными процессами: особенности мусульманского права, распространившегося среди российских мигрантов (а Россия – государство, второе по численности мигрантов в мире), позволяют им вступать в брак одновременно с несколькими (до четырех) женщинами, что требует от российского правотворца создания специальных механизмов если не признания таких браков недействительными, то, во всяком случае, их расторжения по сокращенной (ускоренной) процедуре. Однако пока таких законодательных проектов в Государственной Думе Федерального Собрания РФ нет. Отсутствуют и эффективные международные механизмы расторжения браков в случаях, когда один из супругов не желает его расторжения и находится за рубежом. В случаях, когда такие браки зарегистрированы в российских органах ЗАГС, их расторжение производится по российскому семейному праву с учетом личного статуса иностранца, что также требует специального исследования.

Более того: к настоящему времени государство, безусловно заинтересованное в прочности брачных (семейных) отношений, не предприняло ни одной реальной меры, направленной на повышение их устойчивости. Отсутствуют и какие-либо правовые средства, позволяющие регулировать отношения, связанные с прекращением фактических браков.

Расторжение брака как институт (или подинститут) семейного права исследовалось как в дореволюционной цивилистической традиции (А.И. Загоровский [2]), так и в советский период. К последним относятся диссертационные исследования Я.Е. Песина 1948 г., М.Т. Оридороги 1958 г., Е.Г. Яковлевой 1987 г., М. ибн Иссы Альхалафа 1990 г. Интересным исследованием социально-правовых вопросов расторжения брака стало исследование С.Н. Буровой [3]. Однако общая проблема этих исследований состояла в том, что в них вопросы социологические, правовые и нравственные были опосредованы вопросами идеологическими и

¹ Мамиконян О. В 2024 году распались восемь из 10 браков / Ольга Мамиконян // Электронный ресурс: Forbes. – 18.12.2024. Доступно на сайте: URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/527483-v-2024-godu-v-rossii-raspadalis-vosem-iz-10-brakov?ysclid=m7n6kptc3q848622375> (дата обращения: 25.07.2025)

пропагандистскими, что оказывало существенное влияние на их достоверность и научное качество.

В российский период развития науки семейного права вопросами расторжения брака занимались такие специалисты, как В.В. Измайлов (его диссертационное исследование 2013 г.) и Е.В. Розанова (одно из последних диссертационных сравнительно-правовых исследований, посвященных особенностям расторжения брака в США [4]). Однако все эти исследования не имеют цели анализа «расторжения брака как способа защиты семейных прав граждан» [5, с. 3], а именно это и составляет наиболее актуальный вопрос для современного гражданского общества [6; 7]. Немало исследований посвящено защите детей супругов, расторгающих брак, в ряде работ затрагиваются вопросы защиты имущественных прав третьих лиц (в частности, кредиторов одного из супругов), а также об обеспечении публичного интереса, не в последнюю очередь - эффективности действия антикоррупционного законодательства, однако до сих пор не предложено мер, направленных на охрану этих прав в бракоразводном процессе.

Судебный порядок расторжения брака по российскому праву характеризуется прежде всего такой особенностью, как исковая форма. Однако именно эта форма вызывает наибольшие сомнения: неясно, каким образом было нарушено право супруга, инициировавшего бракоразводный процесс, в чём состояло это нарушение, кто является нарушителем и каковы для нарушителя последствия совершения этого нарушения. Иначе говоря, исковое производство в бракоразводном процессе не отвечает на множество вопросов, которые очевидны в других исковых производствах. Отсутствуют и конкретные способы защиты нарушенного (искового) права, кроме факта констатации судом отсутствия (расторжения) брака. Иначе говоря, истец по такого рода делам – никаких своих семейных прав не защищает, никаких мер защиты к нарушителю применить не просит. В этой связи представляется, что исковое производство о расторжении брака – теоретическая ошибка советской процессуальной науки и что данное производство должно рассматриваться как особое – об установлении факта (хотя бы и в негативной форме – об установлении факта отсутствия или прекращения брака). Сказанное подтверждается также тем, что в Германии (Гражданское процессуальное уложение) в Шестой книге к супругам, заявившим иск о расторжении брака, исковая терминология не используется (§ 622 (3)). Комментируя данное положение, некоторые ученые полагают, что основной причиной этого является необходимость «психологического сглаживания» процесса расторжения брака [8, с. 192], однако на самом деле причиной такого подхода является то, что данные дела по своей правовой природе не являются исковыми. Несмотря на то, что конфликт интересов супругов по данным делам налицо, исковая форма как форма защиты права на дела о расторжении брака действовать не может именно в силу отсутствия необходимости такой защиты – в силу

отсутствия нарушения права.

Подсудность дел, устанавливаемая на основе закона, может быть родовой и территориальной.

Родовая подсудность дел о расторжении брака определяется положениями ГПК РФ и законодательства о мировых судьях. В частности, согласно пунктам 2 и 3 части 1 статьи 23 ГПК РФ¹, мировой судья рассматривает в качестве суда первой инстанции дела: «2) о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях; 3) о разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей».

Согласно пунктам 3 и 4 части 1 статьи 3 ФЗ от 17.12.1998 №188-ФЗ², мировые судьи рассматривают в первой инстанции гражданские дела: дела о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях; дела о разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей.

Сложности может вызвать вопрос о том, что такое «спор о детях», который предполагает две основных категории дел:

- споры о правах и обязанностях родителей в отношении детей, об их распределении между родителями, о распределении возникающих по поводу детей прав и обязанностей родителей в отношении друг друга. К ним относятся споры о месте проживания родителей, о взыскании алиментов на детей;

- споры о порядке осуществления родительских прав (в частности, споры о порядке общения с ребенком, об особенностях воспитания и образования детей и т.д.).

На практике проблемы определения подсудности по бракоразводным делам могут выявиться в связи с тем, что спор о детях выявляется только на стадии судебного разбирательства, в судебном заседании. В случаях, когда мировой судья придет к выводу, что в бракоразводном процессе существует спор о детях, он выносит определение о прекращении гражданского дела в связи с его неподсудностью мировому судье и предлагает сторонам обратиться в федеральный суд (районный или городской).

Территориальная подсудность (в ГПК РФ она закрепляется статьей 39)

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (посл. ред. от 31.07.2025 №344-ФЗ) // Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс». Доступно на сайте: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 03.08.2025)

² О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (посл. ред. от 23.07.2025 № 256-ФЗ) // Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс». Доступно на сайте: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/ (дата обращения: 25.07.2025)

бракоразводных дел определяется общим правилом: по месту жительства обоих супругов или по месту жительства супруга-ответчика. Закон РФ от 25.06.1993¹ в статье 2 определяет место жительства (по общему правилу) как «жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства». Исключением из этого правила является место жительства представителя кочевых народов, однако в законодательстве понятия или перечень кочевого народа отсутствует (в СК РФ имеется лишь указание на «кочевой или полукочевой образ жизни»).

В некоторых случаях ГПК РФ закрепляет для бракоразводных дел альтернативную подсудность (подсудность по выбору истца). Если место проживания (место постоянной или временной регистрации) супруга неизвестно, иск предъявляется:

- по месту выбора истца (как правило, это место жительства, место постоянной регистрации самого истца);

- по последнему известному месту жительства ответчика. Под местом жительства и в этом случае понимается место и временной, и постоянной регистрации, если известно хотя бы одно из них, или место постоянной регистрации, если известны оба места (и место временной, и место постоянной регистрации);

- по месту нахождения имущества (ч. 1 ст. 29 ГПК РФ). Вопрос может возникнуть о том, какое именно имущество должно находиться по месту предъявления иска. Возможно, правильным было бы предположить, что речь идет, прежде всего, об имуществе, право на которое подлежит государственной регистрации (в первую очередь - недвижимое), а также об имуществе, подлежащем государственной регистрации (в том числе автотранспортные средства). Возможно предъявление иска по месту, где у отсутствующего супруга зарегистрированы корпоративные права (доли участия в хозяйственных обществах, акции, облигации и т.д.).

В случаях, когда у супругов, хотя бы и осужденных к лишению свободы, существуют общие несовершеннолетние дети, брак между ними расторгается также в судебном порядке, а место судопроизводства определяется по последнему месту жительства ответчика до его осуждения.

¹ О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (посл. ред. от 13.12.2024 №462-ФЗ) // Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс». Доступно на сайте: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/ (дата обращения: 06.07.2025)

Исковое заявление о расторжении брака оплачивается государственной пошлиной, которая составляет ныне 5000 рублей (ст. 333.19 НК РФ¹). Однако при подаче иска следует учитывать, что для некоторых категорий граждан законодательство о государственной пошлине устанавливает льготы. В частности, не требуется оплачивать государственную пошлину некоторым категориям инвалидов.

Процедура судебного заседания по делам о расторжении брака характеризуется открытостью, что вызывает возражения. Логика законодателя состоит в том, что в случае, когда в бракоразводном процессе вскрываются обстоятельства личной жизни, он, по просьбе тяжущихся супругов, может быть «закрыт» судом. Однако такой правовой режим идет вразрез с правовой природой брачных отношений как интимного союза. С точки зрения процессуальной, это может проявить себя внезапным объявлением в открытом судебном процессе сведений, которые один из супругов или даже оба супруга – не желали бы разглашать публично. В этой связи закрытый судебный процесс по делам о расторжении брака должен рассматриваться как общее правило, а открытый – как возможность, если того пожелают его стороны.

Предмет доказывания по делам о расторжении брака сводится к факту, установленному в части первой статьи 22 СК РФ², согласно которой судом должно быть «установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны». Как видно, данная формулировка включает в себя обязательность установления судом одновременно двух фактов: 1) возможность или невозможность дальнейшей совместной жизни супругов, 2) возможность или невозможность сохранения семьи. Эта формулировка, хотя и является неким стандартом, оставляет вопросы: как быть, если суд придет к выводу, что дальнейшая совместная жизнь супругов – возможна, а сохранение семьи – нет, или что дальнейшая совместная жизнь супругов – невозможна, но сохранение семьи – возможно? Анализируя данное положение, специалисты обычно сосредоточены на том, что не супруги, а суд решает вопрос о возможности сохранения совместной жизни и семьи (например, как указывает А.М. Нечаева: «в бракоразводном процессе суд выступает в роли органа, уполномоченного государством на защиту семьи, если она в том

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (посл. ред. от 29.11.2024 №418-ФЗ) // Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс». Доступно на сайте: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 29.07.2025)

² Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (посл. ред. от 23.11.2024 №405-ФЗ) // Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс». Доступно на сайте: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 02.07.2025)

нуждается» [9, с. 107]), однако не ставят вопрос о предмете доказывания по бракоразводному делу. Думается, что норму части первой статьи 22 СК РФ, как основную для решения вопроса о сохранности брака, необходимо изменить: так как главный вопрос бракоразводного процесса состоит в «жизни» или в «смерти» брачного правоотношения, то и ее формулировка должна быть не двухсоставной (сохранение отношений и семьи), а односоставной и в ее содержании должен стоять вопрос о сохранении брачного правоотношения. Например, часть первая статьи 22 СК РФ могла бы излагаться в следующей редакции: «Расторжение брака в судебном порядке производится, если судом установлено, что дальнейшее сохранение брака между супругами невозможно». В этом случае судом устанавливался бы лишь один юридический факт, не входящий в противоречие с иными обстоятельствами, подлежащими установлению по делу.

Как отмечалось выше, особенностью бракоразводного процесса является срок примирения. Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. №15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», «по делам о расторжении брака в случаях, когда один из супругов не согласен на прекращение брака, суд в соответствии с п. 2 ст. 22 СК РФ вправе отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения в пределах трех месяцев. В зависимости от обстоятельств дела суд вправе по просьбе супруга или по собственной инициативе откладывать разбирательство дела несколько раз с тем, однако, чтобы в общей сложности период времени, предоставляемый супругам для примирения, не превышал установленный законом трехмесячный срок»¹.

Один из наиболее значимых вопросов к п. 2 ст. 22 СК РФ и к п. 10 указанного Постановления – о смысле термина «вправе». Не совсем ясно, имеется ли здесь ввиду диспозитивность или широта судебного усмотрения суда, позволяющая ему как отложить, так и не откладывать рассмотрение дела (поскольку речь идет именно о праве суда), или здесь имеется ввиду обязательные, предписанные законом действия суда, а под правом понимается лишь его специальное право (отсутствующее, по общему правилу, у суда в других исковых производствах), которое он реализует в отношении сторон.

В рамках названного, длящегося три месяца права, суд может дать сторонам дополнительное время (например, собираясь трижды, один раз в три недели), однако в целом представляется, что данная мера – крайне

¹ О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (в ред. от 06.02.2007) // Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс». Доступно на сайте: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 26.07.2025)

малоэффективна (во всяком случае, отсутствует статистика ее применения, т.е. не определено число бракоразводных дел, в которых бы супруги смогли, вследствие предоставленного срока, помириться) и что суд в данном случае выполняет функцию психоаналитика, специалиста по психологии брачных отношений и т.п., но – не судебную функцию (функцию правосудия), направленную на установление определенного факта или разрешение существующего между сторонами спора.

В то же время можно отметить тенденцию к отказу в законодательстве от этого срока: статья 33 прежде действовавшего КоБС РСФСР¹ устанавливала его длительность в шесть месяцев.

Абзац второй пункта 2 ст. 22 СК РФ устанавливает, что «расторжение брака производится, если меры по примирению супругов оказались безрезультатными и супруги (один из них) настаивает на расторжении брака». Однако, что это за «меры», СК РФ не указывает. Нельзя назвать «мерой» и установление судом трёхмесячного срока, поскольку он – лишь срок для реализации названных «мер». Думается, что данная норма в СК РФ – анахронизм, связанный содержательно с теми «мерами», которые предпринимались и государственными органами, и так называемыми общественными (партийными и комсомольскими) организациями для укрепления брака в социалистический период (до 1965 года). Представляется поэтому, что более целесообразно указывать не на меры, а конкретно на срок, который дается судом на то, чтобы супруги окончательно взвесили свое решение. В этой связи целесообразнее представляется следующая редакция абзаца второго пункта 2 статьи 22 СК РФ: «расторжение брака производится, если истек установленный судом срок примирения супругов и супруги (один из них) настаивает на расторжении брака».

По мнению некоторых ученых, рассматриваемая статья закрепляет две: «квазиисковую» [10, с. 46], при которой суд освобождается от обязанности по выяснению мотивов «смерти брака» в силу взаимного согласия супругов (и тогда суд лишь проверяет, насколько при такой модели расторжения брака обеспечены (гарантированы) права несовершеннолетних детей от расторгаемого брака, и «административную» (часть вторая статьи 22 СК РФ). По существу, отечественная наука выходит на те же самые процессуальные аспекты расторжения брака, на которые вышла европейская наука: об отсутствии у института расторжения брака по взаимному согласию исковой формы [11]. Действительно, исследуя вопрос о том, какие именно в данном исковом производстве защищаются права, можно заключить, что таких (нарушенных и подлежащих защите)

¹ Кодекс о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 (посл. ред. от 29.12.1995) (утратил силу) // Электронный ресурс: СПС «КонсультантПлюс». Доступно на сайте: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3261/ (дата обращения: 02.07.2025)

субъективных семейных прав у супругов нет [12]: могут, в результате расторжения брака, быть нарушены лишь права несовершеннолетних детей от брака, однако и они (а точнее, факты их нарушения) – лишь проверяются, а не защищаются судом.

Еще один терминологический аспект пункта 1 статьи 22 СК РФ состоит в словах «возможность дальнейшей совместной жизни». Думается, что ошибка терминологии в данном случае связана с тем, что никакой суд не сможет заранее спрогнозировать, как будет развиваться «дальнейшая жизнь» супругов, в том числе и совместная, а потому и не вправе делать выводы о «невозможности дальнейшей совместной жизни». Подобного рода выводы – вероятностны и не могут быть положены в основу решения суда. Поэтому более точной формулировкой, вместо предположений о будущем, была бы констатация свершившегося факта: «Расторжение брака в судебном порядке производится, если судом установлено, что брачные отношения супругами прекращены».

Случаи, когда ответчик признаёт иск о расторжении брака, это признание, как и всякое признание иска, должно быть закреплено его подписью в протоколе судебного заседания (часть первая ст. 173 ГПК РФ). Однако и в этом случае расторжение брака возможно лишь после истечения установленного месячного срока, нарушение которого является таким нарушением норм материального права, которое может повлечь отмену вынесенного судебного акта (п. 4 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ).

Пункт первый статьи 23 СК РФ устанавливает возможность для супругов представить, при расторжении брака, соглашение о месте проживания несовершеннолетних детей и способах, и размере их обеспечения. Однако представляется более целесообразным установить представление такого соглашения в качестве обязательного действия сторон в бракоразводном процессе. В частности, в этом случае второе предложение данного пункта могло бы звучать в следующей редакции: «Супруги обязаны представить на рассмотрение суда соглашение о детях, предусмотренное пунктом 1 статьи 24 настоящего Кодекса. При отсутствии такого соглашения либо в случае, если соглашение нарушает интересы детей, суд вместе с иском о расторжении брака разрешает спор о детях или принимает меры к защите их интересов в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 24 настоящего Кодекса».

В отличие от случаев административного прекращения брака, при судебном порядке его расторжения он считается прекращенным с момента, когда решение суда вступило в законную силу (статья 25 СК РФ). Однако данное правило действует лишь для браков, прекращенных 01.03.1996 и позже. До тех пор КоБС РСФСР создавал для расторгающих брак супругов еще одно формальное препятствие: обязательность обращения в органы ЗАГС с уже вынесенным судебным решением. С другой стороны, на суд была возложена необоснованная, как представляется, обязанность

уведомления органов ЗАГС о вынесенных судебных актах о расторжении брака (обычно суд направлял в орган ЗАГС выписку из судебного решения).

В настоящее время исполнение этой обязанности существенно упрощено в силу появления системы электронного взаимодействия между судами и иными органами государственной власти, однако принципиальное сомнение все же остается: возможно, более правильным было бы направление, в рамках системы электронного взаимодействия, выписки из судебного акта истцу и ответчику (в частности, в их личный кабинет на сайте Госуслуг), а уже они, как заинтересованные лица, вправе были бы в переотправить (переслать) эту выписку в орган ЗАГС, чем процесс расторжения брака можно было бы считать завершенным. В этом случае брак мог бы считаться расторгнутым не с момента его регистрации, а с момента направления одним из супругов выписки из судебного решения о расторжении брака в орган ЗАГС. Такой подход более целесообразен и с точки зрения семейно-правовой теории, поскольку прекращение брака определяется в этом случае не государственным актом, а субъективным решением (правовым актом) самих супругов.

Список источников:

1. Чеботарева, Плеханова (2012) – Чеботарева А.А., Плеханова А.А. Акты гражданского состояния и их значение для прогнозирования экономического и социального развития страны и отдельных регионов (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). // Семейное и жилищное право. - 2012. - №3. - С. 38-39.
2. Загоровский (2011) – Загоровский А.И. О разводе по русскому праву. – Москва: Книга по требованию, 2011. – 221 с.
3. Бурова (1979) - Бурова С.Н. Социология и право о разводе. - Минск: БГУ, 1979. – 127 с.
4. Розанова (2019) – Розанова Е.В. Институт расторжения брака в США: сравнительно-правовое исследование законодательства штатов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Москва, 2019. - 235 с.
5. Измайлов (2013) – Измайлов В.В. Расторжение брака как способ защиты семейных прав граждан: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Москва, 2013. – 31 с.
6. Румянцева (2012) – Румянцева Н.С. Правоотношения супругов и бывших супругов по предоставлению материального содержания по законодательству Российской Федерации и стран ближнего зарубежья: сравнительно-правовое исследование: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Москва, 2012. - 25 с.
7. Тимшина (2010) – Тимшина О.Л. Особенности регулирования правовых отношений между бывшими супругами: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. - Москва, 2010. - 170 с.
8. Бергман (2008) – Бергман В. Гражданское уложение Германии. - Москва: Волтерс-Клувер, 2008. - 872 с.
9. Нечаева (2019) – Нечаева А.М. Семейное право. 4-е изд. - Москва: Юрайт, 2019. - 285 с.
10. Пискарев (2021) - Особенности рассмотрения и разрешения

отдельных категорий гражданских дел (исковое производство). Учебное пособие / под ред. И.К. Пискарева. – Москва: Проспект, 2021. – 728 с.

11. Ульянова (2024) – Ульянова М.В. Осуществление семейных прав и исполнение обязанностей: системный подход. // Современный юрист. – 2024. - №2 (47). - С.76-97.

12. Золотовская (2022) – Золотовская Е.А. Установление факта родственных отношений. // Современный юрист. – 2022. - №3 (40). - С.51-59.

References:

Chebotareva, Plekhanova (2012) – Chebotareva A.A., Plekhanova A.A. Acts of civil status and their importance for forecasting the economic and social development of the country and individual regions (on the example of the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory). [*Akty grazhdanskogo sostoyaniya i ikh znachenije dlya prognozirovaniya ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya strany i otdel'nykh regionov (na primere Respubliki Buryatiya i Zabaykal'skogo kraya)*] // Family and housing law. - 2012. - No. 3. - P. 38-39.

Zagorovsky (2011) – Zagorovsky A.I. On divorce under Russian law. [*O razvode po russkomu pravu*] - Moscow: Book on demand, 2011. - 221 p.

Burova (1979) - Burova S.N. Sociology and divorce law. [*Sotsiologiya i pravo o razvode*] - Minsk: BSU, 1979. – 127 p.

Rozanova (2019) – Rozanova E.V. Institute of divorce in the USA: comparative legal study of state legislation: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.03. [*Institut rastorzheniya braka v SSHA: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye zakonodatel'stva shtatov*] - Moscow, 2019. - 235 p.

Izmailov (2013) – Izmailov V.V. Divorce as a way to protect family rights of citizens: author's abstract. ... candidate of legal sciences: 12.00.03. [*Rastorzheniye braka kak sposob zashchity semeynykh prav grazhdan*] - Moscow, 2013. - 31 p.

Rumyantseva (2012) - Rumyantseva N.S. Legal relations of spouses and former spouses on the provision of financial support under the legislation of the Russian Federation and neighboring countries: comparative legal study: author's abstract. ... candidate of legal sciences: 12.00.03. [*Pravootnosheniya suprugov i byvshikh suprugov po predostavleniyu material'nogo soderzhaniya po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii i stran blizhnego zarubezh'ya: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye*] - Moscow, 2012. - 25 p.

Timshina (2010) – Timshina O.L. Features of regulation of legal relations between former spouses: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.03. [*Osobennosti regulirovaniya pravovykh otnosheniy mezhdru byvshimi suprugami*] - Moscow, 2010. - 170 p.

Bergman (2008) – Bergman V. Civil Code of Germany. [*Grazhdanskoye ulozheniye Germanii*] – Moscow: Wolters-Kluwer, 2008. - 872 p.

Nechaeva (2019) – Nechaeva A.M. Family law. 4th ed. [*Semeynoye pravo*] - Moscow: Yurait, 2019. - 285 p.

Piskarev (2021) – Features of consideration and resolution of certain categories of civil cases (claim proceedings). Study guide / edited by I.K. Piskarev. [*Osobennosti rassmotreniya i razresheniya otdel'nykh kategoriy grazhdanskikh del (iskovoye proizvodstvo)*] - Moscow: Prospect, 2021. - 728 p.

Ulyanova (2024) - Ulyanova M.V. Implementation of family rights and fulfillment of duties: a systems approach. [*Osushchestvleniye semeynykh prav i*

ispolneniye obyazannostey: sistemnyy podkhod] // Modern lawyer. - 2024. - No. 2 (47). - P.76-97.

Zolotovskaya (2022) - Zolotovskaya E.A. Establishing the fact of family relations. [*Ustanovleniye fakta rodstvennykh otnosheniy*] // Modern lawyer. - 2022. - No. 3 (40). - P.51-59.

Уголовное право

УДК 343.3

JEL: K14

*ЕСИПОВ Никита Николаевич*¹

¹ Московского финансово-промышленного университета «Синергия», ул. Мещанская, д.9/14, стр. 1, г. Москва, 129090, Россия.

<https://orcid.org/0009-0007-6558-5811>

¹ Есипов Никита Николаевич, аспирант кафедры уголовного права, юридический факультет, уголовно-правовые науки.

E-mail: lapysik81@mail.ru

ЦИФРОВОЕ ПИРАТСТВО КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация

Предмет исследования. В статье проводится комплексный анализ цифрового пиратства как одной из наиболее распространённых форм преступлений против интеллектуальной собственности в условиях цифровизации. Особое внимание уделяется технологическим особенностям данного явления, включая использование анонимных сетей, децентрализованных платформ и криптографических инструментов, а также его трансграничному характеру, осложняющему правовое регулирование и правоохранительную деятельность.

Цель и задачи. Основной целью исследования является выявление правовых и криминалистических особенностей цифрового пиратства в современной цифровой среде. В рамках работы решаются следующие задачи: систематизация актуальных форм цифрового пиратства (торрент-распространение, пиратский стриминг, взлом DRM-защиты и др.); анализ методов совершения преступлений и способов сокрытия следов; оценка эффективности существующих мер противодействия; разработка практических рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоохранительной практики.

Методология. Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем методы сравнительно-правового анализа, криминалистической диагностики и структурно-функционального исследования. Дополнительно применён вторичный анализ эмпирических данных, включая статистику Роскомнадзора и результаты международных исследований в области защиты интеллектуальной собственности.

Основные результаты. В ходе исследования выявлены ключевые тенденции развития цифрового пиратства, такие как рост использования мессенджеров для распространения контента, увеличение доли пиратских IPTV-сервисов и адаптация преступников к блокировкам. Разработаны предложения по модернизации уголовно-правовых норм (ст. 146 УК РФ),

внедрению технологических решений на основе блокчейна и искусственного интеллекта, а также усилению международного сотрудничества в данной сфере.

Выводы. Полученные результаты имеют значительную практическую ценность для следственных органов, законодателей и образовательных учреждений. Они способствуют совершенствованию методик расследования киберпреступлений, разработке эффективных мер профилактики и формированию системной политики противодействия цифровому пиратству на национальном и международном уровнях. Особое внимание уделено необходимости баланса между защитой прав правообладателей и обеспечением общественного доступа к знаниям.

Ключевые слова: *цифровое пиратство, интеллектуальная собственность, криминалистика, преступления в цифровой среде, авторские права, способы сокрытия, торрент, DRM, уголовная ответственность, трансграничная преступность.*

Criminal Law

¹ Nikita N. Esipov

¹ Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Faculty of Law at Moscow University of Industry and Finance "Synergy"

DIGITAL PIRACY AS A CRIME AGAINST INTELLECTUAL PROPERTY

Abstract

Subject of Research The article provides a comprehensive analysis of digital piracy as one of the most prevalent forms of intellectual property crimes in the digital age. It focuses on the technological aspects of this phenomenon, including the use of anonymous networks, decentralized platforms, and cryptographic tools, as well as its transnational nature, which complicates legal regulation and law enforcement efforts.

Purpose and Objectives The main objective of the study is to identify the legal and criminalistics peculiarities of digital piracy in the modern digital environment. The research addresses the following tasks: systematization of current forms of digital piracy (torrent distribution, illegal streaming, DRM circumvention, etc.); analysis of crime methods and concealment techniques; evaluation of existing countermeasures; and development of practical recommendations for improving legislation and law enforcement practices.

Methodology The study employs an interdisciplinary approach combining methods of comparative legal analysis, criminalistics diagnostics, and structural-functional examination. Secondary analysis of empirical data, including statistics from Roskomnadzor and international research on intellectual property protection, is also utilized.

Results/Conclusions The research reveals key trends in digital piracy, such as the increasing use of messengers for content distribution, the growth of pirate IPTV services, and criminals' adaptation to blocking measures. The study proposes enhancements to criminal law (Article 146 of the Criminal Code), the implementation of blockchain and AI-based solutions, and strengthened international cooperation in this field. The findings have significant practical value for investigative agencies, legislators, and educational institutions. They

contribute to improving cybercrime investigation techniques, developing effective preventive measures, and shaping comprehensive policies to combat digital piracy at national and international levels. Special emphasis is placed on balancing the protection of rights holders' interests with ensuring public access to knowledge.

Keywords: *digital piracy, intellectual property, criminalistics, cybercrime, copyright, concealment methods, torrent, DRM, criminal liability, transnational crime.*

Современный этап развития информационного общества характеризуется активной цифровизацией всех сфер человеческой деятельности, что, с одной стороны, способствует расширению доступа к интеллектуальным продуктам, а с другой обостряет проблему их нелегального распространения. Цифровое пиратство как особая форма преступлений против интеллектуальной собственности остаётся одним из наиболее динамично трансформирующихся вызовов для правоохранительной системы.

По данным исследования F.A.C.C.T. (бывшая Group-IB), в 2024 году объём рынка онлайн-пиратства в России составил 36,4 млн долларов США, несмотря на снижение на 4% по сравнению с предыдущим годом. Примечательно, что общее число пиратских доменов выросло на 37,5% и превысило 110 000 активных ресурсов, а доля пиратских сайтов среди источников нелегального видеоконтента достигла 94%, увеличившись на 12% за год. При этом трафик поисковых запросов на пиратские ресурсы сократился лишь на 4%, тогда как роль социальных сетей и видеохостингов в распространении контента резко снизилась. Количество заблокированного контента превысило 12,5 млн единиц, что на 42,15% больше по сравнению с 2023 годом¹. Представленные данные подтверждают, как масштаб проблемы, так и адаптацию цифрового пиратства к условиям усиливающегося правового давления.

Научный интерес к данной теме устойчиво сохраняется, чему свидетельствуют монографические исследования таких авторов, как В.А. Внукова [1], С.А. Сапёров [2], О.И. Терещенко [3], С.Н. Титов [4], А.В. Устинова [5] и др., рассматривающих правовую природу информации, объекты гражданских прав в цифровой среде, особенности охраны товарных знаков и интернет-вещания, а также уголовно-правовую защиту интеллектуальных прав в условиях цифровой трансформации.

Цель настоящего исследования: комплексный анализ цифрового пиратства как формы преступления против интеллектуальной собственности, включая его современные формы, субъектно-объектную структуру и криминалистическую характеристику. Задачи исследования:

¹ F.A.C.C.T. *Рынок онлайн-пиратства в России: аналитический отчет за 2024 год* / Науч. ред. И.П. Сафонов. — М.: Group-IB, 2024. — 64 с. — URL: https://group-ib.ru/reports/piracy_2024.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

- раскрыть сущность и особенности цифрового пиратства как формы преступления;
- проанализировать современные формы цифрового пиратства, направленного против объектов интеллектуальной собственности;
- сформировать криминалистическую характеристику преступлений, связанных с цифровым пиратством;
- рассмотреть существующие проблемы противодействия цифровому пиратству и обозначить эффективные подходы к их решению.

Несмотря на отсутствие легального определения в российской правовой системе, цифровое пиратство может быть квалифицировано через системное толкование норм Гражданского (раздел VII, гл. 70-77) и Уголовного (ст. 146) кодексов РФ¹. В доктринальных источниках данный феномен интерпретируется как особая форма противоправной деятельности, характеризующаяся:

1. Незаконным использованием объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде [6]
2. Технологической опосредованностью совершения деяний
3. Глобальным характером распространения [7]

Сравнительно-правовой анализ позволяет выделить следующие сущностные характеристики цифрового пиратства:

1. **Доступность** (минимальные ресурсные требования для осуществления)
2. **Анонимность** (использование криптографических инструментов)
3. **Трансграничность** (преодоление юрисдикционных границ)
4. **Вирулентность** (экспоненциальная скорость распространения) [10].

В зарубежной доктрине акцент делается на коммерческой составляющей, подчеркивается незаконность извлечения прибыли из охраняемых объектов без санкции правообладателя [8-9].

Эволюция цифрового пиратства как социально-правового явления требует комплексного межотраслевого подхода, интегрирующего:

- Догматический анализ правовых норм
- Криминалистические методики расследования
- Кибербезопасностные технологии
- Социологические исследования цифровых практик

Особую актуальность приобретает разработка дифференцированных критериев оценки степени общественной опасности различных форм цифрового пиратства с учетом их технологической специфики и масштабов распространения.

Цифровое пиратство характеризуется высокой степенью технологической адаптивности, что проявляется в разнообразии форм его

¹ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025)

реализации. В рамках настоящего исследования были систематизированы наиболее распространенные формы цифрового пиратства на основе выделения признаков используемой платформы, способа распространения и охраняемых объектов интеллектуальной собственности (таблица 1).

Рассмотрим выделенные формы более подробно.

Таблица 1 – Формы цифрового пиратства против интеллектуальной собственности/ Forms of Digital Piracy Against Intellectual Property

Форма	Платформа	Объект посягательства	Характеристика
Торрент-распространение	Torrent-трекеры	Аудио, видео, ПО, книги	Децентрализованное P2P-распространение
Пиратский онлайн-стриминг	Сайты и IPTV-платформы	Видео контент (фильмы, спорт, ТВ)	Незаконная трансляция в реальном времени
Обход DRM и копирование ПО	Сайты/форумы/даркнет	Программное обеспечение	Взлом защиты и выкладка cracked-версий
Распространение в мессенджерах	Telegram ¹ , Discord и др.	Книги, аудио, видеокурсы, статьи	Рассылка ссылок и файлов в закрытых каналах
Пиратские библиотеки	Z-Library ² , Sci-Hub и аналоги	Научная и учебная литература	Массовое хранение и выдача нелегальных копий
Пиратские мобильные приложения	APK-репозитории	Приложения, игры	Незаконная публикация модифицированных версий

Источник: составлено автором.

В современной цифровой экосистеме наблюдается устойчивая диверсификация способов незаконного распространения контента, характеризующаяся технологической сложностью и адаптивностью к мерам противодействия.

Торрент-сети, основанные на P2P-архитектуре, сохраняют лидирующие позиции по масштабам распространения медиапродукции. Их ключевая особенность заключается в децентрализованной модели дистрибуции, где каждый участник одновременно выступает и потребителем, и

¹ В 2018 году доступ к Telegram был временно ограничен на территории РФ, однако позже блокировка была снята. Платформа по-прежнему используется в том числе для распространения пиратского контента в закрытых каналах. Источник: Роскомнадзор (2020). О прекращении ограничений доступа к Telegram. Официальный сайт.

² Платформы Z-Library и Sci-Hub внесены в Единый реестр запрещённой информации Роскомнадзора на основании решений Мосгорсуда о нарушении авторских прав. Источник: Московский городской суд (2021). Решение по делу № 3-0790/2022.

распространителем контента, что существенно осложняет идентификацию первоисточника¹.

Пиратский стриминг эволюционировал в технологически сложные системы, имитирующие функционал легальных платформ. Современные IPTV-сервисы демонстрируют высокую устойчивость за счет использования CDN-сетей и динамической смены доменных имен, что позволяет обходить системы блокировки [1].

Особую проблему представляет профессиональный взлом систем DRM-защиты, превратившийся в организованную индустрию. Специализированные форумы и даркнет-ресурсы предлагают комплексные решения для обхода лицензионных ограничений, включая модифицированные версии программного обеспечения [2].

Мессенджеры и социальные платформы стали новым каналом дистрибуции, где распространение осуществляется через закрытые группы и бот-системы. Персонализированный подход к доставке контента значительно снижает эффективность традиционных методов обнаружения [3].

Пиратские библиотеки (Z-Library, Sci-Hub) демонстрируют парадоксальную устойчивость, поддерживаемую академическим сообществом. Несмотря на правовые ограничения, данные платформы продолжают функционировать через распределенную сеть зеркал [4].

Мобильное пиратство представляет особую опасность из-за частого сочетания нарушения авторских прав с распространением вредоносного кода. Взломанные приложения из неофициальных репозиториев нередко содержат скрытые угрозы информационной безопасности.

Эволюция форм цифрового пиратства требует постоянного совершенствования методов противодействия с учетом технологических трендов и изменений в поведенческих моделях пользователей.

Современное цифровое пиратство представляет собой сложный многоаспектный феномен, требующий комплексного криминалистического анализа. В структурном отношении его можно рассматривать через призму следующих ключевых элементов.

Способы совершения преступлений отличаются выраженной технологичностью и могут быть классифицированы на три основные группы. Технические методы включают преодоление систем защиты (DRM), модификацию программного кода и обход протоколов шифрования. Организационные аспекты проявляются в использовании распределённых сетей и анонимных хостингов, тогда как коммуникационные каналы предполагают применение мессенджеров и автоматизированных бот-систем [11].

¹ F.A.C.C.T. *Рынок онлайн-пиратства в России: аналитический отчет за 2024 год* / Науч. ред. И.П. Сафонов. — М.: Group-IB, 2024. — 64 с. — URL: https://group-ib.ru/reports/piracy_2024.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

Объектная сторона преступления охватывает широкий спектр результатов интеллектуальной деятельности — от аудиовизуальных произведений до научных трудов. Особую сложность представляет правовая оценка пиратства в образовательной сфере, где пересекаются интересы правообладателей и общественные потребности в знаниях.

В условиях цифровой трансформации возникает необходимость поиска баланса между защитой интеллектуальных прав и обеспечением общественного доступа к знаниям. Предлагаемая концепция правового баланса основывается на дифференцированном подходе к регулированию различных типов контента. Для коммерческих произведений сохраняются традиционные механизмы защиты, тогда как образовательные и научные ресурсы могут использовать гибкие режимы распространения через системы открытых лицензий.

Технологической основой такой системы должны стать современные инструменты управления цифровыми правами, включая блокчейн-идентификацию контента и smart-контракты, позволяющие автоматизировать процессы лицензирования. Особое значение приобретает развитие компенсационных механизмов, способных обеспечить справедливое вознаграждение правообладателей при расширении доступа к знаниям.

Правовую базу концепции составляют как международные стандарты (в частности, положения Бернской конвенции о свободном использовании), так и национальное законодательство, включая нормы о допустимом использовании произведений в образовательных целях. Реализация этого подхода требует комплексных изменений в правоприменительной практике и создания специализированных институтов, таких как национальные реестры открытых ресурсов и системы медиации споров.

Субъектный состав по ст. 146 УК РФ включает не только рядовых пользователей, но и технически подготовленных организаторов пиратских платформ. Как отмечают исследователи, высокая квалификация преступников в области информационных технологий существенно осложняет процесс их идентификации [13].

Следственная специфика обусловлена особенностями цифровой среды. Ключевыми доказательствами выступают лог-файлы, сетевой трафик и метаданные [13], однако их сбор затрудняется применением преступниками sophisticated-методов сокрытия. К ним относятся:

- использование анонимных сетей (TOR, I2P)
- динамическая смена доменных имен
- применение самоуничтожающегося контента
- внедрение распределённых файловых систем (IPFS) [14]

Проведённый анализ свидетельствует о необходимости постоянного совершенствования криминалистических методик с учётом технологической эволюции преступной деятельности. Особое значение

приобретает развитие специализированных цифровых инструментов и международного сотрудничества в сфере киберрасследований.

Современные реалии цифровой эпохи демонстрируют парадоксальную ситуацию: с одной стороны, технологический прогресс способствует демократизации доступа к интеллектуальным продуктам, с другой - создает благоприятные условия для их незаконного распространения. В данном контексте цифровое пиратство приобретает характер системной угрозы, требующей многоаспектного научного осмысления и выработки комплексных мер противодействия.

Правовая основа противодействия цифровому пиратству в Российской Федерации базируется на триединой системе нормативно-правовых актов. Уголовно-правовой аспект регламентируется статьей 146 УК РФ, устанавливающей санкции за нарушение авторских и смежных прав. Гражданско-правовая защита осуществляется в соответствии с положениями главы 70 ГК РФ, тогда как административно-правовые меры предусмотрены статьей 7.12 КоАП РФ. Эффективность данной системы подтверждается статистическими данными: по сведениям Роскомнадзора¹, в 2024 году было заблокировано более 12,5 млн единиц пиратского контента, что свидетельствует как о масштабах проблемы, так и о результативности принимаемых мер.

Международно-правовое регулирование в рассматриваемой сфере формируется под влиянием нескольких ключевых документов. Исторически значимой остается Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1886 г.), дополненная впоследствии договорами ВОИС (WCT и WPPT, 1996 г.) и Соглашением ТРИПС (1994 г.). Особого внимания заслуживает деятельность международного альянса ACE², объединяющего усилия правообладателей и цифровых платформ в борьбе с пиратством.

Технологический аспект противодействия включает ряд инновационных решений:

- системы цифровой идентификации контента;
- комплексные DRM-механизмы;
- автоматизированные платформы мониторинга (на примере Content ID);
- алгоритмы машинного обучения для распознавания пиратских копий.

¹ Роскомнадзор. Статистика блокировок пиратского контента: официальные данные за 2024 год. — М., 2024. — URL: https://rkn.gov.ru/piracy_stats (дата обращения: 17.07.2025).

² ACE Alliance. Международные практики противодействия цифровому пиратству: отчет за 2023 год. — Женева, 2023. — 89 с. — URL: <https://www.alliance4creativity.com/reports> (дата обращения: 17.07.2025).

Перспективные направления совершенствования системы противодействия требуют междисциплинарного подхода и включают:

1. Совершенствование уголовно-правовых норм с учетом современных цифровых реалий
2. Разработку интегрированной системы мониторинга нарушений
3. Углубление международного сотрудничества в правоприменительной практике
4. Модернизацию технического оснащения правоохранительных органов
5. Реализацию программ правового просвещения населения

Таким образом, эффективное противодействие цифровому пиратству требует синтеза правовых, технологических и организационных мер, основанных на глубоком понимании современных цифровых реалий и тенденций развития информационного общества.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что цифровое пиратство представляет собой сложный социально-правовой феномен, характеризующийся высокой степенью адаптивности к мерам противодействия. Установлено, что современные формы незаконного распространения контента (торрент-трекеры, IPTV-сервисы, пиратские библиотеки) демонстрируют устойчивую тенденцию к технологической эволюции и организационной трансформации.

Криминалистический анализ выявил специфическую структуру цифрового пиратства, включающую:

1. многоуровневые способы совершения преступлений;
2. диверсифицированные объекты посягательства;
3. технически подготовленных субъектов;
4. сложные механизмы сокрытия следов деятельности.

Особого внимания заслуживает выявленная диспропорция между динамикой развития пиратских технологий и скоростью адаптации правовых механизмов защиты. Наиболее уязвимыми оказались сферы медиа-контента и образовательных ресурсов, где отмечается максимальная концентрация противоправных проявлений.

Перспективные направления совершенствования системы противодействия включают:

1. Модернизацию законодательной базы с учетом специфики распределенных цифровых экосистем (Web3, IPFS)
2. Разработку интеллектуальных систем мониторинга на основе технологий искусственного интеллекта
3. Создание международных стандартов ответственности цифровых посредников
4. Формирование комплексных образовательных программ по цифровой правовой грамотности

Особую научную ценность представляет, предложенная автором – концепция балансе между защитой интеллектуальных прав и обеспечением общественного доступа к знаниям в условиях цифровой трансформации. Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на разработке прогностических моделей эволюции пиратских практик и адаптивных механизмов правового реагирования.

Список источников:

1. Внукова (2024) – Внукова В.А. Объекты гражданских прав: монография / В.А. Внукова, О.А. Мадыгина, В.И. Яковлев. - 2-е изд., перераб. и доп. - Белгород: Изд-во Белгородского ун-та кооперации, экономики и права, 2024. - 216 с.
2. Сапёров (2023) – Сапёров С.А. Информация как объект правоотношений: монография. - Москва: Юстицинформ, 2023. - 703 с.
3. Терещенко, Рахлей (2023) – Терещенко О.И., Рахлей Ю.В. Проблемы исключительного права на товарные знаки в медиасреде. – Москва: РГАИС, 2023. - 64 с.
4. Титов (2024) – Титов С.Н. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности в условиях цифровой трансформации. - Москва: Юрлитинформ, 2024. - 286 с.
5. Устинова (2024) – Устинова А.В. Гражданско-правовая охрана интернет-вещания. - Москва: Юстицинформ, 2024. - 227 с.
6. Лопатина и др. (2023) – Лопатина А.Е., Братчикова С.В., Зорина С.П. Цифровое пиратство и проблемные аспекты защиты объектов авторских прав // Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2023. - № 7(83). - С. 198-202.
7. Петрухин (2024) – Петрухин К.И. Понятие и правовое регулирование цифрового пиратства // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы: сб. науч. тр. - Гатчина, 2024. - С. 430-434.
8. Нетешин (2024) – Нетешин Н.Ю. Сетевое пиратство, плагиат и защита авторских прав в цифровой среде // Вестник Академии управления и производства. - 2024. - № 4-2. - С. 725-731.
9. Слузов (2023) – Слузов Н.Д. Пиратство: охрана и защита авторских прав // Интернаука. - 2023. - № 3-4(273). - С. 50-52.
10. Лях (2023) – Лях П.А. Преступления в сети интернет. Цифровое пиратство // Актуальные проблемы права: сб. науч. тр. - Липецк, 2023. - С. 114-117.
11. Буторина, Амичба (2024) – Буторина Т.Н., Амичба Л.Р. Защита авторского права в нынешних реалиях // Моя профессиональная карьера. - 2024. - Т. 2, № 61. - С. 67-71.
12. Филиппова (2023) – Филиппова Е.О. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие мошенничеству в сфере компьютерной информации // Юридический мир. - 2023. - № 11. - С. 41-44.
13. Кочергина (2024) – Кочергина И.А. Некоторые проблемы защиты интеллектуальных прав в условиях цифровизации // Advances in Science and Technology: сб. науч. тр. - Москва, 2024. - С. 494-496.
14. Gopal и др. (2022) – Gopal R.D., Sanders G.L., Bhattacharjee S. Digital piracy: The issue of knowledge of the institution of copyright law // *Ekonomia i Prawo. Economics and Law*. - 2022. - Vol. 22, No. 1. - P. 69-102. - DOI:

10.12775/EiP.2022.005.

References:

Vnukova (2024) – Vnukova V.A. Objects of Civil Rights: Monograph [Ob"ekty grazhdanskikh prav: monografiya] / V.A. Vnukova, O.A. Madygina, V.I. Yakovlev. - 2nd ed., revised and expanded. - Belgorod: Publishing House of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law [Izd-vo Belgorodskogo un-ta kooperatsii, ekonomiki i prava], 2024. - 216 p.

Sapuyorov (2023) – Sapuyorov S.A. Information as an Object of Legal Relations: Monograph [Informatsiya kak ob"ekt pravootnosheniy: monografiya]. - Moscow: Justitsinform [Yustitsinform], 2023. - 703 p.

Tereshchenko, Rakhley (2023) – Tereshchenko O.I., Rakhley Yu.V. Problems of Exclusive Rights to Trademarks in Media Environment [Problemy iskluchitel'nogo prava na tovarnye znaki v mediasrede]. - Moscow: Russian State Academy of Intellectual Property [RGAIZ], 2023. - 64 p.

Titov (2024) – Titov S.N. Criminal Law Protection of Intellectual Property in Digital Transformation Era [Ugolovno-pravovaya okhrana intellektual'noy sobstvennosti v usloviyakh tsifrovoy transformatsii]. - Moscow: Yurlitinform [Yurlitinform], 2024. - 286 p.

Ustinova (2024) – Ustinova A.V. Civil Law Protection of Internet Broadcasting [Grazhdansko-pravovaya okhrana internet-veshchaniya]. - Moscow: Justitsinform [Yustitsinform], 2024. - 227 p.

Lopatina et al. (2023) – Lopatina A.E., Bratchikova S.V., Zorina S.P. Digital Piracy and Problematic Aspects of Copyright Protection [Tsifrovoe piratstvo i problemnye aspekty zashchity ob"ektov avtorskikh prav] // Skif. Student Science Issues [Skif. Voprosy studencheskoy nauki]. - 2023. - No. 7(83). - Pp. 198-202.

Petrukhin (2024) – Petrukhin K.I. Concept and Legal Regulation of Digital Piracy [Ponyatie i pravovoe regulirovanie tsifrovogo piratstva] // Management of Socio-Economic Development: Innovative and Strategic Approaches [Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem: innovatsionnyy i strategicheskyy podkhody]. - Gatchina, 2024. - Pp. 430-434.

Neteshin (2024) – Neteshin N.Yu. Online Piracy, Plagiarism and Copyright Protection in Digital Environment [Setevoye piratstvo, plagiat i zashchita avtorskikh prav v tsifrovoy srede] // Bulletin of Academy of Management and Production [Vestnik Akademii upravleniya i proizvodstva]. - 2024. - No. 4-2. - Pp. 725-731.

Sluzov (2023) – Sluzov N.D. Piracy: Copyright Protection [Piratstvo: okhrana i zashchita avtorskikh prav] // Internauka [Internauka]. - 2023. - No. 3-4(273). - Pp. 50-52.

Lyakh (2023) – Lyakh P.A. Cybercrimes: Digital Piracy [Prestupleniya v seti internet. Tsifrovoe piratstvo] // Current Problems of Law [Aktual'nye problemy prava]. - Lipetsk, 2023. - Pp. 114-117.

Butorina, Amichba (2024) – Butorina T.N., Amichba L.R. Copyright Protection in Current Realities [Zashchita avtorskogo prava v nyneshnikh realiyakh] // My Professional Career [Moya professional'naya kar'era]. - 2024. - Vol. 2, No. 61. - Pp. 67-71.

Filippova (2023) – Filippova E.O. Criminal Law and Criminological Counteraction to Computer Fraud [Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe protivodeystvie moshennichestvu v sfere komp'yuternoy informatsii] // Legal World [Yuridicheskiy mir]. - 2023. - No. 11. - Pp. 41-44.

Kochergina (2024) – Kochergina I.A. Some Problems of Intellectual Property

Protection in Digitalization [Nekotorye problemy zashchity intellektual'nykh prav v usloviyakh tsifrovizatsii] // Advances in Science and Technology [Advances in Science and Technology]. - Moscow, 2024. - Pp. 494-496.

Gopal et al. (2022) – Gopal R.D., Sanders G.L., Bhattacharjee S. Digital piracy: The issue of knowledge of the institution of copyright law // *Ekonomia i Prawo. Economics and Law*. - 2022. - Vol. 22, No. 1. - Pp. 69-102. - DOI: 10.12775/EiP.2022.005.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Главный редактор: Юрий Викторович Степаненко, профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник ВНИИ МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Москва, Россия. E– mail: stepanenko.50@mail.ru

Editor in Chief: Yuri Viktorovich Stepanenko, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy), Chief Researcher of the WNII MWD of Russia Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia. E– mail: stepanenko.50@mail.ru

Заместитель главного редактора: Куприянова Людмила Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Управление интеллектуальной собственностью» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Deputy Editor: Lyudmila M. Kupriyanova, candidate of economic sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Business Intelligence Department, Deputy Head of the Chair of «Economics of intellectual property» at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ / EDITORIAL COUNCIL

Председатель совета: Альбов Алексей Павлович – кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования, член–корреспондент РАЕН, профессор кафедры «Теория и истории государства и права» Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Москва. (E– mail: aap62@yandex.ru).

Chairman of the Board: Alexey P. Albov, candidate of philosophical Sciences, doctor of legal Sciences, Professor, honored worker of science and education, corresponding member of RAE, Professor, Professor of the Department "Theory and History of State and Law" of the Russian Customs Academy (RTA); Professor of the All– Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia. (E– mail: aap62@yandex.ru).

Заместитель председателя: Куприянова Людмила Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента бизнес-аналитики, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Deputy Chairman of the Editorial Board: Lyudmila M. Kupriyanova, candidate of economic sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Business Intelligence Department, Deputy Head of the Chair of «Economics of intellectual property» at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Амосова Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, старший юрисконсульт ООО «Мэнпауэр СиАйЭс», Москва.

(E– mail: amosovaolgasergeevna@gmail.com).

Olga S. Amosova, PhD in Law, Moscow.

(E– mail: amosovaolgasergeevna@gmail.com).

Ананьева Анна Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E– mail: annaslast@mail.ru).

Anna A. Ananyeva – Doctor of sciences (in law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia. (E– mail: annaslast@mail.ru).

Беликова Ксения Михайловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГАОУ «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва. (E– mail: BelikovaKsenia@yandex.ru).

Ksenia M. Belikova, Doctor of sciences (in law), Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia. (E– mail: BelikovaKsenia@yandex.ru).

Ванин Виталий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E– mail: vvv7@yandex.ru).

Vitaly V. Vanin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E– mail: vvv7@yandex.ru).

Гирько Сергей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, академик РАЕН, Москва. (E– mail: syvorina959134@mail.ru).

Sergey I. Girko, Federal Penitentiary Service of Russia Research Institute, chief research fellow Doctor of Law, professor, Moscow, Russia.

(E– mail: syvorina959134@mail.ru)/

Головинская Ирина Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно– правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», Владимир.

(E– mail: irgolovinskaya@yandex.ru).

Irina V. Golovinskaya, Doctor of law, professor, professor of the Department of criminal law, Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov», Vladimir, Russia.

(E– mail: irgolovinskaya@yandex.ru).

Гришина Яна Сергеевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва. (E– mail: grishinel@inbox.ru).

Yana S. Grishina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia

(E– mail: grishinel@inbox.ru).

Иванова Светлана Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: Ivanovasa1@yandex.ru).

Svetlana A. Ivanova, doctor of law, professor, professor of the Department of the Department of legal regulation of economic activity, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

(E– mail: Ivanovasa1@ya.ru).

Капустин Анатолий Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права.

(E– mail: ayakapustin@rambler.ru).

Anatoly Y. Kapustin, Doctor of law, professor, Moscow, Russia.

(E– mail: ayakapustin@rambler.ru).

Кирпичев Александр Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E– mail: aekirpichev@yandex.ru).

Alexsandr E.Kirpichev – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E– mail: aekirpichev@yandex.ru).

Костылева Елена Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник направления конституционно– правовых исследований Центра исследования проблем правосудия ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E– mail: helen161969@rambler.ru)

Elena D.Kostyleva, candidate of law, associate Professor senior researcher of the direction constitutional and legal studies Center for justice research Russian state University of justice, Moscow, Russia.

(E– mail: helen161969@rambler.ru).

Кулаков Владимир Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: 79057327361@yandex.ru).

Vladimir V. Kulakov, Doctor of jurisprudence, professor, head of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E– mail: 79057327361@yandex.ru).

Курбатов Алексей Янович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E– mail: akurbatov63@mail.ru).

Alexey Ya.Kurbatov, doctor of law, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E– mail: akurbatov63@mail.ru).

Курчина Анастасия Сергеевна – кандидат юридических наук, нотариус Белгородского нотариального округа Белгородской области, Белгород.
(E-mail: kurchinanotar@mail.ru).

Anastasya S. Kurchina – candidate of legal sciences, private notary, Belgorod, Russia. (E– mail: kurchinanotar@mail.ru).

Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»; профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва. (E-mail: lewuskin@mail.ru).

Anatoly N. Levushkin, doctor of law, professor, professor of the Department of business and corporate law of the Moscow state law University after O.E. Kutafin (MSLA); professor of civil law Department Russian state University of justice, Moscow. (E– mail: lewuskin@mail.ru).

Назаренко Геннадий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго– Западный госуниверситет»

Nazarenko Gennady Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, FGBOU HE "South– Western State University"

Никифоров Вадим Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории, теории государства и права и международного права АНОВО «Московский международный университет»

Nikiforov Vadim Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of History, Theory of State and Law and International Law ANOVO "Moscow International University"

Омелин Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор
(E– mail: v.omelin@mail.ru).

Viktor N. Omelin– doctor of law, professor, Moscow
(E– mail: v.omelin@mail.ru).

Оспенников Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры философии и истории, ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», Херсон.
(E– mail: desmandado@yandex.ru).

Yuri V. Ospennikov, doctor of law, professor of the Department of Philosophy and History, Federal state-financed educational institution of higher education "Kherson State Pedagogical University", Kherson.
(E– mail: desmandado@yandex.ru).

Павликов Сергей Герасимович – доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E– mail: 89152499929@mail.ru).

Sergey G. Pavlikov, doctor of law, professor, head of the Department of legal regulation of economic activity, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: 89152499929@mail.ru).

Петюкова Оксана Николаевна – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: oksana55@mail.ru).

Oksana N. Petyukova, doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: oksana55@mail.ru).

Попова Наталия Федоровна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: nfpopova51@mail.ru).

Natalia F. Popova, doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: nfpopova51@mail.ru).

Рожнов Артемий Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: roartan@mail.ru).

Artemi A. Rozhnov, Doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E– mail: roartan@mail.ru).

Рубаник Владимир Евдокимович – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: vladimir– rubanik@yandex.ru).

Vladimir E. Rubanik, Doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (E– mail: vladimir– rubanik@yandex.ru).

Ручкина Гульнара Флюровна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: gumer@bk.ru).

Gulnara F. Ruchkina, Doctor of law, professor, Dean of the faculty of law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (E– mail: gumer@bk.ru).

Степаненко Юрий Викторович, профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник ВНИИ МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Москва, Россия (E– mail: stepanenko.50@mail.ru)

Yuri V. Stepanenko, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy), Chief Researcher of the WNI MWD of Russia Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia (E– mail: stepanenko.50@mail.ru)

Суслова Светлана Игоревна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийского государственного университета Юстиции (РПА Минюста России)» (E– mail: svetsuslova@yandex.ru).

Svetlana I. Suslova, Doctor of Law, Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Irkutsk, Russia.

(E– mail: svetsuslova@yandex.ru).

Ульянова Марина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва

(E– mail: maryulianova14@gmail.com).

Marina V. Ulianova, Associate professor, candidate of legal sciences, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E– mail: maryulianova14@gmail.com).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Лоренцо Меццасома — Председатель совета — доктор юридических наук, профессор, Университет Перуджа, Председатель Центра правовых исследований о правах потребителей, Италия

Lorenzo Mezzasoma — Chairman of the International editorial board — Doctor, Professor of Civil Law, University of Perugia, Italy, Chair of the Centre of Law Studies on Consumer Rights (E– mail: mezzalor@unipg.it)

Федерика Маццасетта — Заместитель Председателя — доктор юридических наук, профессор Университета Камерино, Адъюнкт— профессор Университета Перуджа, Италия

Federica Mazzasette, Doctorate in Civil Law at Università degli Studi di Camerino, Professor of civil law of the University of Camerino, Adjunct Professor of the University of Perugia — Deputy Chairman of the International advice to the editorial staff (E– mail: federica.mazzasette@libero.it)

Джакомо Понгелли — Научный редактор — доктор юридических наук, профессор, Университет Перуджа, Италия

Giacomo Pongelli, doctor of law, Professor, University of Perugia, Italy — Scientific editor (E– mail: giacomo.pongelli@studioalbinacandian.it)

Джанмарко Чифальди, профессор, Университет им. Д'Аннунцио, город Пескара, Италия

Gianmarco Cifaldi, Professor at the University D'Annunzio in Pescara, Italy (E– mail: cifaldi@gmail.com)

Франческо Риццо, доцент кафедры гражданского права, Университет Камерино, Италия

Francesco Rizzo, Doctor. Professor of Civil Law, University of Camerino, Italy (E– mail: francesco.rizzo@unicam.it)

Джованни Берти де Маринис, адвокат, Италия

Giovanni Berti De Marinis, the Lawyer, Italy (tel: 328 3887795, E– mail: giobertidemarinis@libero.it)

Августин Луна Серрано, доктор, профессор, Университет Барселоны, Почетный Член Ассоциации юристов Барселоны, Испания

Agustin Luna Serrano, PhD, Professor University of Barcelona, Honorary Member of the Bar Association of Barcelona, Spain (Pedralbes 71 Barcelona, Barcelona 08035 Spain; agustinluna@albacarclusa.com)

Евгению Лямас Помпо, Доктор права, Профессор Университет Саламанки, Испания Llamas Pombo Eugenio, Doctor of law, Full Professor, University of Salamanca, Spain (E– mail: ellamas@usal.es)

Доктор Хавьер Перес– Серрабона Гонсалес, Доктор права, Профессор коммерческого права, кафедра коммерческого права, Факультет права Университета Гранады, Испания, Гранада

Dr. Javier Pérez– Serrabona González, Doctor of law, Professor of commercial law, Department of commercial law, Faculty of law of the University of Granada, Spain, Granada (E– mail: jpsgonzalez@ugr.es)

Чирич Александр, доктор юридических наук, профессор, Факультет права, Университет Ниш, Сербия

Aleksandar Ćirić, doctor of law, Professor, Faculty of law, Full professor for International Trade Law, Dean of the Faculty of Law, University of Nis Republic Serbia (E– mail: aciric@prafak.ni.ac.yu)

Деян Вучетич, доктор юридических наук, доцент, Факультет права, Университет Ниш, Сербия

Dejan Vučetić, doctor of law, Professor, Faculty of law, University of Nis, Serbia (E– mail: dvucetic@prafak.ni.ac.rs)

Петер Поташ, доктор права, доктор философии, декан юридического факультета Панъевропейского университета, Братислава, Словакия. Doc. JU Dr. (E– mail: dekan.fp@paneurouni.com)

Peter Potasch, PhD, Dean of the Faculty of law of the Pan– European University, Bratislava, Slovakia (E– mail: dekan.fp@paneurouni.com)

Сведения для авторов

Журнал «Современный Юрист» принимает к публикации авторские статьи, соответствующие тематическим направлениям и научному уровню журнала.

К рукописи предъявляются следующие требования:

Содержание статьи должно обладать определенной новизной и носить научный характер.

Рукопись статьи представляется в редакцию в электронном виде по E-mail или на диске в формате Word для Windows (или в виде распечатки в двух экземплярах). Рукопись на бумажном носителе должна строго соответствовать рукописи в электронном формате. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант рукописи.

Объем рукописи не должен, как правило, превышать 1 печатного листа, т.е. 40 тыс. знаков или 22–23 машинописных страниц, напечатанных через 2 интервала, включая таблицы и графический материал. В отдельных случаях по решению редакции могут публиковаться статьи и большего объема.

К статье прилагается аннотация и перечень ключевых слов на русском и на английском языке.

Таблицы в тексте или приложения к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы и т.д.) должны иметь порядковый номер и названия, на каждую иллюстрацию в тексте статьи должна быть ссылка.

В конце статьи приводится список литературы на русском и на английском языке в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Нумерация источников в списке литературы должна соответствовать очередности ссылок в тексте. Ссылки на цитируемые источники даются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и страницы работы, например, [18, с.35].

К рукописи прилагаются сведения об авторе (ах) с указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени и звания, должности и места работы на русском и английском языке, и контактная информация (и/или E-mail).

Распечатка рукописи должна быть подписана авторами с указанием даты ее отправки.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редакцией по результатам научной экспертизы.

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений. Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с позицией редакции журнала.

Уважаемые коллеги!

Инновационный Центр прикладных научных исследований
«РИМ Университет» приглашает Вас принять участие в международных
научных конференциях с дистанционным участием, проводимых
ежемесячно с публикацией статьи
в Международном научном журнале «Современный Юрист»,
включенном в систему РИНЦ и перечень ВАК

**1. Международная научно–практическая конференция
«Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее»
International Scientific and Practical Conference:
«Intellectual property: a look into the future »**

Дата проведения: 23– 24 октября 2025 г.
Материалы принимаются до 10 октября 2025 г.

**2. Международная научно–практическая конференция
«Реформирование жилищного законодательства: миф или реальность»
International Scientific and Practical Conference:
«Housing law reform: myth or reality »**

Дата проведения: 20– 21 ноября 2025 г.
Материалы принимаются до 01 ноября 2025 г.

Просьба участников присылать свои материалы исследований, тезисы докладов и научные статьи, оформленные в соответствии с требованиями, на электронную почту: rimuniver@gmail.com
Стоимость публикации: 980 рублей 1 страница формат А 4. Минимальный объем статьи 10 страниц, тезисы 3 страницы.

Оплата производится в любом банке или в (ПАО) «ТКБ»

Реквизиты: рас/счет 40703810720100000019 в АКЦИОНЕРНОМ
КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК» (ПУБЛИЧНОЕ
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО)

Банк получателя: «ТКБ» (ПАО) город Москва
БИК 044525388 корр./счет 30101810800000000388,
ИНН 7716845146, КПП 771801001

Получатель: АНО ВО «РИМ Университет»,
ОГРН 1177700001489 ОКВЭД 85.22

Заявки на участие в Международной научно–практической конференции принимаются по адресу: rimuniver@gmail.com

Условия публикации и требования к оформлению статьи размещены на сайте издательства: <http://www.rimuniver.ru>

Оплатить подписку на журнал можно в любом отделении
Сберегательного банка, используя купон для оплаты ф. № ПД– 4
По вопросам оформления обращайтесь на сайт: <http://www.rimuniver.ru>
Е– mail: rimuniver@gmail.com

И з в е щ е н и е	«РИМ Университет» Форма № ПД– 4 (наименование получателя платежа) ИНН 7716845146 КПП 771801001 (ИНН получателя платежа) № р/с 40703810720100000019 (номер счета получателя платежа) в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК» (наименование банка и банковские реквизиты) (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО) г. Москвы корр. счет № 30101810800000000388 БИК 044525388 журнал Современный Юрист, 2025 г. Подписчик: (наименование платежа) Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. коп. Плательщик (подпись) _____
Кассир	
Квитанция	«РИМ Университет» (наименование получателя платежа) ИНН 7716845146 КПП 771801001 (ИНН получателя платежа) № р/с 40703810720100000019 (номер счета получателя платежа) в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК» (наименование банка и банковские реквизиты) (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО) г. Москвы корр. счет № 30101810800000000388 БИК 044525388 журнал Современный Юрист, 2025 г. Подписчик: (наименование платежа) Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. коп. Плательщик (подпись) _____
Кассир	

Приобретение журнала в 2025 году

Заказ журнала	Стоимость, руб.		Способ оплаты
	1 экз.	4 экз.	
Журнал (печатная копия): по объединенному каталогу «Пресса России». Подписной индекс издания № 41272; в редакции журнала: – по почте: 129347 город Москва, ул. Лосевская дом 7, корпус 1 («РИМ Университет», Шакер И.Е.) – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	980	3800	Оплата в почтовых отделениях по объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс № 41272 Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика
Журнал (pdf– file): в редакцию журнала: – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	380	1900	Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика
Отдельная статья (pdf– file): в редакции журнала: – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	180		Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика

Авторы могут приобрести журнал в количестве 4 экземпляров по льготной цене 1800 руб. или меньшее количество по обычной цене. Электронную версию (pdf– file) авторы получают бесплатно на свой адрес электронной почты.

**Издательство: «РИМ Университет»
Главный редактор Степаненко Ю.В.
Зам. главного редактора Куприянова Л.М.**

Адрес редакции
107564 город Москва,
ул. Краснобогатырская 38,
стр. 2, каб. 316
Тел. 8 (905) 546– 82– 38.
Адрес в Internet: www.rimuniver.ru
E– mail: rimuniver@gmail.com

При перепечатке материалов ссылка
на журнал Современный Юрист
обязательна

**Издание зарегистрировано в Министерстве
Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций**
30 ноября 2011 г. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации ПИ № ФСС77– 47531

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий (ВАК),**
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:
Решение Президиума ВАК от 01.12. 2015 № 13– 6518
<http://perechen.vak2.ed.gov.ru>. (ред. 01.02.2022 года).

Журнал включен в НЭБ
Российский индекс цитирования (РИНЦ)

Отпечатано в типографии ООО «Телер»
125130, Москва, ул. Клары Цеткин д.28
Тел.: (495) 937– 8664

Формат 70x108/16
Бумага офсетная обрезная
Подписано в печать 11.09.2025
Усл.печ. л. 9,2 Тираж 980 экз. Заказ № ПЖ– 68